

СВОБОДНЫ НАКОНЕЦ

ДВИЖЕНИЕ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В США

СВОБОДНЫ НАКОНЕЦ

ДВИЖЕНИЕ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В США

«У меня есть мечта»: Марш на Вашингтон за рабочие места и свободу в августе 1963 года был крупнейшей политической демонстрацией, какую когда-либо видела страна. Толпы людей, собравшиеся у мемориала Линкольна и вокруг зеркального бассейна около памятника Вашингтону, услышали, как доктор Мартин Лютер Кинг произнес, пожалуй, самую блестящую речь за всю историю Америки.

СОДЕРЖАНИЕ

— 1 —

До Америки доходит рабство 3

Глобальное явление перенесено на американскую почву

Рабство укореняется

Повседневная жизнь рабов и их общинные институты

Семейные связи

Крупным планом: Роль Черной церкви

— 2 —

«Три пятых прочих лиц» – обещание откладывается 8

Страна свободы?

Перо Фредерика Дугласса

«Подземная железная дорога»

С оружием в руках

Мятежный Джон Браун

Гражданская война в Америке

Крупным планом: Чернокожие солдаты на Гражданской войне

— 3 —

«Раздельные, но равные»: афроамериканцы откликаются на крах реконструкции 18

Реконструкция в Конгрессе

Временные завоевания... и откаты

Пришествие «законов Джима Кроу»

Букер Т. Вашингтон: стремление к экономической независимости

У.Э.Б. Дюбуа: тяга к политической агитации

Крупным планом: Маркус Гарви: другой путь

— 4 —

Чарльз Гамильтон Хьюстон и Тергуд Маршалл бросают правовой вызов сегрегации 26

Чарльз Гамильтон Хьюстон: человек, который убил Джима Кроу

Тергуд Маршалл: Мистер Гражданские Права

Решение по делу Брауна

Крупным планом: Ралф Джонсон Банч: ученый и государственный деятель

Крупным планом: Джеки Робинсон: преодоление расового барьера

— 5 —

«У нас есть движение» 35

«Надоело уступать»: автобусный бойкот в Монтгомери

Сидячие забастовки

Рейсы свободы

Движение Олбани

Арест в Бирмингеме

Письмо из бирмингемской тюрьмы

«У нас есть движение»

Марш на Вашингтон

Крупным планом: Роза Паркс: мать движения за гражданские права

Крупным планом: Борцы за гражданские права: смерть в Миссисипи

Крупным планом: Медгар Эверс: мученик движения в штате Миссисипи

— 6 —

**«Так продолжаться не может»:
установление юридического равенства 52**

Смена политики

Линдон Бейнс Джонсон

Закон 1964 года о гражданских правах

Положения закона

Закон 1965 года об избирательных правах: история вопроса

Кровавое воскресенье в Сельме

Марш Сельма-Монтгомери

Принятие Закона об избирательных правах

Сфера действия закона

Крупным планом: Реакция белых южан на движение за гражданские права

Эпилог 65

Успехи движения за гражданские права

До Америки доходит рабство

Среди древностей, выставленных в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, есть точная копия «Цилиндра Кира». Этот документ, именуемый так в честь Кира Великого, правителя Персидской империи и покорителя Вавилонии, датируется примерно 539 годом до нашей эры. Кир гарантировал своим подданным многое из того, что мы сегодня называем гражданскими правами, в том числе свободу вероисповедания и защиту личной собственности. Кир также упразднил рабство, назвав его «традицией, которую следует искоренить во всем мире».

На протяжении всей истории разные страны по-разному определяли и с неодинаковой решительностью защищали личные права и привилегии своих граждан. Соединенные Штаты – государство, построенное на фундаменте этих гражданских прав, высоких идеалов, закрепленных в Декларации независимости, и механизмов правовой защиты, прописанных в Конституции, особенно в первых 10 поправках к ней, в совокупности называемых Биллем о правах американского народа.

И все же среди вновь прибывающих была группа людей, которые не пользовались этими правами и защитой. И если иммигранты из Европы обретали в Новом Свете беспрецедентные экономические возможности и более широкую личную, политическую и религиозную свободу, чернокожих африканцев привозили сюда против их воли, часто в цепях. Их продавали в качестве рабов, движимого имущества, и принуждали к труду на «хозяев» – чаще всего на крупных сельскохозяйственных плантациях Юга.

В этой книге рассказывается о том, как афроамериканские рабы и их потомки боролись – судебными и практическими средствами – за гражданские права, которыми пользовались другие американцы. Повествуется о гордой стойкости и борьбе, о великих героях и героинях, о том, как в итоге удалось убедить большинство американцев решительно выступить против позорного разрыва между всеобщими принципами равенства и справедливости и тем неравенством, несправедливостью и гнетом, с которыми сталкивались миллионы их сограждан.

Глобальное явление перенесено на американскую почву

Человек с доисторических времен поработал других людей. Хотя условия рабства различались, рабский труд применялся древними цивилизациями Месопотамии, Индии и Китая, в античной Греции и Риме, а в доколумбовой Америке – местными империями ацтеков, инков и майя. Библия рассказывает нам, что египтяне использовали рабов-евреев, а евреи после исхода из Египта использовали собственных рабов. Раннее

христианство приняло эту практику, равно как и ислам. Арабы из Северной и Восточной Африки поработали чернокожих африканцев, а Египет и Сирия поработали средиземноморских европейцев, которых они захватывали или покупали у работорговцев и обычно использовали на сахарном производстве. Многие племена коренных американцев поработали членов других племен, взятых в плен на войне.

Атлантическую работорговлю стимулировал целый комплекс факторов. Завоевание Константинополя (нынешнего Стамбула) османами в 1453 году нарушило сложившиеся формы торговли и лишило европейских сладкоежек вожделенного сахара. По следам португальцев другие европейцы начали осваивать побережье Западной Африки и покупать рабов у африканских работорговцев. После того, как в 1492 году Христофор Колумб открыл Новый Свет, европейские колонизаторы завезли туда множество африканских рабов для обработки земли и – особенно в Карибском бассейне – для выращивания сахара. Вскоре Карибские острова стали удовлетворять 80–90 процентов спроса на сахар в Западной Европе.

Взятые в рабство африканцы на палубе барка Wildfire в Ки-Уэсте, штат Флорида, апрель 1860 года.

На рисунке 1823 года изображены рабы, рубящие сахарный тростник на карибском острове Антигуа.

В современном мире трудно понять ту особую роль, которую некогда играли в мировой экономике такие сельскохозяйственные культуры, как сахар, табак, хлопок и специи. В 1789 году, например, на долю маленькой колонии Сан-Доминго (ныне Гаити) приходилось около 40 процентов всей внешней торговли Франции в стоимостном выражении. Экономические силы, двигавшие атлантическую работорговлю, были мощными. В общей сложности по меньшей мере 10 миллионов африканцев прошло по «срединному переходу» (так называют атлантическую – вторую и наиболее протяженную – сторону торгового треугольника, по которому в Африку отправлялись текстиль, ром и промышленные товары, в Америку – рабы, а в Европу – сахар, табак и хлопок). Большинство прибывало в португальскую Бразилию, испанскую Латинскую Америку и на различные британские и французские «сахарные острова» Карибского моря. В британскую Северную Америку привозилось всего около 6 процента порабощенных африканцев. Тем не менее жизнь афроамериканцев резко отличалась от жизни других иммигрантов, которым предстояло основать и расширить Соединенные Штаты.

Рабство укореняется

Самые первые рабы попали в британскую Северную Америку случайно. Через двенадцать лет после основания в 1607 году первого постоянного британского поселения в Джеймстауне, штат Вирджиния, туда причалил капер с «двумя с лишним десятками негров», которых он отбил у испанского корабля в Карибском море. Поселенцы приобрели этот «груз» – первых рабов в будущих Соединенных Штатах.

В последующие 50 лет рабы как рабочая сила не играли заметной роли в формировании колонии на территории Вирджинии. Землевладельческие элиты предпочитали полагаться на «контрактованных» белых. Желающие эмигрировать европейцы «контрактовались» – подписывали с работодателем контракт, по которому он давал им взаймы деньги на переезд в Америку, а они в счет погашения долга соглашались несколько лет работать на него. В тот период, пишет социолог Орландо Паттерсон, межрасовые отношения были относительно тесными. Небольшое число особо изобретательных чернокожих даже обрело свободу и процветало самостоятельно.

Однако, начиная со второй половины 17-го века, стали снижаться как цена на рабов, так и приток иммигрантов, готовых работать по контракту. Поскольку рабский труд стал дешевле контрактного, рабство стало быстро развиваться и распространяться. К 1770 году афроамериканцы составляли около 40 процентов населения в южных колониях, а в Южной Каролине – большинство (рабы встречались и в северных колониях, но там их доля в населении никогда не превышала 5 процентов). Имея дело с таким крупным, угнетенным и потенциально мятежным меньшинством, южные элиты поощряли в обществе более жесткое отношение к неграм. Дети рабынь провозглашались рабами. Хозяевам можно было убивать рабов в порядке наказания. Но, пожалуй, важнее всего было то, что белые элиты Вирджинии стали поощрять расизм,

направленный против чернокожих, стремясь обособить негров от беднейших белых работников.

Большинство афроамериканских рабов трудилось на фермах, производящих профильные культуры – табак в Мэриленде, Вирджинии и Северной Каролине, рис на «Глубоком Юге». В 1793 году американский изобретатель Илай Уитни сконструировал первый коттон-джин – машину, очищающую хлопковое волокно от семян. Это способствовало резкому расширению выращивания хлопка по всему Нижнему Югу – области, простирающейся на запад через Алабаму, Миссисипи и Луизиану в Техас. В период с 1790 по 1860 год на запад переместилось около миллиона рабов-афроамериканцев – почти вдвое больше, чем было завезено в Соединенные Штаты из Африки.

Повседневная жизнь рабов и их общинные институты

Афроамериканских рабов заставляли заниматься тяжелым, нередко нечеловечески тяжелым трудом. В некоторых штатах специальные «кодексы рабов» предусматривали жесточайшие наказания рабов за правонарушения. Принятый в 1705 году «Кодекс рабов Вирджинии» гласил:

Все рабы из числа негров, мулатов и индейцев в доминионе... считаются недвижимым имуществом. Если раб сопротивляется своему хозяину... применяющему к таковому рабу исправительные меры, и если в ходе исправления раб оказывается убитым... хозяин освобождается от всякого наказания... как будто ничего подобного не случилось вовсе.

Этот кодекс также запрещал рабам покидать плантации без письменного разрешения. Он санкционировал порки, клеймение и нанесение увечий в качестве наказания даже за незначительные прегрешения. Некоторые кодексы запрещали обучать рабов грамоте. В Джорджии это преступление каралось штрафом и/или поркой, если провинившийся был «рабом-негром или цветным свободным человеком».

Хотя участь американских рабов была тяжелой, материальные условия, в которых они трудились, во многом были сопоставимы с теми, что испытывали в те же времена многие европейские рабочие и крестьяне. Но существовала и разница. Рабы были лишены свободы.

Отказ в основных правах человека препятствовал политическому и экономическому прогрессу афроамериканского населения, но рабы в ответ создавали собственные мощные общественные институты, которые позднее, в середине 20-го века, будут подпитывать движение за гражданские права, предоставляя ему поддержку и социальный капитал. В литературе того времени раб часто изображается как незрелая, инфантильная личность, во всем полагающаяся на своего белого хозяина, но теперь мы понимаем, что многим группам рабов все же удавалось добиться определенной личной, культурной и религиозной автономии. «Дело было не в том, что рабы вели себя не как взрослые люди, – пишет историк Юджин Дженовиз. – Просто они не могли сплотиться как народ и выступить как политическая сила». Несмотря на это, указывает Дженовиз, большинство рабов «находили возможности развиваться и самоутверждаться как взрослые мужчины и женщины, несмотря на опасные компромиссы, которые им навязывались».

Одну из таких возможностей открывала «Черная церковь». Со временем все больше афроамериканских рабов принимало христианство, становясь баптистами или методистами, поскольку именно эти конфессии преобладали среди белых южан. Кое-кто из хозяев опасался, как бы христианские догматы не подорвали их попытки теоретически обосновать рабство, другие же призывали своих рабов посещать церковь, хотя и в отдельной секции «только для черных».

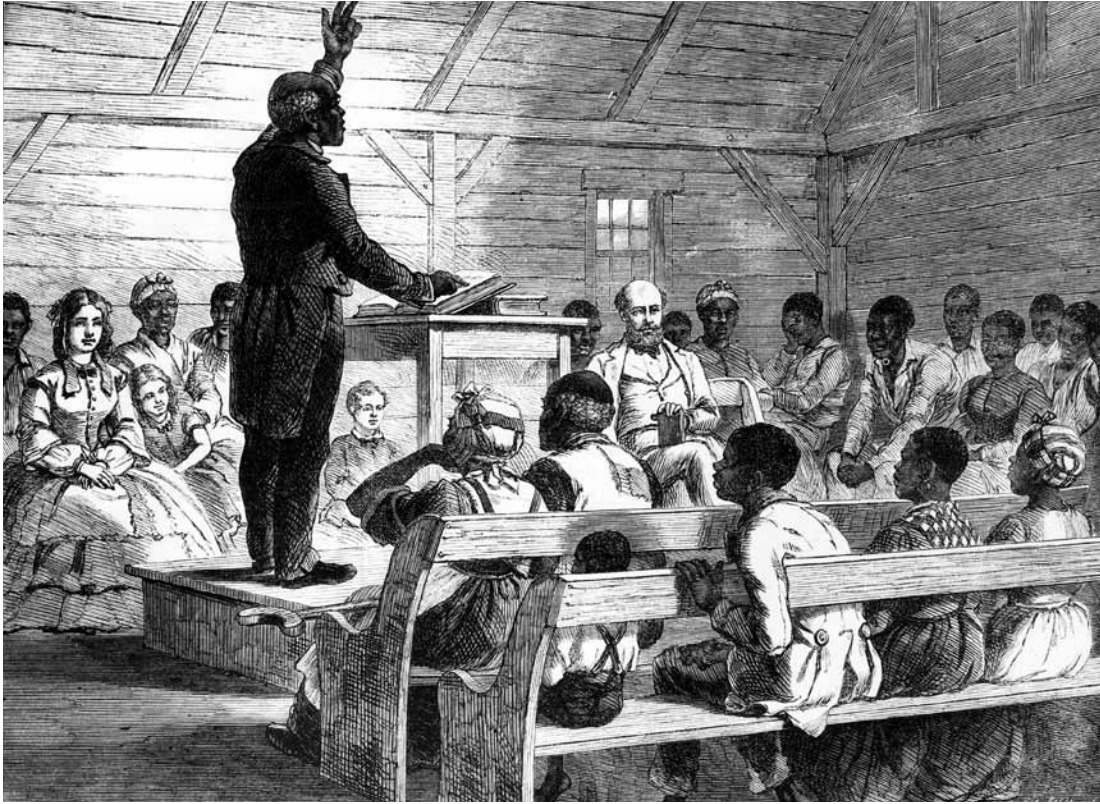
Обратившись в христианство, многие рабы затем основали собственные параллельные, или подпольные церкви. В них христианство нередко сочеталось с элементами прежних африканских культур и верований рабов. Так, в богослужения включались характерные выкрики, пляски и переключки в форме вопросов-ответов, которые позднее заняли видное место в знаменитых проповедях доктора Мартина Лютера Кинга и других ведущих негритянских проповедников. Черная церковь часто подчеркивала иные аспекты христианской традиции, нежели южные церкви для белых. Если последние могли толковать библейское проклятие Хама («Раб рабов будет он у братьев своих») как обоснование рабства, то на афроамериканских службах вместо этого упор делался на историю о том, как Моисей вывел сынов Израиля из неволи.

Афроамериканским рабам религия в определенной степени давала утешение и надежду. После того, как Гражданская война в Америке положила конец рабству, негритянские церкви и религиозные организации выросли по численному составу, влиянию и организационной мощи. Эти факторы оказались жизненно важными для успеха движения за гражданские права.

Семейные связи

Таким же фактором успеха оказались и тесные семейные узы, которыми были связаны рабы. Их хозяева могли разделять семьи и часто делали это в буквальном смысле слова, продавая членов семей другим рабовладельцам, разлучая мужа с женой, родителей с детьми. Но многие семьи сохранялись, и ряд исследователей обращали внимание на «замечательную стабильность, прочность и долговечность нуклеарной семьи в эпоху рабства». Разветвленные семейства рабов, как правило, селили в одном доме. При этом по крайней мере, как пишет историк К. Ванн Вудворд, детям «было обеспечено детство, свободное от труда и унижений, даже в том возрасте, когда дети рабочих в Англии и Франции были вынуждены трудиться на шахтах и фабриках».

Структура афроамериканской семьи сумела адаптироваться к невзгодам, связанным с рабством, а позднее – с дискриминацией и экономическим неравенством. Многие негритянские семьи напоминали целые кланы, а не просто небольшие ячейки ближайших родственников. Иногда они спланивались вокруг сильной, авторитетной женщины. Рабовладельцы порой поощряли эти семейные связи, рассчитывая на то, что угрозой разлучить семью им удастся подавить попытки неповиновения и бунта.

На рисунке (приблизительно 1860 г.) — чернокожий проповедник, обращающийся к пастве смешанного расового состава на плантации в Южной Каролине.

Так или иначе крепкие семьи, состоявшие только из ближайших родственников или включавшие более отдаленных, помогали обеспечивать выживание афроамериканцев. В карибских колониях и в Бразилии смертность среди рабов была выше рождаемости, но в Соединенных Штатах темпы воспроизводства чернокожего населения были такими же, как среди белых. К 1770-м годам лишь пятая часть рабов в британской Северной Америке состояла из родившихся в Африке. Даже после того, как в 1808 году Соединенные Штаты запретили ввоз рабов, их численность к началу Гражданской войны в 1861 году возросла с 1,2 млн. почти до 4 миллионов.

Рабство забросило африканцев в Америку и лишило их свобод, которыми пользовались американцы европейского происхождения. Но даже в неволе многие афроамериканцы сформировали прочные семейные узы и религиозные институты и заложили фундамент, на котором будущие поколения смогли построить победоносное движение за гражданские права. Борьба за свободу и равенство началась задолго до того, как Роза Паркс отказалась уступить место в передней части автобуса, более чем за столетие до того, как Мартин Лютер Кинг вдохновил американцев своей знаменитой мечтой.

РОЛЬ ЧЕРНОЙ ЦЕРКВИ

Афроамериканские религиозные общины внесли огромный вклад в американское общество. Не в последнюю очередь это связано с тем, что они во многом заложили нравственную, политическую и организационную основу для движения за гражданские права в 20-м веке и сформировали мышление его лидеров, таких, как Роза Паркс и преподобный Мартин Лютер Кинг.

Афроамериканцы – как рабы, так и вольные – стали создавать собственные религиозные объединения уже в середине – конце 18-го века. После эмансипации рабов возникли вполне зрелые конфессии. То, что мы сегодня называем Черной церковью, охватывает семь основных исторических негритянских конфессий: Африканскую методистскую епископальную церковь, Африканскую методистскую епископальную церковь, Христианскую методистскую епископальную церковь, Национальную баптистскую конвенцию США (инкорпорированную), Национальную баптистскую конвенцию Америки (неинкорпорированную), Прогрессивную национальную баптистскую конвенцию и Церковь Бога во Христе.

Эти конфессии возникли после эмансипации афроамериканских рабов. Они строились в основном в традициях методистов, баптистов и пятидесятников, хотя нередко включали также характерные черты американского католицизма, англиканства, Объединенной методистской церкви и множества других.

Великим даром, поистине «талантом» религиозного воприятия мира у афроамериканцев является тяга к общей идентичности. Чернокожие рабы завозились в Америку по «срединному переходу» через Атлантику из различных частей Африки. Будучи рабами, они подвергались массированному гнету. На фоне этого многообразия и социальных лишений афроамериканская религиозная вера и практика дарила утешение и закладывала интеллектуальную основу приемов успешного решения затяжного конфликта – методов гражданского неповиновения и ненасильственных действий. Черная церковь также наделяла чернокожих активистов мощной идеологией, приучая их стремиться к окончательному решению для всех, а не к паллиативам для горстки избранных. Движение за гражданские права взяло себе на вооружение эту политику – никогда не мириться с целенаправленным угнетением какой-либо группы людей. Другими словами, этот «талант» естественным образом исходил из афроамериканских религиозных общин, которые стремились осмысливать трагическую историю и двигаться в будущее – не только ради самих себя, но и для всей страны и всего мира.

Словом, хотя сопротивление рабству, а затем расовой сегрегации в той или иной форме было, наверное, неизбежным, общинная духовность Черной церкви перед лицом репрессий способствовала разрастанию движения за гражданские права, кото-

рое добивалось своих целей мирными средствами.

Многие влиятельные деятели движения за гражданские права – прежде всего, разумеется, Кинг, но также и другие сильные и значимые фигуры, такие, как члены Палаты представителей США Барбара Джордан и Джон Льюис, политический активист и баптистский проповедник Джесси Джексон и легенда музыки госпел Махалиа Джексон – сформировались на основе своего религиозного опыта в лоне Черной церкви. Действительно, роль Кинга как главного глашатая гражданских прав отражает непосредственную связь между афроамериканскими религиозными общинами и борьбой за расовую и социальную справедливость в Соединенных Штатах. Духовное влияние афроамериканской религиозной практики распространилось и за пределами страны, когда такие мировые лидеры, как Нельсон Мандела и архиепископ Десмонд Туту, научились у Кинга совмещать идентичность африканца и христианина в духе любви и единства.

Сегодня духовность афроамериканских общин, как всегда, прочна и деятельна. Негритянские церкви пытаются дать ответ на современные вызовы – такие, как распространение ВИЧ/СПИДа, необходимость борьбы с бедностью, непропорционально высокий рецидивизм среди заключенных афроамериканцев. Однако первоосновой такой духовности остается стремление

к общей идентичности.

Благодаря избранию первого афроамериканца на должность президента и расширению доли представителей меньшинств в системе высшего образования продвижение к общей идентичности успешно продолжается.

В итоге Черная церковь помогла афроамериканцам пережить самые тяжелые формы гнета и обеспечить революционную притягательность единой общинной духовности. Черная церковь не просто строила теории на тему демократии – она строила демократию на практике. Из ее корней возросли побег движения за гражданские права – созидательного, всеобъемлющего и ненасильственного.

Майкл Бэттл

Посвященный в духовный сан архиепископом Десмондом Туту, его высокопреподобие Майкл Бэттл является настоятелем и каноническим богословом Соборного центра святого Павла в Епископальном церковном округе Лос-Анджелеса. Среди его книг – «Черная церковь в Америке: афроамериканская духовность».

«Три пятых прочих лиц»

ОБЕЩАНИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

В 19-м и начале 20-го века негры и их белые союзники самыми разными путями пытались покончить с рабством, а затем добиться юридического равноправия для «освобожденных». Приближение к расовому равенству не могло не быть медленным – не в последнюю очередь потому, что рабство и угнетение чернокожих относились к числу междугрупповых политических компромиссов, подкреплявших национальное единство. Гражданская война 1861–1865 годов должна была положить конец рабовладению в Соединенных Штатах, но по окончании конфликта политическая воля северян, позволявшая им бороться с сопротивлением расовому равенству со стороны белых южан, постепенно иссякла. Введение «законов Джима Кроу», официально закреплявших сегрегацию на всем Юге, подавило политический прогресс чернокожего населения. Тем не менее афроамериканские лидеры продолжали наращивать интеллектуальный и институциональный капитал, который впоследствии подпитывал успешные движения за гражданские права в середине и конце 20-го века.

Страна свободы?

Рабство раскололо американцев с самого первого дня независимости. Поскольку Юг все больше зависел от новой основной культуры – «короля Хлопка» – и от плантаций, где он выращивался с интенсивным использованием рабского труда, нарастала перспектива столкновения с северными штатами, которые все сильнее настраивались против рабства. Молодая страна отсрочила этот конфликт, прибегнув к ряду моральных уловок и политических компромиссов.

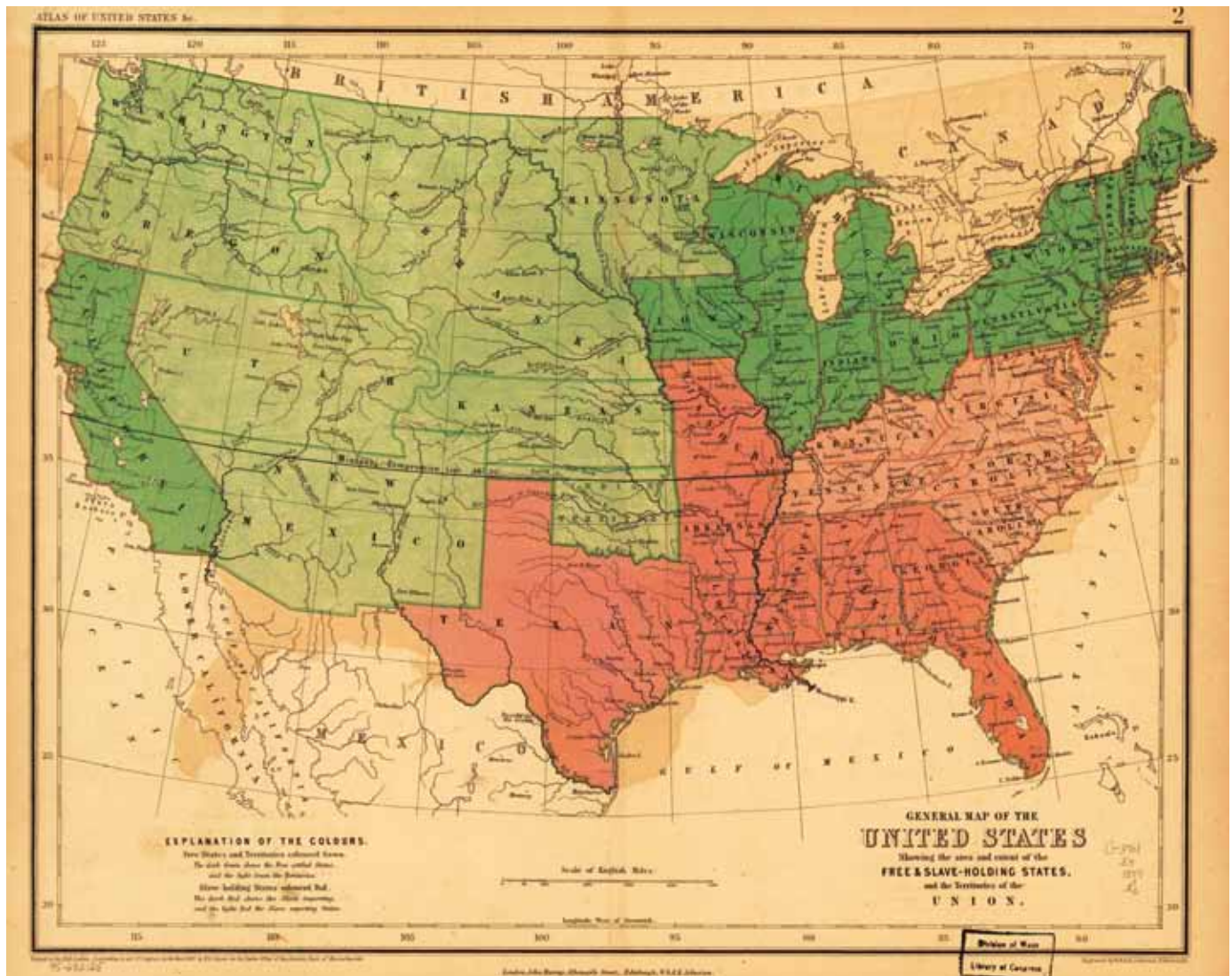
Декларация независимости США (1776) содержит волнующие фразы о всеобщем братстве: «Мы считаем самоочевидными истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью». А между тем главный ее автор, Томас Джефферсон, сам был вирджинским рабовладельцем. Джефферсон понимал это противоречие, и в его проекте резко осуждалась работорговля (хотя и не само рабство): она была названа «жестоким войной против человеческой природы». Но Континентальный Конгресс – фактическое американское правительство того времени – исключил из Декларации упоминание о работорговле во избежание споров, грозивших подорвать расколотый консенсус в пользу независимости. И это был не последний случай, когда политическая целесообразность взяла верх над нравственными императивами.

Изображение Джорджа Вашингтона с чернокожими полевыми работниками в его имении Маунт-Вернон, штат Вирджиния, 1757 год.

К 1787 году многие американцы были решительно настроены заменить существующий рыхлый, децентрализованный альянс 13 штатов более сильным федеральным правительством. Конституционный Конвент, проводившийся в Филадельфии с мая по сентябрь того года, подготовил наметки такого правительства. «На съезде происходили крупные стычки из-за рабства», – пишет Дэвид Стюарт, автор книги «Лето 1787 года: люди, которые изобрели Конституцию». Хотя «многие из делегатов по своим взглядам фактически были аболиционистами... в стране в то время не было настроения на отмену рабства».

Поскольку конституция в любом ее варианте все равно не могла бы вступить бы в силу без ратификации девятью из 13 штатов, возникла необходимость достижения компромисса по вопросу о статусе афроамериканских рабов. Северные делегаты конвента во главе с Джеймсом Вильсоном из Пенсильвании достигли договоренности с тремя крупными рабовладельческими штатами. Обе стороны согласились, что каждые пять «несвободных лиц» – рабов – будут считаться за трех человек при расчете численности делегации штата в Конгрессе. Они также договорились на 20 лет запретить Конгрессу США принимать законы о запрете ввоза рабов. (Позднее Конгресс отменил работорговлю, начиная с 1808 года. К тому времени этот законопроект уже не вызывал споров вследствие естественного прироста популяции рабов.)

Этот «компромисс о трех пятых» впоследствии осудили как «фаустову сделку», или первородный грех Америки. Свободный чернокожий северянин Дэвид Уокер спрашивал в своем памфлете в 1829 году: «Не провозгласил ли г-н Джефферсон на весь мир, что мы хуже белых по своим телесным и умственным способностям?» Достигнутый компромисс позволил штатам сформировать более крепкий союз, но в то же время он обеспечил сохранение рабства на Юге, где изобретение хлопкоочистительной машины в 1793 году резко ускорило рост системы выращивания хлопка на плантациях с интенсивным применением рабского труда. Он также повлек за собой глубокие политические последствия для молодой страны. В условиях острого соперничества на президентских выборах 1800 года дополнительные голоса выборщиков, полученные южными штатами благодаря высокой численности рабов, обеспечили Томасу Джефферсону решающий перевес над действующим президентом – Джоном Адамсом из Массачусетса.

На этой карте США 1857 года «свободные» штаты окрашены в темно-зеленый цвет, рабовладельческие – в красный и светло-красный, а территории (американские земли, еще не ставшие штатами) – в светло-зеленый.

Еще важнее то, как рабство повлияло на расширение страны. Вопрос о том, будут ли новые штаты разрешать у себя рабовладение, приобрел решающее значение для баланса сил в Конгрессе между «рабовладельческими» и «свободными» штатами. В первой половине 19-го века Конгресс выработал ряд компромиссов, которые в целом обеспечивали вступление в Союз штатов, допускающих рабство, наряду с новыми штатами, которые его запрещали. Миссурийский компромисс, Компромисс 1850 года и Закон о Канзасе и Небраске – все они поддерживали этот политический баланс. Однако в 1857 году Верховный суд в деле «Дред Скотт против Сэнфорда» постановил, что Конгресс не может запрещать рабство на западных территориях, еще не получивших статуса штатов. Такое решение усилило общественный конфликт из-за рабства и приблизило окончательное противостояние.

Несмотря на то, что политическая система молодой страны отказывала неграм в гражданских правах, которыми пользовались их белые соотечественники, находились смельчаки, поднимавшиеся на борьбу за отмену рабства и за то,

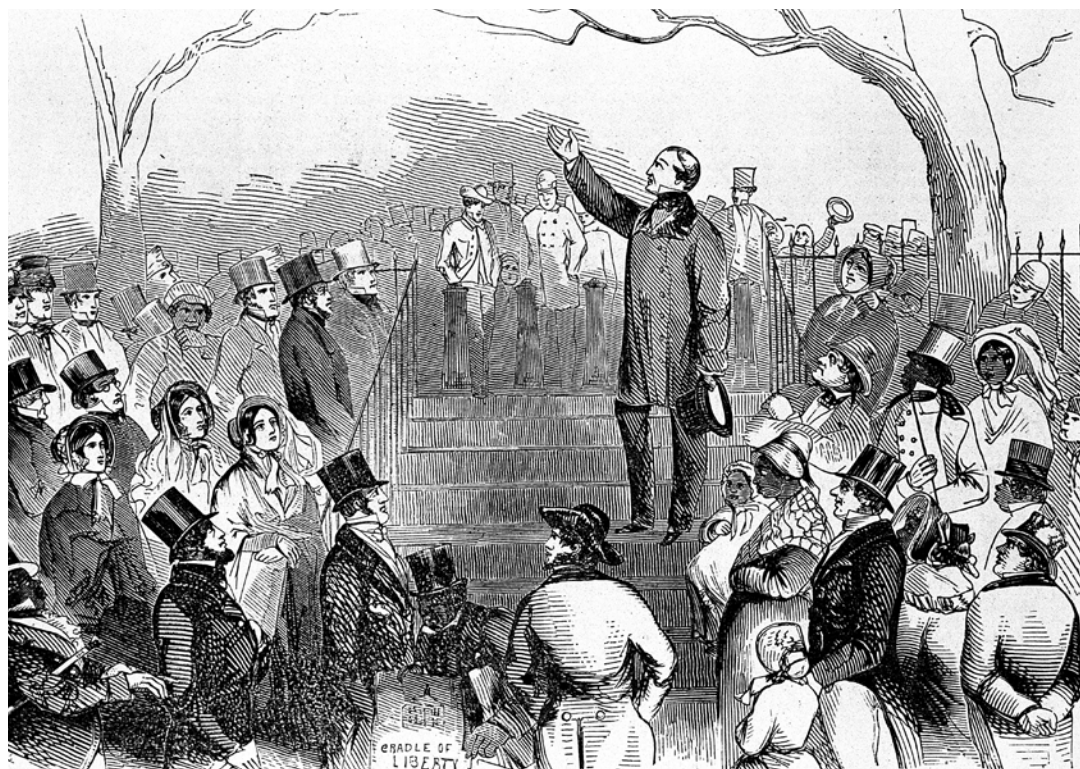
чтобы Соединенные Штаты жили в соответствии со своими лучшими идеалами.

Перо Фредерика Дугласса

Хотя политическая система США оказалась неспособной вытеснить рабовладение с американского Юга, не все согласились примириться с «особым институтом», как его часто называли южане. Решительно настроенные люди – женщины и мужчины, чернокожие и белые – становились abolitionистами, посвящали свою жизнь делу освобождения, юридического запрещения рабства. Они использовали целый ряд тактических приемов – как насильственных, так и ненасильственных. И точно так же, как позднее во времена Мартина Лютера Kinga, мощным оружием оказывались перо и обращение к совести. Хотя Гражданская война в Америке не была исключительно битвой за освобождение рабов, abolitionисты убедили многих северян согласиться с настроениями, которые выразил в 1858 году кандидат в Сенат по имени Авраам Линкольн: «Не устоит дом, разделившийся сам в себе. Убежден, нынешнее правительство не удержится, если постоянно будет наполовину рабовладельческим и наполовину свободным».

Зажигательные слова чернокожих и белых мыслителей побуждали все больше американцев преодолевать расхождение между своими благородными идеалами и подневольной жизнью негров на Юге. Пожалуй, самое сильное перо принадлежало Фредерику Дуглассу – беглому рабу, журналисту, издателю и поборнику свободы. Дугласс родился рабом в 1817 или 1818 году. Его хозяйка вопреки закону штата Мэриленд научила мальчика читать. В 13 лет он купил свою первую книжку – сборник очерков, стихов и диалогов, воспевавших свободу, который в начале 19-го века широко использовался в американских школах. Так еще в юности Дугласс начал приобретать мастерство, которое впоследствии сделало его одним из самых сильных и авторитетных ораторов столетия. В 1838 году Дугласс бежал с плантации, где работал в поле, и добрался до Нью-Бедфорда, штат Массачусетс, где ему предстояло начать свою замечательную карьеру.

В 1841 году ведущий белый abolitionист Уильям Ллойд Гаррисон организовал в Нантакете, штат Массачусетс, съезд противников рабства. Один из участников, которому довелось слышать Дугласса в местных негритянских церквях, пригласил его выступить перед собранием. «Мне было страшно трудно хотя бы держаться прямо, – писал позднее Дугласс, – не то что связать и произнести два слова без колебаний и запинок». Но его слова тронули собравшихся: «Аудитория сразу же прониклась сочувствием ко мне, сначала стояла необыкновенная тишина, а потом все очень оживилось». Организаторы съезда согласились с ним. Их

Собрание противников рабства в Бостоне в 1835 году привлекло как белых, так и свободных чернокожих.

Общество против рабства в Массачусетсе тут же приняло Дугласса на работу.

На своем новом поприще Дугласс выступал на публичных собраниях по всему Северу. Он осуждал рабовладение и утверждал, что негры тоже должны иметь гражданские права, которые по Конституции США есть у остальных американцев. Неоднократно на эти собрания abolitionистов нападали толпы расистов, но нашлись белые, которые подружались с Дуглассом и отстаивали его дело. После того, как однажды толпа выбила зуб белому коллеге Дугласса, который спас его от избиения, Дугласс написал своему другу: «Никогда не забуду, как мы, словно родные братья, были готовы дерзать, бороться и даже умереть друг за друга». Дугласс высоко ценил готовность своего коллеги оставить «легкую и даже роскошную жизнь... против воли твоего отца и многих твоих друзей» и вместо этого сделать «что-нибудь для того, чтобы разбить окопы рабства и возвысить всеми презираемого чернокожего».

В 1845 году Дугласс опубликовал первую из нескольких своих ставших знаменитыми автобиографий. Его произведения позволяли белым американцам узнать о жизни на плантациях, развеивали их иллюзии, будто рабство – это «благо» для чернокожих, и убеждали многих в том, что ни одно справедливое общество не может терпеть подобную практику. Но вместе с внезапной славой к Дуглассу пришла реальная опасность: хозяин мог разыскать его и вернуть к себе. Дугласс благоразумно покинул страну, отправившись в двухлетнюю поездку с выступлениями по Англии, Шотландии и Ирландии. Пока он был за границей, друзья заплатили за его свободу – выкуп за одного из величайших людей страны составил чуть больше 700 долларов.

В Великобритании Дугласс познакомился с политически более агрессивной формой аболиционизма. Вернувшись в 1847 году в Соединенные Штаты, Дугласс порвал с Уильямом Ллойдом Гаррисоном. Гаррисон предпочитал чисто моральные и ненасильственные действия против рабства и был готов пойти на выход Севера из Союза во избежание «нравственного пятна» рабства. Дугласс указывал, что такой курс принесет мало пользы чернокожим рабам на Юге, и выступал за ряд более жестких действий. Он поддерживал основные политические партии, обещавшие не допустить распространения рабовладения на западных территориях, и другие партии, требовавшие полной отмены рабства по всей стране. Он предоставил свой дом в качестве станции «подземной железной дороги» (такое название получила сеть людей, помогавших беглым рабам бежать на Север) и подружился с воинствующим аболиционистом Джоном Брауном, поставившим целью разжечь восстание рабов.

В 1847 году Дугласс начал выпускать газету *The North Star* («Северная звезда» – первую из нескольких газет, которые он издавал для продвижения дела равноправия негров и женщин. Она выходила под девизом «Нет пола у права – нет цвета у правды – Бог всем нам Отец, и все мы братья»). Дугласс быстро стал горячим поборником равноправия между мужчинами и женщинами. В 1872 году он баллотировался на пост вице-президента от Партии равноправия в связке с Викторией Клафлин Вудхалл – первой женщиной, ставшей в Соединенных Штатах кандидатом в президенты.

На президентских выборах 1860 года Дугласс агитировал за Авраама Линкольна. Когда вскоре после вступления Линкольна в должность вспыхнула американская Гражданская война, в которой северный Союз противостоял мятежной южной Конфедерации, Дугласс утверждал, что Союз должен набирать чернокожих солдат: «Если позволить негру надеть военную форму с медными буквами «США», позволить ему носить пуговицы с орлом, мушкет на плече и пули в кармане – никакая сила на земле не сможет отрицать, что он заслужил право на гражданство». Поскольку Дугласс сам не мог идти служить по возрасту, он стал вербовать чернокожих в 54-й и 55-й Массачусетские полки – две части, укомплектованных афроамериканцами, которые сражались с большой доблестью.

В ходе великого противостояния отношения Дугласса с Линкольном поначалу были неравными, поскольку первой задачей президента было умирить рабовладельческие пограничные штаты, имевшие ключевое значение для военных операций Союза. Однако 22 сентября 1862 года Линкольн издал Прокламацию об освобождении, провозгласив свободу – с 1 января 1863 года – для всех рабов, которых держат в районах, все еще охваченных мятежом. В марте 1863 года Линкольн одобрил призыв негров на военную службу, а в следующем году решительно отверг предложения начать мирные переговоры, не дожидаясь, пока Юг согласится отменить рабство. Президент дважды приглашал Дугласса в Белый дом. Позднее Дугласс писал о Линкольне: «В его обществе мне никогда и никоим образом не напоминали ни о моем скромном происхождении, ни о моем непопулярном цвете кожи». Президент принимал его «точно так же, как обычно один джентльмен принимает другого».

По окончании войны замечательная карьера Дугласса продолжилась. Он добивался принятия 13-й, 14-й и 15-й поправок к Конституции США – послевоенных поправок, в которых формулировались права для всех людей, а не только для белых, а отдельным штатам запрещалось отказывать людям в этих правах. Хотя за соблюдение этих поправок в дальнейшем пришлось сражаться еще целому поколению смелых борцов за гражданские права, они опирались на конституционную основу, заложенную Дуглассом и другими. Позднее Дугласс занимал ряд местных должностей в столице страны Вашингтоне и продолжал добиваться избирательных прав и равноправия для женщин. Он умер в 1895 году, завоевав право считаться ведущей фигурой среди афроамериканцев в 19-м веке.

«Подземная железная дорога»

Фредерик Дугласс был человеком исключительно способным. Его современники, как белые, так и негры, применяли разнообразную тактику борьбы с рабством и завоевания гражданских прав для чернокожих. В стране наполовину рабовладельческой, наполовину свободной одним из логичных тактических приемов была тайная пересылка рабов на север, к свободе. Инициативу взяли на себя несколько религиозных общин. Начиная примерно с 1800 года, ряд квакеров (конфессия, основанная в Англии и влиятельная в Пенсильвании) стал предоставлять беглым рабам убежище и помощь, чтобы они могли начать новую жизнь на Севере или переехать в Канаду. Законы о беглых рабах, принятые в 1793 и 1850 годах, предусматривали поимку и возвращение убежавших рабов, но квакеры были готовы к ненасильственному неповиновению законам, которые они считали несправедливыми. Впоследствии к этой работе, которая расширилась

Гарриет Табман ведет беглых рабов к свободе в Канаде.

и помогала большому числу беглых рабов выбираться с Юга, подключились также Евангельские методисты, пресвитериане и конгрегационалисты.

Все более заметную роль в движении стали брать на себя свободные чернокожие. Движение получило название «Подземная железная дорога» – не потому, что оно использовало тоннели или поезда (ни то, ни другое не использовалось), а ввиду того, что его участники пользовались железнодорожной терминологией. «Проводник», хорошо знающий местность, переправлял одного или нескольких рабов на «станцию», которой обычно служил дом сочувствующего «начальника станции», затем на другую станцию, и так далее, пока рабы не попадали на свободную территорию. Обычно рабы передвигались под покровом темноты, проходя за ночь, как правило, от 16 до 32 километров. Это было чрезвычайно опасным делом. В случае захвата проводником и рабам в равной мере грозило суровое наказание или смерть.

Самым знаменитым проводником была женщина – беглая рабыня-негритянка по имени Гарриет Табман. Обретя свободу в 1849 году, Табман вновь неоднократно приезжала на Юг и провела на «подземной железной дороге» около 20 операций, которые спасли примерно 300 рабов, в том числе сестру, брата и родителей самой Табман. Она умела очень хорошо маскироваться, переодеваясь то в безобидную старушку, то в душевнобольного старика. Ни один раб, находившийся под опекой Табман, не был пойман. Афроамериканцы, стремившиеся на север, называли ее своим «Моисеем», а реку Огайо, отделяющую в некоторых частях страны рабовладельческие штаты от свободных, – «рекой Иордан». Эти библейские метафоры символизировали обретение земли обетованной. Рабовладельцы предлагали за ее поимку награду в 40 000 долларов, а Джон Браун называл ее «генерал Табман».

Достигнутый в 1850 году политический компромисс между заинтересованными группами привел к принятию нового, более жесткого Закона о беглых рабах. Если прежний законодательный акт многие северные штаты втихомолку бойкотировали, то новый закон ввел должности специальных комиссаров, уполномоченных исполнять в федеральном суде иски рабовладельцев к беглым рабам. Он налагал высокие штрафы на федеральных маршалов, которые не соблюдали его условий, а также на любого, кто оказывал помощь беглому рабу. После этого «подземная железная дорога» была вынуждена перейти на более агрессивную тактику, в том числе предпринимать смелые попытки похищения чернокожих из зала суда и даже из-под стражи федеральных маршалов.

Хотя агентов, «начальников станций» и «проводников» было относительно мало, их усилиями были освобождены десятки тысяч рабов. Их самоотверженная храбрость способствовала росту настроений против рабства на Севере. Такая реакция и сопротивление северян Закону 1850 года о беглых рабах убедила многих белых южан в том, что Север не согласится навсегда оставить страну наполовину рабовладельческой.

С оружием в руках

Уже в 1663 году, когда в округе Глостер, штат Вирджиния, за подготовку мятежа было обезглавлено несколько чернокожих, афроамериканские рабы поднимали бунты против своих хозяев. Их вдохновляли события на Гаити, где сопротивление коренных жителей позволило вытеснить французских колонизаторов, положить конец системе рабского труда на плантациях и основать независимую республику. В Филадельфии, штат Пенсильвания, успешный чернокожий предприниматель по имени Джеймс Фортен пришел к выводу, что афроамериканцы «не всегда будут содержаться в неволе, как сейчас». На американском Юге белые землевладельцы опасались, что он может оказаться прав, и жестоко реагировали даже на малейшие поползновения к бунту.

Несмотря на это, находились храбрые афроамериканцы, готовые взяться за оружие даже без шансов на победу. Пожалуй, самое известное сражение произошло в 1831 году в Вирджинии. Нат Тернер (1800–1831) был рабом в округе Саутгемптон, штат Вирджиния. Первый хозяин Тернера решил ему учиться чтению, письму и религии. Тернер начал проповедовать, привлекал последователей и, по некоторым сведениям, решил, что он призван Богом вести свой народ к свободе. 22 августа 1831 года Тернер и группа рабов числом от 50 до 75 человек вооружились ножами и топорами. В течение двух дней они ходили по домам, освобождая рабов, которые им встречались, и убивая белых – более 50 человек, в том числе немало женщин и детей.

Ответ был быстрым и сокрушительным. Местное ополчение выследило мятежников, из которых 48 было предано суду и 18 повешено. Тернер бежал, но 30 октября был пойман в пещере. После суда и приговора Тернер был повешен, с него содрали кожу, а тело обезглавили и четвертовали. Тем временем толпы белых, жаждущих мести, нападали на любых негров, которые им попадались под руку, независимо от их причастности к восстанию Тернера. Около 200 чернокожих подверглись избиениям, линчеванию или убийству.

Политические последствия восстания Ната Тернера вышли далеко за пределы округа Саутгемптон. Движение против рабства было подавлено на всем Юге, и жесткие новые законы ограничили свободу чернокожих, как никогда прежде.

Восстание рабов в Вирджинии под руководством Ната Тернера в 1831 году.

Между тем в Бостоне Уильям Ллойд Гаррисон клеймил как лицемеров тех, кто осуждал движение против рабства за мятеж Тернера. Рабы, утверждал Гаррисон, боролись за те самые свободы, которые белые американцы гордо славили по любому поводу:

Вы обвиняете мирных друзей освобождения в подстрекательстве рабов к бунту. Возьмите назад свое обвинение, ибо это грязная клевета. Рабам не нужны побуждения с нашей стороны. Они их найдут у себя, в своих изможденных телах, в своем тяжелом непрерывном труде, в своих темных умах, – в каждом поле, в каждой долине, на каждой вершине холма и горе, где бы ни боролись за свободу вы и ваши отцы, – в ваших речах, ваших разговорах, ваших торжествах, ваших памфлетах, ваших газетах, – голоса в воздухе, звуки со всего океана, призывы к сопротивлению свыше, снизу, вокруг них! Нужно ли им что-либо еще? Удивительно ли, что, окруженные такими влияниями и страдающие от своих новых ран, они поднимаются на борьбу, как боролись другие «герои», за свои утраченные права? Ничего удивительного.

Мятежный Джон Браун

Джон Браун, изображенный на этой иллюстрации примерно в 1859 году, повел окончившееся неудачей наступление на Харперс-Ферри, штат Западная Вирджиния (в то время – Вирджиния), надеясь разжечь массовое восстание рабов.

Во главе другой знаменитой вооруженной попытки освободить чернокожих рабов встал белый американец. Уроженец Новой Англии Джон Браун долго обдумывал, как сбросить рабство силой, и в 1847 году доверительно рассказал о своем намерении Фредерику Дуглассу. В 1855 году Браун прибыл на Территорию Канзас, где происходили ожесточенные столкновения между сторонниками и противниками рабства. Остро стоял вопрос, будет ли Канзас принят в Союз как «свободная земля» или как рабовладельческий штат. Каждая группировка строила собственные поселения.

После того как сторонники рабства предприняли вылазку в «свободный» Лоренс, Территория Канзас, Браун и четверо его сыновей 24 мая 1856 года устроили «резню в Поттаватомии», нагрянув в рабовладельческую деревню Поттаватомии и убив пять человек. Затем Браун предпринял серию партизанских вылазок против вооруженных отрядов сторонников рабства. Он вернулся в Новую Англию, надеясь сколотить боевую негритянскую дружину, но это ему не удалось. Более успешной оказалась попытка собрать средства у ведущих abolitionистов.

После того, как съезд сторонников Брауна в Канаде провозгласил его верховным главнокомандующим временного правительства для свержения южных рабовладельцев, Браун создал тайную базу в Мэриленде, неподалеку от Харперс-Ферри, штат Вирджиния (ныне Западная Вирджиния). Там он дожидался своих сторонников, большинство из которых так и не прибыли. 16 октября 1859 года отряд примерно из двадцати человек, белых и чернокожих, во главе с Брауном захватил федеральный арсенал в Харперс-Ферри и взял в заложники около 60 видных местных жителей. План состоял в том, чтобы вооружить группы беглых рабов и устремиться на юг, по дороге освобождая новых рабов. Но Браун слишком долго мешкал и вскоре был окружен ротой морских пехотинцев во главе с подполковником Робертом Ли (будущим командующим южными силами во время Гражданской войны). Браун отказался сдаться. Раненый и взятый в плен в последовавшем бою, он был предан суду в Вирджинии и признан виновным в измене, заговоре и убийстве.

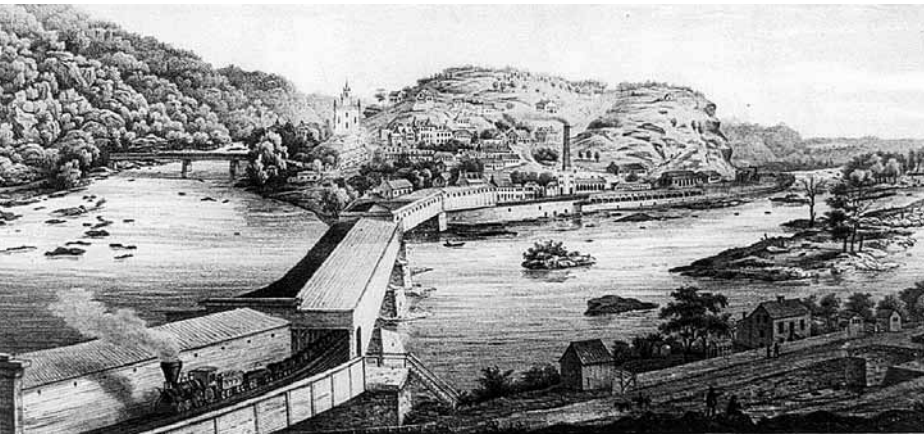
Обращаясь к присяжным после объявления вердикта, Браун сказал:

Я уверен, что мои действия, которые я совершал, открыто признавая, что совершал их ради убогих сих, были не злом, но добром. И если теперь мне придется заплатить жизнью за дело справедливости и смешать свою кровь с кровью моих детей и кровью миллионов, проливаемой в этой рабской стране, чьи права попираются подлыми, жестокими и несправедливыми установлениями, я подчиняюсь; да будет так!

Браун был повешен 2 декабря 1859 года, став мучеником за дело борьбы против рабства. Во время Гражданской

войны, начавшейся год спустя, солдаты Союза маршировали под различные мелодии на слова стихотворения «Тело Джона Брауна» (одна из версий, автором которой была Джулия Уорд Хоу, стала впоследствии «Боевым гимном Республики»). Вот характерный куплет:

*Тело старого Джона Брауна лежит в сырой земле,
Винтовка старого Джона Брауна ржавеет в красных пятнах крови,
Копье старого Джона Брауна нанесло последний решительный удар,
Его душа продолжает поход!*

Харперс-Ферри, штат Вирджиния (ныне Западная Вирджиния), место неудачной вылазки отряда Джона Брауна.

Авраам Линкольн на фоне текста своей Прокламации об освобождении, которая освободила всех рабов на мятежных территориях, вступив в силу 1 января 1863 года.

EMANCIPATION PROCLAMATION

ISSUED JANUARY 1ST 1863

Now therefore, I, Abraham Lincoln, President of the United States, by virtue of the power in me vested as commander in chief of the army and navy of the United States in time of actual rebellion against the authority and government of the United States and as a fit and proper measure for suppressing said rebellion, do hereby, on the first day of January in the year of our Lord one thousand eight hundred and sixty-three, and in accordance with the provisions of the act mentioned in my previous proclamation, do hereby declare that all persons held as slaves within said States are and henceforth shall be free.

And I furthermore do hereby declare that all persons held as slaves within said States are and henceforth shall be free.

And I further do hereby declare that all persons held as slaves within said States are and henceforth shall be free.

And I further do hereby declare that all persons held as slaves within said States are and henceforth shall be free.

And I further do hereby declare that all persons held as slaves within said States are and henceforth shall be free.

And I further do hereby declare that all persons held as slaves within said States are and henceforth shall be free.

And I further do hereby declare that all persons held as slaves within said States are and henceforth shall be free.

And I further do hereby declare that all persons held as slaves within said States are and henceforth shall be free.

And I further do hereby declare that all persons held as slaves within said States are and henceforth shall be free.

By the President, *Abraham Lincoln*
William H. Forward, Secretary

Printed and Published by
GILMAN E. RUSTELL
 No. 150 Broadway, New York

Published by J. B. Russell, Boston

Гражданская война в Америке

Проблема рабства и статуса чернокожих американцев подтачивала отношения между Севером и Югом с первых дней независимости Америки до избрания Авраама Линкольна президентом в 1860 году. Линкольн выступал против рабства, называя его «чудовищной несправедливостью», но главной его заботой было сохранение Союза. Поэтому он был готов мириться с рабовладением в тех штатах, где оно уже существовало, запрещая его дальнейшее распространение на западных территориях. Но белые южане считали избрание Линкольна угрозой своему общественному строю. Начиная с Южной Каролины в декабре 1860 года, 11 южных штатов вышли из Союза, образовав Конфедеративные Штаты Америки.

Для Линкольна и для миллионов северян Союз был, как писал историк Джеймс Макферсон, «связующим звеном между всеми американцами, а не добровольным объединением штатов, которое можно было распустить решением одного или нескольких из них». Своему личному секретарю президент объяснил это так: «Мы должны немедленно решить вопрос о том, имеет ли при свободном правительстве меньшинство право раскалывать власть в любой момент по своему усмотрению». Поэтому в самом начале войны Линкольн ясно дал понять: «Моя главная цель в этой борьбе – сохранить Союз, а не сохранить или уничтожить рабство. Если бы я мог сохранить Союз, не освободив ни одного раба, я бы это сделал. Если бы я мог сохранить его, освободив всех рабов, я бы это сделал. А если бы я мог сохранить его, освободив одних, а других оставив в их нынешнем положении, я бы сделал и это».

Но рабство стало движущей силой общественного конфликта. В ходе жестокой войны многие северяне еще больше потеряли охоту мириться с рабством при любых обстоятельствах. Войска северян, встречаясь с чернокожими жителями Юга, часто проникались еще большим сочувствием к их нелегкой судьбе. Линкольн также понимал, что освобождение этих рабов нанесет удар по экономической базе Конфедерации, а следовательно, и ее способности вести войну. А бывшие рабы, обретя свободу, могли с оружием в руках выступить за дело Союза, тем самым «отрабатывая» свою свободу. В силу всех этих причин освобождение чернокожих рабов наряду с сохранением Союза стало военной целью Севера.

Прокламация Линкольна об освобождении, вступившая в силу 1 января 1863 года, провозглашала всех рабов в мятежных штатах «отныне и навеки свободными». Подписывая документ, Линкольн заметил: «Никогда в жизни я не чувствовал сильнее, что поступаю правильно, чем сейчас, когда я подписываю эту бумагу».

Будущему афроамериканскому лидеру Букеру Вашингтону было примерно семь лет, когда Прокламацию об освобождении зачитали на его плантации. В своих изданных в 1901 году мемуарах «Путь из рабства» он вспоминал:

С приближением великого дня в жилищах рабов пение звучало чаще обычного. Оно было смелее, звонче, длилось до поздней ночи. Большинство плантационных песен так или иначе касалось свободы. ...Некий господин явно неамериканского вида (полагаю, американский офицер) произнес небольшую речь, а затем зачитал довольно длинный документ – вероятно, это и была Прокламация об освобождении. После чтения нам сказали, что все мы свободны и можем идти, когда и куда нам угодно. Моя мать, стоявшая рядом со мной, наклонилась и расцеловала своих детей, а по щекам ее текли слезы радости. Она объяснила нам, что все это значит, что наступил день, о котором она так долго молилась, но боялась, что не доживет до него.

В качестве условия восстановления своего представительства в Конгрессе отделившиеся штаты были обязаны ратифицировать 13-ю, 14-ю и 15-ю поправки к Конституции США. Эти «Реконструкционные поправки» упраздняли рабовладение, гарантировали всем гражданам равную защиту со стороны закона, в том числе на уровне штатов, и запрещали дискриминацию при голосовании по признаку «расовой принадлежности, цвета кожи или прежнего подневольного состояния». Таким образом, в годы после Гражданской войны сложилась юридическая основа для гарантирования афроамериканцам гражданских прав, которыми пользовались другие американцы. К сожалению, еще почти целое столетие ясный смысл этих законов будет игнорироваться, поскольку ради компромисса между социальными группами справедливость для афроамериканцев вновь будет отодвинута на задний план.

ЧЕРНОКОЖИЕ СОЛДАТЫ НА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В 1861 году, когда в Америке началась Гражданская война, Джейкоб Додсон, свободный чернокожий житель Вашингтона, сообщил в письме военному министру Саймону Камерону, что он знает «300 надежных цветных свободных граждан», которые хотят поступить на службу и защищать город. Камерон ответил, что «в настоящее время министерство не намерено призывать на государственную службу цветных солдат». Не имело значения то, что чернокожие мужчины, рабы и свободные, служили в колониальных ополчениях и воевали на той или на другой стороне в ходе Войны за независимость. Многие чернокожие считали службу в армии возможностью обрести свободу и полноценное гражданство.

Почему же многие военачальники и гражданские ру-

ководители отвергали идею набора солдат-негров? Одни уверяли, что чернокожие военнослужащие слишком трусливы, чтобы воевать с белыми, другие утверждали, что из них получатся плохие воины, третьи полагали, что белые солдаты не станут служить вместе с чернокожими. Впрочем, было несколько военачальников, которые придерживались иного мнения.

31 марта 1862 года, почти через год после того, как в Форт-Самтере, штат Южная Каролина, прозвучали первые выстрелы Гражданской войны, войска Союза (северяне) под командованием генерала Дэвида Хантера взяли под свой контроль ряд островов у берегов северной Флориды, Джорджии и Южной Каролины. Белые местные жители, которые владели богатыми хлопковыми и рисовыми планта-

циями, бежали в контролируемую конфедератами (южанами) материковую часть страны. Большинство их рабов осталось на островах, и вскоре к ним присоединились бежавшие с материка чернокожие, которые верили, что будут освобождены, стоит только попасть в ряды Союза. Оказалось, что это не так уж просто.

Хантеру нужно было больше солдат для защиты многочисленных приливных рек и островов региона от упорного партизанского сопротивления конфедератов, и он замечал, как выросло чернокожее население островов за счет бежавших с материка рабов. Пожалуй, рассудил он, негры помогут решить проблему нехватки личного состава. И разработал радикальный план.

Хантер, непоколебимый аболиционист, взялся освободить рабов – не только на

островах, но и во всех находившихся под контролем конфедератов районах Южной Каролины, Джорджии и Флориды – и привлечь негров-мужчин, способных носить оружие, в ряды солдат Союза. Он решил попробовать сформировать и обучить первый на Гражданской войне полк, состоящий только из чернокожих.

В те дни новости распространялись медленно, и президент Авраам Линкольн услышал о полке Хантера лишь в июне. Выступая против рабства, Линкольн все же опасался действовать быстрее, чем позволяло общественное мнение на готовящемся к войне Севере, особенно в рабовладельческих пограничных штатах, которые встали на сторону Союза. Он также был твердо убежден в том, что «ни один генерал под моим командо-

Фредерик Дугласс: «Если позволить негру надеть военную форму с медными буквами «США», позволить ему носить пуговицы с орлом, мушкет на плече и пули в кармане – никакая сила на земле не сможет отрицать, что он заслужил право на гражданство».

С изданием Прокламации об освобождении армия Союза (северян) начала активно привлекать солдат-негров.

ванием не должен поступать подобным образом, не посоветовавшись со мной». В гневном письме президент уведомил генерала, что ни он, ни любой другой подчиненный не имеет права освободить кого-либо, хотя осторожно оставляя за собой право освободить рабов в момент, который выберет сам. Хантеру было приказано распустить полк, но посеянные им семена вскоре дали всходы.

В августе 1862 года, через две недели после того, как Хантер распустил свой полк, Военное министерство разрешило генералу Руфусу Сакстону сформировать первый официальный негритянский полк в армии Союза – Первый добровольческий полк Южной Каролины. Этот и другие полки чернокожих, организованные в прибрежных районах, успешно защищали и удерживали прибрежные острова на протяжении всей войны.

Примерно в то же время, но без санкции Военного министерства, был также организован Первый цветной добровольческий полк Кан-

заса. Между тем президент Линкольн тщательно закладывал основу для освобождения рабов и для включения солдат-негров в вооруженные силы. Поскольку белые северяне все отчетливее понимали, что чернокожие рабы играют ключевую роль в экономике конфедератов и их военной кампании, Линкольн мог обосновать освобождение рабов военной необходимостью.

Когда Авраам Линкольн 1 января 1863 года подписал Прокламацию об освобождении, политика военных по отношению к рабам прояснилась. Тот, кто достигал границ Союза, получал свободу. Кроме того, Военное министерство начало набирать и зачислять чернокожих во вновь формируемые полки армии Союза – Цветные войска Соединенных Штатов. Правда, все офицеры в этих полках были белыми.

К осени 1864 года в ряде северных штатов и на южных территориях, захваченных Союзом, было создано примерно 140 негритянских полков. Во время Гражданской войны на военной службе находилось примерно 180 000 афроамериканцев, в том числе более 75 000 чернокожих добровольцев с Севера.

Хотя негритянские полки были отделены от белых военнослужащих, они вели одни и те же бои. Чернокожие солдаты действовали храбро и успешно, хотя им приходилось справляться не только с противником в лице конфедератов, но и с подозрениями некоторых своих сослуживцев по армии Союза.

Даже будучи зачисленными в вооруженные силы, негров во многих случаях ставили только на гарнизонные и хозяйственные работами. Полковник прославленного Массачусетского 54-го полка Роберт Гулд Шоу из всех сил упрашивал начальство позволить его людям повоевать, доказав, что они настоящие солдаты. Некоторые другие офицеры, знавшие возможности своих подчиненных, поступали так же. Чернокожие добивались равного с белыми денежного довольствия. Некоторые полки отказывались получать меньшее довольствие. Лишь в 1865 году, когда война закончилась, Конгресс принял закон, предусматривающий равное денежное довольствие для чернокожих солдат.

Несмотря на эти ограничения, Цветные войска Соединенных Штатов успешно участвовали в 449 военных столкновениях, из которых 39 были крупными боями. Они вели бои в Южной Каролине, Луизиане, Флориде, Вирджинии, Теннесси, Алабаме и других штатах. Они храбро штурмовали форты и стояли под огнем артиллерии, зная, что если противник возьмет их в плен, их не станут рассматривать как военнопленных, а попросту продадут в рабство. Негры с честью и доблестью выполняли солдатский долг.

Несмотря на действовавшее в армии правило, согласно которому офицером может быть только белый, в итоге около 100 чернокожих были произведены из рядовых в офицеры. Восемь чернокожих военных врачей

также получили офицерские должности в Цветных войсках Соединенных Штатов. Более десятка солдат этих войск были награждены Почетной медалью Конгресса за отвагу.

В 1948 году президент Гарри Трумэн распорядился ликвидировать сегрегацию в вооруженных силах. Современная армия остается двигателем социально-экономических возможностей для чернокожих американцев. Но именно самоотверженность солдат-негров в годы Гражданской войны проложила путь к полноправному участию афроамериканцев в вооруженных силах США. Еще более принципиально то, что их усилия были важной составной частью борьбы афроамериканцев за свободу и достоинство.

Джойс Хансен

Четырехкратный лауреат Почетной книжной премии Коретты Скотт Кинг, Джойс Хансен – автор многих рассказов и 15 художественных и документальных книг на современные и исторические темы для юных читателей, в том числе «Меж двух огней: чернокожие солдаты на Гражданской войне».

«Раздельные, но равные»

АФРОАМЕРИКАНЦЫ ОТКЛИКАЮТСЯ НА КРАХ РЕКОНСТРУКЦИИ

За годы Гражданской войны погибло более 600 000 американцев. Их жертва позволила решить ряд самых трудных конфликтов в стране. Наконец-то было запрещено рабство и установлен принцип, согласно которому ни один штат не мог выйти из Союза. Однако несовместимые концепции американского общества сохранились надолго, и это имело огромные последствия для афроамериканцев.

Одна концепция, связанная в 19-м и начале 20-го века с Демократической партией, сочетала американский индивидуализм с подозрительным отношением к сильному правительству, отдавая штатам и местным органам власти предпочтение перед федеральной властью, а также – по крайней мере на Юге – непреклонную убежденность в превосходстве белых. Республиканская партия, основанная в 1850-е годы, проявляла больше готовности использовать федеральную власть для содействия экономическому развитию. Ее базовая идея часто именовалась «свободным трудом». Для миллионов северян

На этой ксилограмме периода Реконструкции представитель Бюро по делам освобожденных рабов разнимает группы вооруженных белых и чернокожих американцев. Крах Реконструкции возвестил эпоху «законов Джима Кроу» – расовой сегрегации на американском Юге.

«свободный труд» подразумевал, что человек (это понятие обычно применялось только к мужчинам) может работать где хочет и как хочет, обзаводиться собственным имуществом и, самое главное, вправе возвышаться настолько, насколько ему позволяют его таланты и способности.

Авраам Линкольн был образцом такого человека, обязанного всем исключительно самому себе. Став президентом, он с гордостью говорил: «Мне не стыдно признаться, что 25 лет назад я был наемным работником, ставил рельсы, работал на барже». Многие республиканцы осуждали рабство, считая его безнравственным, и все придерживались того мнения, что Юг отстает как по экономическому росту, так по социальной мобильности. Как пишет историк Антония Эшхарт,

республиканцы смотрели на Юг как на «незыблемую иерархию, где царит аристократия рабовладельцев».

После того, как военная победа Севера положила конец рабству, идеология «свободного труда» потребовала предоставления освобожденным рабам гражданских прав. В годы после Гражданской войны северные республиканцы поначалу были полны решимости осуществить «реконструкцию» Юга на основе принципов «свободного труда». Хотя многие белые южане сопротивлялись, военная мощь Севера могла на какое-то время обеспечивать чернокожим право голоса, право на образование и вообще те конституционные привилегии, которыми пользовались остальные американцы. Однако со временем решимость северян поддерживать устремления чернокожих иссякала по мере того, как усиливалось их тяга к примирению с Югом. К концу 19-го века южные элиты свели на нет многие завоевания чернокожих и закрепили в законодательном порядке удушающую систему сегрегации.

Реконструкция в Конгрессе

После убийства Авраама Линкольна в апреле 1865 года президентом стал вице-президент Эндрю Джонсон. Этот демократ из Теннесси, которому в 1864 году Линкольн предложил баллотироваться вместе с ним в знак умеренности и стремления к послевоенному примирению, быстро согласился вновь предоставить бывшим штатам Конфедерации полноправное членство в Союзе. Правда, южные штаты должны были ратифицировать 13-ю поправку, запрещающую рабство. Но они не были обязаны защищать равенство и гражданские права своего негритянского населения. Организованные по указанию Джонсона органы власти южных штатов, где преобладали белые, быстро приняли «черные кодексы» – карательные законы, которые жестко регламентировали поведение якобы «свободных» негров. Как правило,

эти законы вводили комендантский час, запрещали ношение огнестрельного оружия и даже предусматривали тюремное заключение за бродяжничество для бывших рабов, без разрешения уходивших с плантаций. Между тем Джонсон распорядился вернуть заброшенные южные плантации их бывшим хозяевам-рабовладельцам.

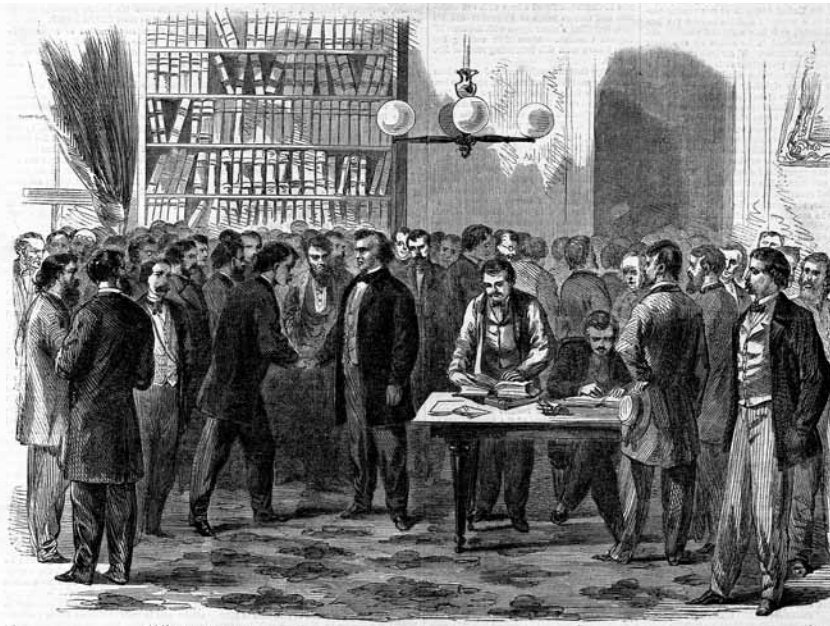
Многие северяне возмущались: не для того они воевали и умирали, чтобы восстановить в правах южных аристократов-расистов. В 1866 году на выборах в Конгресс немало мест досталось «радикальным республиканцам», полным решимости расширить гражданские права чернокожих и вообще заставить правительство провести на Юге реконструкцию по северному образцу. Конгресс 40-го созыва отказался допустить в свой состав тех, кто был избран при санкционированных Джонсоном органах власти южных штатов. Затем он преодолел вето Джонсона и принял ряд важных законов о гражданских правах.

Один из таких законов продлевал полномочия Бюро по делам освобожденных рабов. Это федеральное ведомство, учрежденное перед смертью Линкольна, облегчало освобожденным рабам путь к свободе. Оно обеспечивало медицинскую помощь, строило сотни школ для чернокожих детей и помогало освобожденным рабам заключать договоры о найме со своими бывшими хозяевами и другими работодателями.

Второй закон – Закон 1866 года о гражданских правах – гласил, что все лица, родившиеся в Соединенных Штатах, являются гражданами, независимо от расовой принадлежности, цвета кожи или прежнего положения. Таким образом, афроамериканцы получили право заключать и исполнять контракты, выступать в качестве истцов и ответчиков в судах и владеть имуществом.

Поскольку Джонсон возражал и, как утверждают, даже пытался сорвать применение этих и других мер, Палата представителей в 1868 году подвергла его импичменту – прописанному в Конституции механизму отрешения президента от должности. Сенат оправдал Джонсона большинством в один голос, но до конца своих полномочий он уже больше не решался оспаривать принятую Конгрессом программу реконструкции.

Самое главное – Конгресс дал ясно понять, что бывшим мятежным штатам не будет разрешено восстановить свое представительство в Конгрессе, пока они не ратифицируют предложенную 14-ю поправку к Конституции США. Эта поправка заложила юридическую основу расового равенства – центрального требования будущего движения за гражданские права. Первые 10 поправок, в совокупности известные под названием «Билль о правах», защищали американцев от попыток федерального правительства расширить свои полномочия. Однако они практически не защищали афроамериканцев от расистских законов, принимаемых властями штатов. Четырнадцатая поправка, ратифицированная в июле 1868 года, исправила это положение. «Ни один штат, – гласила она, – не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без

После убийства Авраама Линкольна президентом стал южанин Эндрю Джонсон. Здесь изображено, как Джонсон дарует помилование белым мятежникам, с оружием в руках сражавшимся против Союза.

надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона». Принятая вскоре 15-я поправка провозглашала, что «граждане Соединенных Штатов, независимо от их расы, цвета кожи или подневольного состояния в прошлом, имеют право голосовать на выборах, и это право не подлежит отмене или ущемлению ни Соединенными Штатами в целом, ни каким-либо из штатов в отдельности».

Временные завоевания... и откаты

Пока войска северян обеспечивали исполнение законов о Реконструкции на большей части Юга, афроамериканцы многого добились. Аппарат системы рабовладения – отдельные жилища для рабов, артельный труд и тому подобное – был демонтирован. Чернокожие все чаще основывали собственные церкви. Эти учреждения, возглавляемые чернокожими священниками, обеспечили организационную опору, на которой Мартин Лютер Кинг и другие позднее выстроили современное движение за гражданские права.

Чернокожие избиратели, объединившись с небольшой фракцией белых южан, избрали в нескольких южных штатах органы власти под руководством республиканцев. Многие чернокожие заняли важные должности на уровне штатов и округов. Два негра были избраны в Сенат США, а 14 – в Палату представителей. Типичным примером был Бенджамин Стерлинг Тернер, первый чернокожий конгрессмен от штата Алабама. Родившись в рабстве, Тернер был освобожден в соответствии с Прокламацией Линкольна. Он быстро утвердился в качестве предпринимателя, а затем был избран

Член Палаты представителей США Бенджамин Стерлинг Тернер был избран в Конгресс от штата Алабама в эпоху Реконструкции. С окончанием Реконструкции и выводом войск Союза с Юга чернокожие американцы в этом регионе систематически лишались политических прав.

сборщиком налогов и членом городского совета в Сельме – месте решающей битвы за гражданские права в 20-м веке. После избрания в Конгресс в 1870 году Тернер добился ежемесячных пенсий для чернокожих ветеранов Гражданской войны и боролся за увеличение федеральных расходов в своем округе.

Под руководством республиканцев органы власти штатов на Юге в эпоху Реконструкции, как правило, повышали налоги и расширяли социальные службы. К числу их нововведений относились поддерживаемые штатами образовательные системы и меры по финансированию экономического роста. Значительную пользу от этих нововведений получили афроамериканцы, и какое-то время казалось, что их гражданские права обеспечены навсегда.

Однако большинство белых южан было полно решимости не давать равноправия чернокожим. Многие не могли отрешиться от глубоко усвоенных представлений о неполноценности негров. Многие белые южане были очень бедны, и подбадривала их идея расового превосходства. Южные элиты понимали, что расовый раскол способен подорвать межрасовые политические инициативы, направленные на продвижение общих экономических интересов. Они часто использовали расовое недовольство белых в качестве инструмента для восстановления своей политической власти.

Белые южане, связанные в ту эпоху с Демократической партией, начали яростную политическую атаку на белых республиканцев Юга. Они презрительно называли коренных южан «скэлавагами» (слово, означающее тщедушное, мало-сильное животное), а северян, приезжающих искать удачи на послевоенном Юге, – «саквояжниками», поскольку эти пришлые люди якобы перевозили свои вещи в дорожных ковровых саквояжах.

Еще более жесткой была реакция против афроамериканцев, только что наделенных правами. Террористические организации, подобные «Рыцарям Белой камелии», названным так в честь белоснежного цветка южного кустарника, призванного символизировать чистоту белой расы, и «Ку-клукс-клану» (ККК), стали устраивать нападения с целью запугать чернокожих избирателей и не допустить их к голосованию. Президент Улисс Грант направил три пехотных полка и флотилию канонерок, чтобы обеспечить честные выборы в Новом Орлеане в 1874 году. Грант использовал федеральные войска, чтобы разбить «Ку-клукс-клан», но насилие продолжалось, так как воинствующие белые жители создавали неформальные «общественные клубы», которые историк Джеймс Макферсон охарактеризовал как «военизированные организации, выступавшие в качестве вооруженных филиалов Демократической партии в южных штатах с целью «отвоевать» Юг у «черно-коричневой власти негров и саквояжников».

Некоторые белые северяне опасались, что Грант зашел слишком далеко, да и просто устали от борьбы. Макферсон пишет:

Многие северяне заняли позицию «Чума на оба ваших дома» по отношению к Белым лигам и органам власти штатов с их «неграми и саквояжниками». Они призывали вывести федеральные войска и предоставить южанам возможность самим

решать свои проблемы, даже если это укрепит на Юге позиции Демократической партии, ратовавшей за превосходство белых.

По существу, именно это и произошло. На выборах, омрачившихся подлогом, запугиванием и насилием, демократы постепенно восстановили контроль над органами власти штатов по всему Югу. В 1877 году в результате политической сделки победителем президентских выборов 1876 года, прошедших в условиях острого соперничества, был объявлен республиканец Резерфорд Хейз. В обмен на свое избрание Хейз вывел с Юга остатки федеральных войск. Чернокожие американцы, подавляющее большинство из которых в то время жило в штатах бывшей Конфедерации, вновь оказались в зависимости от расистских законов штатов.

Пришествие «законов Джима Кроу»

В последующие годы, особенно после 1890 года, органы власти штатов на Юге приняли сегрегационные законы, предусматривавшие разделение рас почти во всех аспектах повседневной жизни. Они требовали ввести отдельные муниципальные школы, железнодорожные вагоны и публичные библиотеки, отдельные питьевые фонтанчики, рестораны и гостиницы. Эта система получила неофициальное название «законов Джима Кроу» – от песни «Прыгай, Джим Кроу», исполнявшейся на эстраде в 1828 года белыми комическими актерами с выкрашенным в черный цвет лицом, создававшими карикатурный образ неграмотного, отсталого чернокожего.

«Законы Джима Кроу» не могли бы существовать, если бы федеральные суды широко трактовали соответствующие защитные нормы Конституции. Но вместо этого судебная власть прибегала к различным уверткам и лазейкам, избегая отмены законов о сегрегации. В 1875 году Конгресс принял закон о гражданских правах, которому суждено было стать последним таким законом почти на столетие. Закон 1875 года о гражданских правах запрещал «любому лицу» ставить граждан любой расы или цвета кожи в неравноправное положение в общественных местах, таких, как гостиницы, театры и места общественного увеселения, а также на общественном транспорте. В 1883 году Верховный суд объявил этот закон неконституционным на том основании, что 14-я поправка запрещает дискриминацию со стороны штатов, а не отдельных лиц. Соответственно, Конгресс не имел права запрещать индивидуальные акты дискриминации.

Пожалуй, наиболее значимое судебное решение было принято в 1896 году. Шестью годами раньше Луизиана приняла закон о раздельных железнодорожных вагонах для белых, чернокожих и «цветных» смешанного происхождения. Межрасовая группа граждан, выступавших против этого закона, убедила Хомера Плесси, поборника государственного образования, человека с белым цветом кожи, но чернокожей прабабкой, оспорить этот закон. Плесси купил билет в железнодорожный вагон «только для белых». Заняв свое место, Плесси сказал кондуктору о своем происхождении. Его арестовали, и началась тяжба.

В 1896 году дело дошло до Верховного суда США. Решением, принятым семью голосами против одного, суд

поддержал закон штата Луизиана. «Принудительное разделение двух рас, – постановило большинство, – не несет в себе идею неполноценности цветной расы». Если чернокожие американцы не согласны, это их личное мнение, а не положение закона. Таким образом, высшая судебная инстанция своим престижем и постановлением закрепила сегрегацию по принципу, который получил название «раздельные, но равные».

Одна из проблем, связанных с делом «Плесси против Фергюсона», как позднее не уставали подчеркивать сторонники гражданских прав, заключалась в том, что раздельные группы на самом деле никогда не являются равными. Муниципальные школы и другие учреждения, предназначенные для цветных, почти всегда были хуже. Зачастую разница была шокирующей. Но еще более принципиальный вопрос состоял в том, может ли беспристрастное прочтение Конституции оправдать разделение американцев по расовому признаку. Судья Джон Маршалл Харлан, не согласившийся с решением по делу Плесси, произнес слова, остающиеся актуальными по сей день:

С точки зрения Конституции, с точки зрения закона в нашей стране нет высшего, господствующего, правящего класса граждан. У нас нет каст. Наша Конституция не проводит различий по цвету кожи, не признает и не терпит классов среди граждан. В отношении гражданских прав все граждане равны перед законом.

Мнение судьи Харлана, наконец, возобладало в 1954 году, когда единодушным решением по делу «Браун против Комитета по образованию» Верховный суд отменил решение по делу Плесси. Однако со стороны афроамериканцев становление расовой сегрегации требовало новых ответов, новых стратегий борьбы за свои гражданские права.

Букер Т. Вашингтон ратовал за расширение экономических возможностей как средство достижения будущих политических целей афроамериканцев.

Букер Т. Вашингтон: стремление к экономической независимости

Крах Реконструкции и введение официальной сегрегации поставили афроамериканцев перед трудным выбором. Подавляющее их большинство еще жило на Юге и сталкивалось с яростным, даже насильственным отпором гражданскому равенству. Кое у кого возникло мнение, что прямые политические попытки негров отстаивать свои гражданские права тщетны. Букер Т. Вашингтон (1856–1915) возглавил движение за экономическое развитие чернокожего населения. Другие, среди которых наиболее выдающейся фигурой был ведущий ученый и интеллектуал У.Э.Б. Дюбуа, настаивали на бескомпромиссной борьбе за обретение избирательных и других гражданских прав, обещанных в Конституции и послевоенных поправках к ней.

Родившемуся в рабстве Букеру Т. Вашингтону во время освобождения было примерно девять лет. Он поступил в Хэмптонский педагогический и сельскохозяйственный институт (ныне Хэмптонский университет) на юго-востоке Вирджинии, преуспел в учебе и устроился на работу школьным учителем. В 1881 году ему предложили возглавить новое учебное заведение для афроамериканцев в округе Мейкон штата Алабама.

Вашингтон пришел к выводу, что ключевое значение для прогресса чернокожего населения имеют практические навыки и экономическая независимость. Он решил положить в основу своего нового учебного заведения, переименованного в Таскиджийский педагогический и промышленный институт (ныне Таскиджийский университет), производственное обучение. Мужчины осваивали такие ремесла, как плотничество и кузнечное дело, женщин учили на медсестру или швею. Таскиджийский институт также готовил учителей для негритянских школ по всему Югу. Такой подход позволял готовить экономически продуктивных чернокожих граждан, не вынуждая страну напрямую решать вопрос о гражданских правах. Средства для Таскиджийского института собирал целый ряд ведущих филантропов – такие, как нефтяной король Джон Д. Рокфеллер, стальной магнат Эндрю Карнеги и глава компании «Сирс, Роубак энд Ко.» Джулиус Розенвалд. Масштабы, репутация и престиж учебного заведения росли.

В сентябре 1895 года Вашингтон произнес перед аудиторией, состоявшей главным образом из белых, свою знаменитую речь «Атлантический компромисс». Он утверждал, что наибольшая опасность, с которой сталкиваются негры,

заключается в том, что при великом скачке от рабства к свободе мы можем упустить из виду тот факт, что наши массы должны жить делами своих рук, и не учитывать того, что мы будем процветать лишь настолько, насколько научимся облагораживать и ценить будничные труд, вкладывая ум и мастерство в обычные житейские занятия. ... Начинать мы должны на дне жизни, а не на вершине. Не должны мы и позволять нашим обидам затмевать наши возможности.

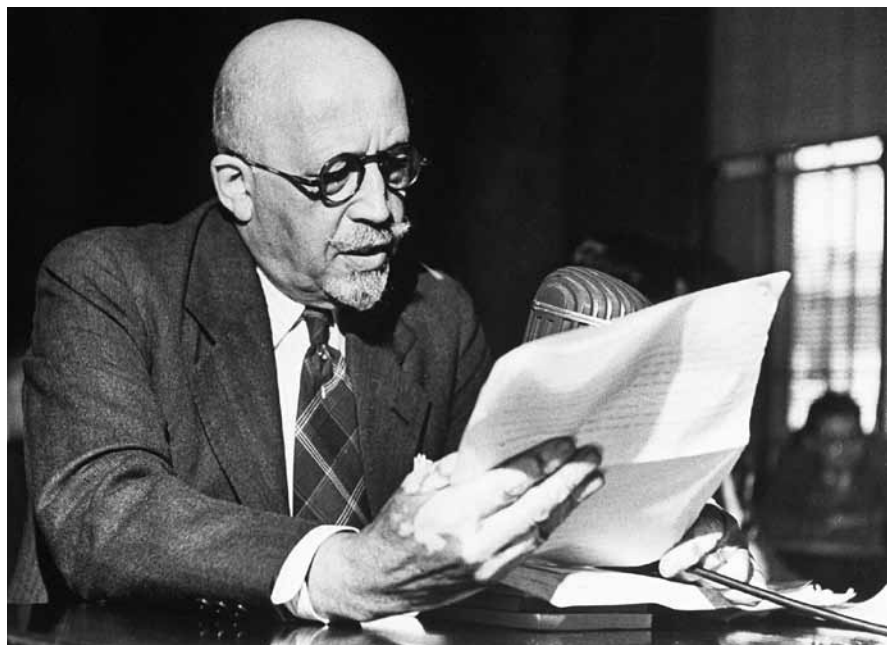
Неудивительно, что многих белых успокаивала мысль о том, что чернокожие будут приобретать навыки в области недвижимости или ремесел, а не рваться в политику. При этом сохранялись «законы Джима Кроу». В своей речи в Атланте Вашингтон сформулировал это так: «Полезнее заработать доллар на заводе, чем потратить доллар в оперном театре».

Однако внимательное изучение речи Вашингтона показывает, что он вовсе не собирался мириться с перманентным неравенством. Вместо этого он предлагал афроамериканцам постепенно накапливать социальный капитал: рабочие места лишь до поры до времени важнее, чем право ходить в оперу. Или в его более прямой формулировке: «Ни одна раса, способная внести свой вклад в мировые рынки, не будет без конца подвергаться остракизму».

На протяжении многих лет Вашингтон был ведущим афроамериканским деятелем в стране, хотя все больше чернокожих постепенно отворачивалось от его мировоззрения. Одна из проблем заключалась в том, что послевоенный Юг был сам по себе бедным регионом, отставая от Севера в части модернизации и экономического развития. Возможности южан, как чернокожих, так и белых, попросту были не столь велики, как надеялся Букер Т. Вашингтон. Его призывы к постепенному развитию была также неприемлемой для чернокожих, которые не желали откладывать на неопределенный срок свои притязания на полные и равные гражданские права.

У.Э.Б. Дюбуа: тяга к политической агитации

Многие чернокожие предпочитали следовать учению историка и обществоведа Уильяма Эдварда Бергхардта Дюбуа (1868–1963). Выпускник Университета им. Фиска, традиционного вуза для чернокожих в Нашвилле, штат Теннесси, Дюбуа получил в Гарвардском университете докторскую степень по истории и стал преподавать в Университете Атланты

У.Э.Б. Дюбуа, одна из ведущих фигур 20-го века в Соединенных Штатах, выступает в 1945 году на слушаниях в Конгрессе.

– учебном заведении, основанном при содействии Бюро по делам освобожденных рабов и занимавшемся подготовкой чернокожих учителей, библиотекарей и других специалистов. Дюбуа был автором и редактором ряда научных исследований, отражавших жизнь чернокожих в Америке. Он считал, что общественные науки имеют ключевое значение для улучшения расовых отношений.

Однако на Юге в то время повсеместно утвердилась официальная сегрегация, зачастую практикуемая при посредстве судов Линча – незаконных и нередко самовольных захватов и убийств «подозреваемых преступников» без суда и, как правило, на чрезвычайно зыбких основаниях. И Дюбуа постепенно пришел к выводу, что обеспечить афроамериканцам гражданские права могут только прямая политическая агитация и протесты. Это неизбежно привело Дюбуа к противостоянию с Букером Т. Вашингтоном, который исподволь налаживал политические связи с республиканцами, пытаясь, насколько возможно, заручиться их политическим покровительством, при том, что его приоритетом для чернокожих американцев оставалось экономическое развитие.

В 1903 году Дюбуа опубликовал сборник «Душа негритянского народа». В этой книге, которую исследователь Шелби Стил охарактеризовал как «страстную реакцию против расовой идеологии приспособленчества и смирения для чернокожих», прямо провозглашалось, что «проблемой двадцатого века является проблема цветного барьера». Говоря о Букере Т. Вашингтоне, Дюбуа утверждал, что

его доктрина тяготеет к тому, чтобы белые на Севере и Юге переложили бремя негритянской проблемы на негритянские плечи, а сами стояли в стороне как критически и скорее пессимистически настроенные зрители; тогда как на самом деле это бремя лежит на всей стране, и ни у кого из нас руки не останутся чистыми, если мы не направим наши силы на исправление этой великой несправедливости.

Дюбуа также не соглашался с Вашингтоном, когда тот делал упор исключительно на приобретение ремесла. «Негритянскую расу, как и все расы, – утверждал он в своей статье 1903 года, – спасут ее наиболее выдающиеся представители». Эту «талантливую десятину» афроамериканцев «надо сделать ведущими мыслителями и миссионерами культуры среди их народа». Для такой задачи недостаточно той практической подготовки, которую Букер Т. Вашингтон предлагал в Таскид-ийском институте:

Если мы сделаем целью обучения людей деньги, мы будем готовить тех, кто умеет зарабатывать, но не обязательно настоящих людей; если мы сделаем целью образования техническое умение, мы можем получить ремесленников, но не людей по сути. Люди у нас появятся лишь в том случае, если мы направим школу на воспитание качеств человека – разум, широкое сочувствие, знания о мире, каким он был и каков есть, и о связях человека с ним. ...На этой основе мы сможем прививать и умение зарабатывать себе на хлеб, и навыки ручного труда, и сообразительность, не опасаясь при этом, что ребенок и мужчина по ошибке примет средства к существованию за цель самой жизни.

Два года спустя Дюбуа и ряд ведущих чернокожих интеллектуалов создали Ниагарское движение – организацию, выступавшую за гражданские права и решительно возражавшую против проводимой Вашингтоном политики соглашательства и постепенных действий. «Нам нужна вся полнота избирательных прав для всех мужчин, и она нужна нам сейчас!» – заявил Дюбуа (который также выступал за избирательные права для женщин). Ниагарская группа провела в 1906 году примечательную конференцию в Харперс-Ферри, штат Западная Вирджиния, на месте мятежа Джона Брауна, вела лоббистскую деятельность против законов о расовой сегрегации, распространяла брошюры и циркуляры и вообще всячески пыталась поднимать вопросы гражданских прав и расовой справедливости. Однако движение было слабо организовано и плохо финансировалось. В 1910 году оно распалось. К тому времени его место была готова занять новая и более сильная организация.

В августе 1908 года одного чернокожего ложно обвинили в том, что он пытался изнасиловать белую женщину. Это привело к массовым беспорядкам в Спрингфилде, штат Илинойс, направленным против негритянского населения. В результате бесчинств семь человек погибло, а тысячи афроамериканцев были вынуждены бежать из города. Суфражистка Мэри Уайт Овингтон возглавила движение за создание организации реформаторов. «Надо возродить дух аболиционистов», – писала она позднее. Вскоре ее группа расширилась и наладила связи с Дюбуа и другими афроамериканскими активистами. В 1910 году они основали Национальную ассоциацию за прогресс цветного населения (НААСР). В ее руководство вошли белые американцы, в частности, много евреев, а также Дюбуа, взявшийся редактировать влиятельный журнал ассоциации под названием «Кризис».

Начиная с 1913 года, когда президент Вудро Вильсон – коренной южанин – разрешил сегрегацию в системе федеральной государственной службы, ассоциация стала обращаться в суды, положив начало длившейся десятилетиями кампании исков с требованием отмены «законов Джима Кроу». Под руководством Дюбуа журнал «The Crisis» анализировал текущие события и публиковал произведения замечательных писателей Гарлемского возрождения 1920-х и 1930-х годов, в том числе Лэнгстона Хьюза и Каунти Каллена. По некоторым оценкам, тираж издания превышал 100 000 экземпляров.

Дюбуа продолжал писать, упрочивая свою репутацию одного из крупнейших американских мыслителей столетия. Он стал ведущим борцом с колониализмом и экспертом по американской истории. В 1934 году Дюбуа порвал с интеграционистской Национальной ассоциацией за прогресс цветного населения, перейдя на позиции panaфриканского национализма с упором на марксистские и социалистические аспекты. Дюбуа прожил больше 90 лет и умер гражданином Ганы и убежденным коммунистом.

Однако Национальной ассоциации за прогресс цветного населения, у истоков которой он стоял, было суждено начать современную борьбу за гражданские права.

МАРКУС ГАРВИ

ДРУГОЙ ПУТЬ

Маркус Гарви (1887–1940), видный негритянский националист начала 20-го века, был родом с Ямайки, но расцвет его карьеры пришелся на Соединенные Штаты. Энтузиаст идей капитализма, он был убежден, что афроамериканцы и другие чернокожие по всему миру должны совместно приложить усилия

для создания институтов, которые бы сосредоточили богатство и власть в их собственных руках. С этой целью он создал, наряду с другими организациями, Всемирную ассоциацию по улучшению положения негров (UNIA). Прочитав книгу Букера Т. Вашингтона «Путь из рабства», Гарви задался вопросом: «Где у чернокожего

правительство? Где его король и королевство? Где его президент, его страна, его послы, его армия, его флот и его финансовые воротилы? Я не мог их найти. Я решил, что помогу их создать».

Гарви родился в округе Сент-Энн на Ямаике и в раннем подростковом возрасте поступил учеником к своему крестному отцу – печатнику по имени Альфред Берроуз. Отец Гарви был книголюбом, как и Берроуз, и юный Маркус рано окунулся в мир литературы. Переехав в Кингстон, Гарви в совершенстве освоил ремесло наборщика и заинтересовался журналистикой.

Попав в «черный список» за попытку организовать рабочий профсоюз, он покинул Ямайку и отправился в Латинскую Америку, а затем провел два года в Англии. В эти годы он посещал вольнослушателем лекции в Лондонском университете и работал на предприятии чернокожего националиста судано-египетского происхождения Дузе Мохаммеда Али, учредителя газет «Африкэн таймс» и «Орайент ревью».

Гарви был полон решимости продвигать свою программу расширения возможностей чернокожего населения в Соединенных Штатах. Приехав в США в 1915 году, он заявлял, что афроамериканцы могут добиться уважения к себе, укрепляя свою экономическую мощь. С этой целью он стремился создать сеть принадлежащих чернокожим предприятий – продовольственных магазинов, прачечных и других, способ-

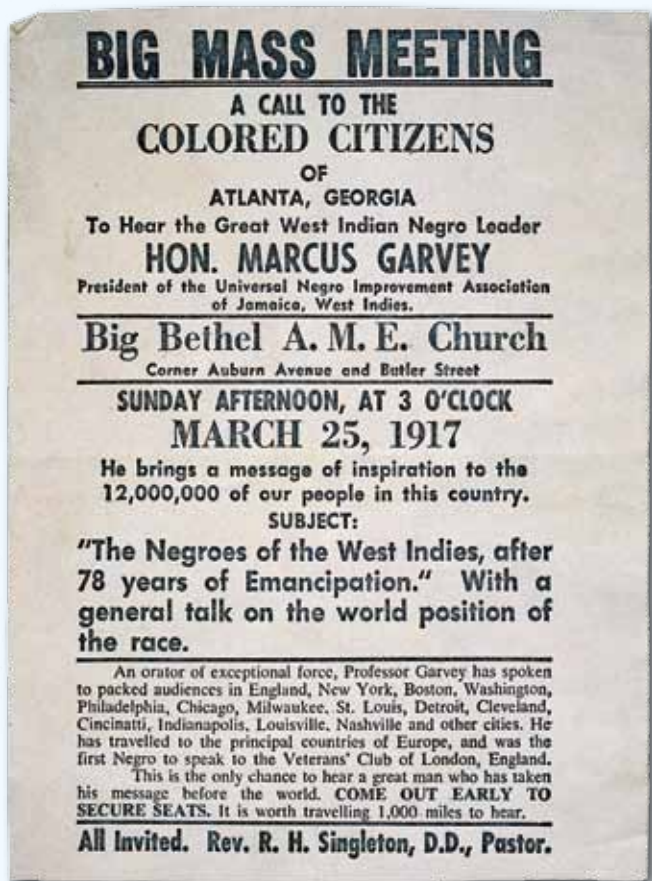
ных процветать независимо от «белой» экономики. Хотя эти и другие первые попытки организовать массы не увенчались большим успехом, настойчивость Гарви снижала ему растущую славу; к концу Первой мировой войны его имя было широко известно среди чернокожих американцев.

Гарви умел мастерски манипулировать средствами массовой информации и устраивать яркие публичные мероприятия. Он учредил собственную газету «Нигроу уорлд», которая широко распространялась по всем Соединенным Штатам и в некоторых странах Латинской Америки. Он проводил красочные ежегодные съезды в Нью-Йорке, где мужчины и женщины маршировали под красно-черно-зеленым знаменем. Этот флаг, наряду с другой трехцветной символикой, по сей день остается популярным среди афроамериканцев. Впечатляющие военные регалии, которые порой надевали последователи Гарви, проецировали националистический и милитаристский имидж, который стремилось воплотить его националистическое движение чернокожих.

Рассказывают, что одного конголезского лидера из отдаленной африканской деревни спросили, знает ли он что-нибудь о Соединенных Штатах. На что он ответил: «Я знаю имя Маркуса Гарви».

Негритянский националист Маркус Гарви представлял одно из направлений афроамериканской мысли. Однако большинство чернокожих предпочло бороться за равенство и полноправное участие в политической и экономической жизни США.

Объявление о выступлении Маркуса Гарви в 1917 году.

Под эгидой пароходной компании «Блэк стар лайн» Всемирная ассоциация по улучшению положения негров предприняла неудачную попытку развернуть в мире торговлю продукцией предприятий, принадлежащих чернокожим. В рамках этого проекта организация распределила значительную часть своих акций понемногу среди рядовых тружеников и приобрела несколько пароходов, которые, к сожалению, находились в полуразрушенном состоянии.

Гарви верил в разделение рас и готов был пойти на сотрудничество с лидерами белых расистских организаций, в частности, «Ку-клукс-клана». После встречи с руководством «Ку-клукс-клана» он подвергся резкой критике со стороны нескольких чернокожих лидеров, которые и раньше были враждебно к нему настроены. Особую неприязнь проявлял Э. Филип Рэндолф, основатель и руководитель «Братства проводников спальных вагонов» — первого успешного американского профсоюза, в котором преобладали чернокожие.

Рэндолф обвинил Гарви в том, что тот сотрудничает с белыми расистами и якобы замышляет репатриацию чернокожих американцев в Африку. Гарви отрицал подобные замыслы, хотя он действительно посылал своих эмиссаров в Республику Либерия, чтобы выяснить перспективы новых коммерческих проектов, и его идеи встречали немалое сочувствие среди молодых африканских интеллектуалов.

В 1925 году Гарви был приговорен к лишению свободы по федеральным обвинениям в мошенничестве с использованием почты. Он отвергал эти обвинения, и даже некоторые его критики считали их несправедливыми. В 1927 году президент Кальвин Кулидж помиловал его, но Гарви как опасный преступник, не являющийся гражданином США, был немедленно депортирован на родину, в Ямайку. У.Э.Б. Дюбуа, один из самых суровых критиков Гарви, пожелал ему успехов, призвав его продолжать свои усилия в собственной стране.

Обосновавшись в Лондоне, Гарви начал издавать новый журнал «Блэк мэн», в котором критиковались такие видные американские фигуры, как чемпион по боксу в тяжелом весе Джо Луис, певец и политический активист Пол Робсон, а также вызывавший бурные споры своими заявлениями религиозный деятель Джордж Бейкер по прозвищу «Святой отец», за то, что они не сумели повести за собой негритянские массы. Но и сам Гарви тоже не смог расши-

рить свою организацию до ее прежнего численного состава. Он сохранил в США достаточную популярность для того, чтобы привлечь внимательную аудиторию на встречу в Виндзоре в канадской провинции Онтарио, через реку от Детройта, штат Мичиган, базы своей прежней деятельности. На заключительном этапе своей деятельности он работал в Лондоне, где и умер в 1940 году.

Уилсон Джеремая Мозес Мозес — профессор-историк Университета штата Пенсильвания и автор научной статьи «Маркус Гарви: переоценка». Одна из его книг называется «Золотой век черного национализма, 1850–1925».

Чарльз Гамильтон Хьюстон и Тергуд Маршалл

БРОСАЮТ ПРАВОВОЙ ВЫЗОВ СЕГРЕГАЦИИ

В ноябре 1956 года пошел 12-й месяц с тех пор, как чернокожие жители устроили бойкот автобусной системы в Монтгомери, штат Алабама, где действовала расовая сегрегация. Годом раньше чернокожая женщина по имени Роза Паркс храбро отказалась уступить белому мужчине свое место в передней части муниципального автобуса. Это положило начало политическому движению и познакомило американцев с мужественным и динамичным лидером – преподобным доктором Мартином Лютером Кингом-младшим. Но лишь после того, как суды запретили размещать сиденья для афроамериканцев только в задней части автобуса, город Монтгомери сдался, и бойкот увенчался успехом. Историк Кевин Мамфорд написал об этом так: «Без конституционной легитимности и обещания судебной защиты местные чернокожие участники акции протеста были бы сокрушены чиновниками штата и местных властей, а белые сторонники сегрегации смогли бы легко одержать верх».

Американцы часто называют кампании за социальную справедливость в середине 20-го века под руководством Кинга и других движением за гражданские права. Как мы

убедились, однако, негры и их союзники издавна боролись за обретение прав, обещанных им Конституцией США и поправками, внесенными в нее после Гражданской войны. Важно также понимать, что современное движение за гражданские права зиждилось на двух опорах. Одну создали храбрые участники ненасильственных акций протеста, заставившие своих соотечественников, наконец, прямо выступить против скандального обращения с чернокожими американцами. Вторая опора состояла из адвокатов – таких, как Чарльз Гамильтон Хьюстон и лучший его ученик Тергуд Маршалл, которые добились того, чтобы на сторону протестующих встала самая мощная сила в Соединенных Штатах – американское законодательство.

Адвокат Маршалл, представлявший в 1956 году интересы чернокожих жителей Монтгомери, полагался на судебные прецеденты, которые он создал в ходе других успешно проведенных процессов. Самым знаменитым было дело «Браун против Комитета по образованию», но еще до него партнерство между Хьюстоном и Брауном в значительной степени разрушило правовую структуру, с помощью которой американский Юг обеспечивал свою систему расовой сегрегации.

Чарльз Гамильтон Хьюстон: человек, который убил Джима Кроу

Чарльз Гамильтон Хьюстон родился в 1895 году в Вашингтоне. Благодаря своим блестящим способностям он в возрасте 19 лет окончил колледж Амхерст, причем ему доверили произнести прощальное слово от выпускников. Затем в годы Первой мировой войны он служил в сегрегированном подразделении Сухопутных войск США. После столкновения с расизмом в армии Хьюстон твердо решил, что его жизненным призванием станет борьба за гражданские права. Вернувшись домой, он изучал право в Гарвардском университете, став первым афроамериканцем – редактором его престижного юридического журнала. В дальнейшем он получил в Гарварде степень доктора права, а в Мадридском университете в Испании он защитил докторскую диссертацию по гражданскому праву.

Хьюстон был убежден в том, что настоящее призвание адвоката – применять закон как инструмент утверждения справедливости. «Адвокат – это либо преобразователь социальных отношений, либо паразит на теле общества», – говорил он. В 1924 году Хьюстон начал по совместительству преподавать на юридическом факультете Университета им. Хауарда – вашингтонского учебного заведения, которое, по некоторым оценкам, готовило не менее трех четвертей адвокатов-негров, практиковавших в то время. К 1929 году Хьюстон возглавил юридический факультет.

Умелый адвокат и педагог-юрист Чарльз Гамильтон Хьюстон начал правовое наступление на дискриминационные законы.

Всего за шесть лет Хьюстон радикально улучшил подготовку чернокожих студентов-юристов, добился полной аккредитации своего учебного заведения и собрал группу адвокатов, специализировавшихся на законодательстве о гражданских правах. В своей книге «Черные профили» Джордж Меткалф пишет, что Хьюстон поставил перед собой задачу превратить университет им. Хауарда в «Уэст-Пойнт (распространенное название Военной академии США) для негритянских лидеров, чтобы негры могли добиваться равенства, борясь против сегрегации в судах».

Тем временем Национальная ассоциация за прогресс цветного населения закладывала основу для юридического оспаривания доктрины «Раздельные, но равные», закрепленной в решении Верховного суда по делу Пlessи в 1896 году. По рекомендации Хьюстона организация привлекла бывшего федерального прокурора Натана Росса Марголда к изучению практики применения этой доктрины на Юге. В 1931 году была завершена работа над докладом Марголда, занявшим 218 страниц убогистого текста. В нем документально подтверждалось прискорбное неравенство в расходах штата между сегрегированными школами для белых и чернокожих учащихся.

В 1934 году Хьюстон занял должность специального советника Национальной ассоциации за прогресс цветного населения. Он окружил себя группой молодых специалистов, главным образом юристами – выпускниками Университета им. Хауарда. Среди них были Джеймс Нэбрит, Споттсвуд Робинсон III, А. Леон Хиггинботэм, Роберт Картер, Уильям Хейсти, Джордж Хейс, Джек Гринберг и Оливер Хилл. Хьюстон, часто в сопровождении своего молодого протеже

Тергуда Маршалла, начал ездить по Югу, вооружившись фотоаппаратом и портативной пишущей машинкой. Позднее Маршалл вспоминал, что он и Хьюстон жили в автомобиле Хьюстона: «Есть и спать было негде. Мы спали в машине и питались фруктами». Эта работа могла быть опасной, но собранные Хьюстоном наглядные свидетельства и накопленные Марголдом данные подкрепили новую правовую стратегию: если помещения, отведенные чернокожим, отличаются от тех, которые предоставляются белым, утверждал Хьюстон, то штаты, где действует сегрегация, не выполняют даже стандарт, установленный решением по делу Пlessи. По логике вещей, тезис «Раздельные, но равные» обязывал эти штаты либо резко улучшить условия для чернокожих, что потребовало бы огромных затрат, либо провести интеграцию.

Эта стратегия эгалитации принесла плоды в 1935 году, когда Хьюстон и Маршалл одержали в Мэриленде победу в судебном деле «Марри против Пирсона». Чернокожий истец оспаривал отказ сегрегированного юридического факультета Университета штата Мэриленд принять его на учебу. Адвокаты университета утверждали, что учебное заведение выполняет требование «Раздельные, но равные», поскольку успешно сдавшим вступительные экзамены чернокожим абитуриентам предоставлялись стипендии для поступления на юридические факультеты в других штатах. Суды штата отвергли этот довод. Хотя они еще не были готовы вынести решение против сегрегированных муниципальных учебных заведений, суды все же постановили, что предлагаемый вариант обучения за пределами штата Мэриленд не является равной возможностью. Юридическому факультету университета было предписано принимать на учебу афроамериканцев,

Тергуд Маршалл (слева) и Чарльз Гамильтон Хьюстон рядом с Дональдом Гейнсом Марри, истцом по делу, которое положило конец политике юридического факультета Университета штата Мэриленд, отказывавшегося принимать чернокожих студентов, имеющих право на поступление.

Тергуд Маршалл в 1962 году после утверждения Сенатом его назначения в Апелляционный суд США. В 1967 году президент Линдон Джонсон назначил Маршалла членом Верховного суда США, в котором он стал первым афроамериканцем.

успешно сдавших вступительные экзамены. Этот триумф был особенно приятным для Маршалла, который сам числился среди чернокожих, имевших право на поступление в это учебное заведение, но не принятых.

В 1940 году Хьюстон ушел из Национальной ассоциации за прогресс цветного населения по состоянию здоровья, а в 1950 году умер. «Мы всем обязаны Чарли», — заметил позднее Маршалл. Любимому ученику Хьюстона предстояло повести заключительное юридическое наступление на сегрегацию, но именно Хьюстон, учитель, выработал стратегию и осветил путь.

Тергуд Маршалл: «Мистер Гражданские Права»

«Ни один американец не сделал больше, чем Тергуд Маршалл, для того, чтобы вывести нашу страну из глуши сегрегации», — говорил его коллега по Верховному суду США Льюис Пауэлл. Родившись в 1908 году и получив образование в сегрегированной средней школе Балтимора, штат Мэриленд, Маршалл затем учился в Университете им. Линкольна — «первом в мире учебном заведении, основанном для предоставления высшего образования в области искусств и наук молодежи африканского происхождения». Зная, что его не примут на юридический факультет Университета штата Мэриленд, где учились только белые, Маршалл поступил на юридический факультет Университета им. Хаурда и стал ежедневно совершать долгие поездки из Балтимора в Вашингтон. Чтобы оплатить учебу, его мать заложила свои кольца — обручальное и свадебное. Маршалл отличился в учебе, стал лучшим выпускником своего курса в 1933 году и заслужил уважение Чарльза Гамильтона Хьюстона.

В тесном сотрудничестве с Хьюстоном Маршалл выиграл описанное ранее дело «Марри против Пирсона», а затем вступил в должность штатного юрисконсульта Национальной ассоциации за прогресс цветного населения. В 1938 году он сменил Хьюстона на посту председателя юридического комитета организации. В 1940 году он стал первым руководителем Фонда правовой защиты при ассоциации.

Это был мудрый выбор. Маршалл обладал уникальным сочетанием навыков. Он был, как позднее заключило агентство «Юнайтед пресс интернейшенал»,

... выдающимся тактиком, уделявшим исключительное внимание деталям, обладавшим цепкой способностью сосредоточиваться на цели — и глубоким голосом, который часто называли самым громким в зале. Он также обладал столь невероятным шармом, что даже самый непреклонный южный шериф, отстаивавший сегрегацию, не мог устоять перед его историями и шутками.

Вооруженный этим мощным сочетанием привлекательности и мастерства, Тергуд Маршалл в 1946 году убедил южный суд присяжных, состоявший только из белых, оправдать 25 чернокожих, обвинявшихся в организации массовых беспорядков. А порой ему едва удавалось избежать побоев или еще худшей участи, которая грозила каждому афроамериканцу, не боявшемуся постоять за себя в условиях южной сегрегации.

Именно при Маршалле разработанная Хьюстоном стратегия постепенных юридических завоеваний, наконец, увенчалась успехом. Выигрывая одно дело за другим, Маршалл и

адвокаты Национальной ассоциации за прогресс цветного населения подтачивали юридические опоры сегрегации. Маршалл добился поразительного результата, выиграв в общей сложности 29 из 32 дел, которые он представлял в Верховном суде. В частности, он одержал следующие юридические победы:

- **«Смит против Олрайта»** (1944), решение Верховного суда запретить проведение первичных выборов только среди белых (на первичных выборах политические партии определяли своих кандидатов на общие выборы). По словам его биографа Хуана Уильямса, Маршалл считал это дело своим главным триумфом: «Сторонники сегрегации требовали, чтобы любой кандидат, желающий получить номинацию от своей партии, был сегрегационистом, и к тому времени, когда чернокожие, латиносы, а иногда даже женщины стали голосовать на всеобщих выборах, им приходилось отдавать свои голоса тому или иному стороннику сегрегации, поскольку выбора не было».
- **«Морган против штата Вирджиния»** (1946), когда Маршалл добился решения Верховного суда запретить сегрегацию в автобусном сообщении между штатами. Позднее при рассмотрении дела «Бойнтон против штата Вирджиния» (1960) Маршалл убедил суд отменить сегрегацию также на автобусных станциях и других помещениях для пассажиров, совершающих поездки между штатами. Решения по этим делам привели в 1960-е годы к новому движению «Рейсы свободы».
- По делу **«Пэттон против штата Миссисипи»** (1947) Верховный суд согласился с доводом Маршалла о том, что суды присяжных, из состава которых систематически исключаются афроамериканцы, не могут выносить приговоры ответчикам-неграм.

Федеральное законодательство часто предоставляло афроамериканцам больше защиты, но применялось, как правило, лишь в «междоштатном» контексте. За годы до Розы Парк Айрин Морган отказалась уступить место в автобусе, маршрут которого пересекал границы штатов. Морган, адвокатом которой был Тергуд Маршалл, выиграла дело, и на автобусных маршрутах между штатами сегрегация была юридически запрещена.

Сверху по часовой стрелке: президент Дуайт Эйзенхауэр использовал федеральные войска, чтобы обеспечить зачисление первых чернокожих учащихся в прежде сегрегированную Центральную среднюю школу города Литл-Рок в штате Арканзас. Преподобные Мартин Лютер Кинг, Фред Шатлуорт и Ральф Эбернати совещаются. Признак прогресса: из автобуса в Гринсборо, штат Северная Каролина, в 1956 году убирают дискриминационное объявление.

• При рассмотрении дела **«Шелли против Кремера»** (1948) Маршалл убедил Верховный суд в том, что суды штатов по Конституции не могут возражать против продажи недвижимости чернокожим, даже если в договоре содержится ограничение на перепродажу по расовому признаку. Такие договоры были юридической тактикой, часто применявшейся для того, чтобы не позволять домовладельцам продавать свою недвижимость чернокожим, евреям и другим меньшинствам.

Победы, которые одержала команда юристов Национальной ассоциации за прогресс цветного населения, привели к тому, что суды стали отменять действие принципа «Раздельные, но равные» в ситуациях, когда условия были фактически не равны. Это было реальным достижением, но не самым лучшим инструментом для осуществления широких

перемен, особенно в сфере образования. Едва ли можно было рассчитывать на то, что в каждом из сотен школьных округов Юга малоимущие афроамериканцы будут оспаривать в судах сравнительные достоинства сегрегированных школ для белых и чернокожих. Только прямое постановление против сегрегации как таковой могло бы одним ударом ликвидировать разрывы, подобные тем, которые существовали в округе Кларендон штата Южная Каролина, где расходы на одного школьника в 1949–1950 учебном году составляли в среднем 179 долларов для белых учащихся и всего 43 доллара для чернокожих. Такого прямого постановления Маршаллу удалось добиться при рассмотрении «дела века» — «Браун против Комитета по образованию».

Решение по делу Брауна

Дело Брауна появилось в момент, когда Маршалл нашел подходящего истца в лице преподобного Оливера Брауна. Его дочь-школьница Линда Браун была вынуждена ходить в школу для чернокожих в городе Топика в штате Канзас более чем за двадцать кварталов от дома, хотя всего в семи кварталах находилась школа для белых. Суды штата Канзас отклонили иск Брауна, сочтя, что разделенные школы для чернокожих и белых по качеству сопоставимы. Это дало Маршаллу шанс предложить Верховному суду, наконец, вынести постановление о том, что сегрегированные учреждения по определению и в юридическом смысле неравны, а, следовательно, неконституционны.

Исковая стратегия Маршалла опиралась на данные общественных наук. Фонд правовой защиты при Национальной ассоциации за прогресс цветного населения сформировал группу экспертов в различных областях – истории, экономике, политологии и психологии. Особенно важным было исследование психологов Кеннета и Мэми Кларк, которые стремились определить, как сегрегация влияет на самоуважение и душевное равновесие негров афроамериканцев. Вот один из их горьких выводов: чернокожие дети в возрасте от трех до семи лет предпочитают белых кукол, а не точно таких же черных.

17 мая 1954 года Верховный суд единодушно поддержал доводы Маршалла. Сославшись на доклад Кларка и другие исследования, представленные истцами, Верховный суд окончательно постановил:

... в области государственного образования нет места доктрине «Раздельные, но равные». Раздельные учебные заведения по сути своей неравны. Поэтому мы считаем, что истцы и другие лица, находящиеся в подобном положении... по причине сегрегации, являющейся предметом иска, лишены равной защиты закона, гарантированной 14-й поправкой.

Адвокат по вопросам образования Дерил Уинн, участник круглого стола Оксфордского университета по политике в области образования, так охарактеризовал значение дела Брауна:

В данном случае высшая судебная инстанция страны по существу указала, что с чернокожими американцами неправильно обращаться... Помню, как мой отец, который в то время был подростком, говорил, что после этого решения он почувствовал себя человеком... На личном уровне подлинное наследие дела Брауна таково: оно служит постоянным напоминанием о том, что каждый ребенок, каждый из нас – человек.

Суд не уточнил сроков прекращения сегрегации в учебных заведениях, но в следующем году при рассмотрении группы дел, в совокупности получивших название «Браун II», Маршалл и его коллеги добились постановления Верховного суда о том, что десегрегация должна идти «со всей продуманной скоростью».

Но даже после этого в отдельных районах Юга продолжалось сопротивление. В сентябре 1957 года, когда чернокожих учащихся силой не пустили в Центральную среднюю школу Литл-Рока в штате Арканзас, Маршалл прилетел в этот город и подал иск в федеральный суд. Его победа по данному делу

создала основу для заявления, с которым выступил 24 сентября президент Дуайт Эйзенхауэр: «Сегодня я издал административный указ об использовании федеральных войск для обеспечения выполнения федерального законодательства в Литл-Роке, штат Арканзас... Нельзя допустить того, чтобы властью толпы отменялись решения наших судов».

Дело Брауна, события в Литл-Роке и другие судебные победы Национальной ассоциации за прогресс цветного населения доказали как сильные стороны, так и пределы возможностей «легального» движения за гражданские права. Чернокожие американцы, которые десятилетиями были вынуждены учиться в худших по качеству сегрегированных школах, едва ли могли себе представить, что федеральные органы будут провожать чернокожих учащихся в классы, прежде предназначенные только для белых, – в Литл-Роке, в Университете штата Миссисипи в 1962 году и в Университете штата Алабама в 1963 году. Но иски разбирались медленно и по одному.

Между тем официальная сегрегация все еще преобладала во многих местах на Юге – не только во многих школах, но и почти во всех общественных местах, от плавательных бассейнов до автобусов, от кинотеатров до закусочных. И сторонникам сегрегации слишком часто удавалось лишать афроамериканцев основных конституционных прав. Сочетанием несправедливых процедур, прямого подлога и крюкотворства подрывались ясные формулировки 15-й поправки, и по всему Югу чернокожие не имели возможности голосовать.

Явно требовались новые законы о гражданских правах. Для их принятия требовался достаточно прочный политический консенсус, способный преодолеть непримиримую оппозицию южных представителей в Конгрессе. Борьба в судах продолжалась, и ведущую роль в ней играл Тергуд Маршалл – с 1961 по 1965 год на посту судебного исполнителя Апелляционного суда США (второй высшей федеральной судебной инстанции страны), а затем на протяжении четверти века с 1967 по 1991 год в качестве первого в стране афроамериканца в составе Верховного суда.

Тем временем набирало силу новое политическое движение за гражданские права. Храбрые афроамериканцы, к которым присоединялись их союзники любой расы и веры, начали твердо, но мирно настаивать на всей полноте гражданских прав, причитающихся им как американцам. Когда они заставили своих соотечественников прямо противостоять позорным реалиям сегрегации и расового гнета, баланс симпатий и политических сил в стране сместился. А начало этому было положено в один из декабрьских вечеров 1955 года в Монтгомери, штат Алабама, когда 42-летняя швея, уставшая после долгого рабочего дня, отказалась уступить свое место в автобусе, где действовали правила сегрегации.

РАЛЬФ ДЖОНСОН БАНЧ

УЧЕНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В борьбе афроамериканцев за гражданские права их личные достижения подчеркивали справедливость общего дела. Достижения ученого и международного деятеля Ральфа Банча, удостоившегося Нобелевской премии, демонстрировали всем беспристрастным людям, что чернокожие американцы могут вносить полноценный вклад в жизнь американского общества.

Ральф Банч родился в Детройте, штат Мичиган, 7 августа 1903 года. Его отец был бродячим парикмахером, мать – домохозяйкой и пианисткой-любительницей. Отец ушел из семьи, а мать умерла, когда Банчу было 14 лет. С тех пор он жил в Лос-Анджелесе, штат Калифорния, у своей бабушки по материнской линии, чья мудрость и сила характера оказали на него большое влияние. Он с отличием окончил Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе и продолжил последипломную учебу, получив стипендию в Гарвардском университете.

С самого раннего возраста Банч остро осознавал расовую дискриминацию и был решительно настроен противодействовать ей. Изучение колониальной Африки убедило его в том, что у колониализма много общего с расовой дискриминацией в Соединенных Штатах. Он был полон решимости положить конец обоим явлениям.

Банч основал факультет политологии в Университете им. Хауарда – традиционном университете для чернокожих в Вашингтоне. Его мно-

Доктор Ральф Дж. Банч, миротворец, посредник и американский дипломат, получает Нобелевскую премию мира за 1950 год.

гочисленные статьи о расовой дискриминации позднее стали базовыми материалами для американского движения за гражданские права. Банч также стал в Соединенных Штатах первопроходцем в изучении колониализма. Он был главным помощником и соавтором шведского социального экономиста Гуннара Мюрдаля, чье знаменитое исследование расовых отношений в США «Американская дилемма», опубликованное в 1944 году, с одобрением цитировал Верховный суд США в своем решении по

делу «Браун против Комитета по образованию».

Когда стала надвигаться Вторая мировая война, правительство США привлекло Банча в качестве советника по Африке, а затем он был переведен в Государственный департамент для работы над будущим Уставом ООН. Он стал первым чернокожим ответственным сотрудником Госдепартамента. На Сан-Францисской конференции 1945 года он подготовил две главы устава – о не имеющих

самоуправления территориях (колониях) и о системе опеки. Эти главы создали основу для ускорения деколонизации после войны. Банч лично очень много сделал для того, чтобы деколонизация воплотилась в жизнь.

Во вновь созданной Организации Объединенных Наций Банч наладил систему опеки. Ему много удалось сделать, работая в Секретариате ООН. Будучи секретарем учрежденной в 1947 году Специальной комиссии ООН по

Палестине, он представил от имени большинства членов комиссии доклад о разделении, а от имени меньшинства – доклад о федеральном государстве. Первый был принят Генеральной Ассамблеей ООН и остается основной целью миротворцев на Ближнем Востоке.

В мае 1948 года британцы ушли из Палестины, в той части подмандатной Палестины, которую определила Генеральная Ассамблея, было провозглашено еврейское государство, и пять арабских государств вторглись в новое государство Израиль. Совет Безопасности ООН назначил посредника – графа Фольке Бернадотта, а его главным советником стал Банч. Они установили перемирие в Палестине, и Банч организовал группу военных наблюдателей ООН для надзора за его соблюдением. Так начались миротворческие операции ООН. В сентябре 1948 года в Иерусалиме Бернадотт был убит «группой Штерна» (вооруженной подпольной сионистской организацией, которую осудили Банч и основные круги сионистов), и посредником стал Банч. В январе 1949 года по его инициативе начались переговоры о перемирии, сначала между Египтом и Израилем. Израилем и четверо его арабских соседей заключили соглашения о перемирии, создавшие официальную основу для прекращения боевых действий. За эти достижения в 1950 году Банч удостоился Нобелевской премии мира.

В 1953 году генеральным секретарем ООН стал Даг Хаммаршельд из Швеции.

Банч стал его заместителем и ближайшим политическим советником. В 1956 году, когда Египет национализировал Суэцкий канал, Великобритания, Франция и Израиль вторглись в Египет, затеяв опрометчивую авантюру, которая потрясла весь мир. Чтобы заставить захватчиков убраться из Египта, требовалось нечто совершенно новое – «мирные и полицейские силы» ООН, как называл их инициатор создания такой структуры Лестер Пирсон из Канады. Хаммаршельд поручил Банчу безотлагательно сформировать и развернуть такие силы. Дополнительную срочность этой задаче придавали зловещие угрозы интервенции со стороны СССР. Работая круглосуточно при активной поддержке Соединенных Штатов и других стран, Банч сформировал и направил в Египет Чрезвычайные силы ООН всего через восемь дней после соответствующего решения Генеральной Ассамблеи ООН.

Первопроходческие усилия Банча в области международной миротворческой деятельности были достижением, которым он больше всего гордился. Он создал и возглавил миротворческие силы ООН численностью 20 000 человек, направленные в 1960 году в Конго, и взял на себя ведущую роль в формировании аналогичных сил на Кипре в 1964 году. После того, как Хаммаршельд погиб в авиакатастрофе над Африкой, Банч стал незаменимым советником его преемника – У Тана из Бирмы. Настолько незаменимым, что

У Тан упросил Банча не уходить из ООН, когда он решил полностью переключиться на движение за гражданские права. Банч умер 9 декабря 1971 года от переутомления и последствий диабета.

Ральф Банч все силы отдавал делу, а о личной славе вовсе не думал (он даже пытался отказаться от Нобелевской премии мира). О его замечательных достижениях помнят, но о его личном вкладе в них вспоминают редко. В особом долгу перед ним афроамериканцы, миллионы людей, освобожденных от старой колониальной системы, и сама Организация Объединенных Наций. Он был одним из величайших государственных служащих 20-го века.

Брайан Эркхарт

Бывший заместитель генерального секретаря ООН, автор книг «Хаммаршельд: жизнь в условиях мира и войны», «Ральф Банч: американская Одиссея» и других исторических исследований.

ДЖЕКИ РОБИНСОН

ПРЕОДОЛЕНИЕ РАСОВОГО БАРЬЕРА

Команда «Бруклин доджерс» прибыла на бейсбольный стадион «Шайб-парк» в Филадельфии, штат Пенсильвания, с новым чернокожим игроком по имени Джеки Робинсон. Его присутствие в команде вызвало бурные споры. И болельщики, и члены местной команды открыто высказывали свою враждебность. «В Филадельфии было хуже всего, – рассказал Ральф Бранка, который в то время был питчером «Бруклина». – На поле бросали черных кошек. На поле бросили арбуз. Бен Чапмен, менеджер «Филадельфии», без стеснения орал на Джеки».

В Соединенных Штатах шел 1947 год, и для многих страна все еще представляла в черно-белом цвете. Сердца многих людей, в том числе южан, были полны застарелой неприязни к темнокожим. По их мнению, негры не заслуживали равных гражданских прав с белыми. Среди бейсбольных деятелей и владельцев еще с начала столетия утвердилось, хоть и неофициально, мнение, будто в высших лигах могут играть только белые. Чернокожие могли играть только в своих собственных негритянских лигах.

Но вот появился Робинсон, которому удалось прорваться сквозь расовый барьер 15 апреля 1947 года, когда он сыграл инфилдером за команду нью-йоркского района Бруклин, где расовый состав населения был смешанным. Робинсон превратился поистине в революционный символ, выйдя далеко за рамки

спорта и сделав большой первый шаг на долгом пути к достижению равенства. Его товарищ по команде Бранка объяснил, почему достижения Робинсона не ограничивались бейсбольной площадкой:

Я часто говорил, что это изменило бейсбол, но это также изменило страну, а в итоге изменило мир. ... Джеки облегчил задачу Розе Паркс. Он облегчил задачу Мартину Лютеру Кингу. И он облегчил ее любому чернокожему лидеру, стремившемуся к расовому равенству. По существу, это изменило отношение всей страны к чернокожим. Это происходило внутри команды. У нас играли ребята с Юга, где на черных

Вверху: Джеки Робинсон (на переднем плане справа) вместе с товарищами по команде Джо Блэком (на заднем плане слева), Дюком Снайдером (на переднем плане слева) и П. У. Ризом (на заднем плане справа) радуется победе «Бруклина» над «Нью-Йорк янкиз» в первой игре финальной серии чемпионата страны 1952 года. В центре – главный тренер команды Чак Дрессен.

Внизу: Джеки Робинсон (справа) и бывший чемпион по боксу в тяжелом весе Флойд Паттерсон (слева) встречаются в Бирмингеме, штат Алабама, с лидерами движения за гражданские права Ральфом Д. Эбернати и Мартином Лютером Кингом, 1963 год.

смотрели свысока. Им (афроамериканцам) приходилось сидеть в задней части автобуса, они не могли пить воду из тех же фонтанчиков, не могли ходить в те же туалеты. Но в итоге они (белые игроки) изменили свое мнение.

Робинсон, родившийся 31 января 1919 года в Кейро, штат Джорджия, вырос в Пасадине, штат Калифорния. Во время учебы в расположенном неподалеку Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе он отличился в четырех видах спорта – бейсболе, американском футболе, баскетболе и легкой атлетике. В 1942 году его призвали на службу в Сухопутные войска США. В армии еще действовала сегрегация (распоряжение о ее отмене в вооруженных силах издал в 1948 году президент Гарри Трумэн). Когда гордый Робинсон отказался сидеть в задней части автобуса, командиры обвинили его в неповиновении. Но он был оправдан и в итоге уволился из вооруженных сил с положительной аттестацией. «Он был человеком действий, – говорит его вдова Рейчел Робинсон. – Наше тогдашнее положение его не устраивало».

Между тем генеральный директор команды «Бруклин доджерс» Брэнч Рики решил, что в национальном виде спорта – бейсболе – пора проводить расовую интеграцию. Не в последнюю очередь это объяснялось его убеждением, что участие чернокожих игроков обеспечит его клубу преимущество над соперниками. Рики понимал, что ему нужен человек, обладающий стойкостью и сильным характером, позволяющим выдержать неизбежные расистские издевательства, а то и кое-что похуже, со стороны игроков и болельщиков. Рики заметил Робинсона в 1945 году, когда тот играл за Канзас-Сити в негритянских лигах, и решил, что нашел такого игрока и такого человека.

Следующий сезон Робинсон провел в фарм-клубе «Доджерса» в Монреале, а затем был переведен в основной состав «Доджерса» на сезон 1947 года. Первопроходцу пришлось нелегко. Рики взял с Робинсона обязательство в течение трех лет не реагировать на оскорбления, звучавшие в его адрес со стороны болельщиков по всей лиге и команд-соперниц. Выдержав давление, какого не испытывал ни до, ни после него ни один игрок, Робинсон отличился на поле.

В первый свой сезон в высшей лиге, в возрасте 28 лет, Робинсон играл на первой базе, и его ударный коэффициент составил 0,297. Он показал динамичный стиль, украв 29 баз – лучший показатель в Национальной лиге, завоевал награду лиги «Новичок года» и помог своей команде выйти в финальную часть чемпионата страны – «Мировую серию». Помогло то, что другие команды признали, что Робинсон обеспечил «Доджерсу» реальное преимущество, и сами стали брать в состав и выпускать на поле чернокожих игроков. Его лучший сезон настал в 1949 году: он играл на второй базе с ударным коэффициентом 0,342 при 16 хоум-ранах, 124 принесенных команде очках и 37 украденных базах, заработав приз Лучшего игрока Национальной лиги.

В общей сложности Робинсон провел в команде «Доджерс» 10 сезонов и шесть раз выступал в «Мировой серии», в том числе в 1955 году, когда бейсболисты из Бруклина единственный раз стали чемпионами. После следующего сезона шестикратный участник Матча звезд бейсбола ушел из спорта, не пожелав переходить в команду соперников – «Нью-Йорк джайентс». В 1962 году Робинсон был включен в Зал славы бейсбола, став первым чернокожим игроком, удостоенным такой чести.

После завершения спортивной карьеры Робинсон продолжал участвовать в борьбе за расовое равенство, выступая за гражданские права и в поддержку лидеров и ведущих организаций движения. В частности, он работал в совете директоров Национальной ассоциации за прогресс цветного населения.

В 1972 году Джеки Робинсон перенес сердечный приступ и умер в возрасте 53 лет. За эти 53 года Робинсон оказал воздействие на жизнь миллионов людей. Он стыдил людей за расовые предрассудки и воодушевлял афроамериканцев. Своим стойким примером твердости и достоинства он подтолкнул американцев из самых разных слоев общества к признанию гражданских прав чернокожих.

«Жизнь приобретает смысл, – говорил сам Робинсон, – только когда она оказывает воздействие на жизнь других».

Брайан Хейман

Лауреат более 30 журналистских премий Брайан Хейман – спортивный обозреватель газеты «Джорнал ньюс» в Уайт-Плейнсе, штат Нью-Йорк.

«У нас есть движение!»

Успешный бойкот сегрегированных автобусов в Монтгомери, штат Алабама, который начался с ареста Розы Паркс 1 декабря 1955 года, превратил дело борьбы за гражданские права в массовое политическое движение. Он продемонстрировал, что афроамериканцы умеют объединяться и участвовать в организованных политических акциях, и ознаменовал появление Мартина Лютера Кинга – незаменимого лидера, который воодушевил миллионы людей, установил для них высокую нравственную планку ненасильственного сопротивления и навел мосты между американцами любой расы, вероисповедания и цвета кожи. Хотя свой вклад в революцию 1960-х годов в области гражданских прав внесли многие смелые активисты, именно Кинг, как никто другой, побудил миллионы белых американцев открыто выступить против реалий расовой дискриминации и сформировал политическую действительность, в которой могли быть приняты знаменательные законы – Закон 1964 года о гражданских правах и Закон 1965 года об избирательных правах.

«Надоело уступать»: автобусный бойкот в Монтгомери

Роза Паркс позднее скажет о дне, изменившем всю ее жизнь: «Я устала только от одного – мне надоело уступать место другим». Окончив среднюю школу во времена, когда это было

Вверху: Доктор Кинг излагает стратегию бойкота автобусов в Монтгомери, штат Алабама. Среди его советников – Роза Паркс, вторая слева в первом ряду.

Слева: Фотография Розы Паркс для судебного протокола нашлась почти полвека спустя во время уборки помещения в кабинете шерифа.

доступно далеко не всем чернокожим на Юге, Паркс активно участвовала в работе местного отделения Национальной ассоциации за прогресс цветного населения, была зарегистрирована как избиратель (еще одна привилегия, которой на Юге пользовались немногие чернокожие), и стала уважаемым человеком в Монтгомери, штат Алабама. Летом 1955 года она приняла участие в межрасовой конференции лидеров в Хайлендерской народной школе – учебном заведении в штате Теннесси, которое готовило профсоюзных организаторов и поборников отмены сегрегации. Так Паркс узнала о попытках улучшить положение афроамериканцев и о том, что она сама хорошо подходит для того, чтобы создать необходимый прецедент, если ей представится такая возможность.

1 декабря 1955 года Паркс по дороге домой из местного универмага, где она работала швеей, села в первом ряду «цветной секции» автобуса между рядами для «белых» и «черных».

Когда все места для белых заполнились, водитель потребовал, чтобы Парк уступила свое место севшему в автобус белому пассажиру. Парк отказалась повиноваться. Ее арестовали, посадили в тюрьму и оштрафовали на 10 долларов, ей пришлось также заплатить судебные издержки в размере 4 долларов. В то время Парк было 42 года, она пересекла черту, знаменующую определенный этап в ее жизни, и перешла к прямым политическим действиям.

Возмущенные чернокожие жители создали Ассоциацию за улучшение положения в городе Монтгомери для организации бойкота городской автобусной системы. Во избежание соперничества между лидерами местных общин граждане обратились к недавно приехавшему в Монтгомери преподобному Мартину Лютеру Кингу. Кингу, которого только что назначили пастором Баптистской церкви на Декстер-авеню, было всего 26 лет, но он был прирожденным лидером: его отец, преподобный Мартин Лютер Кинг-старший, возглавлял влиятельную Баптистскую церковь Эбенезера в Атланте и активно работал в отделении Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения в штате Джорджия. Еще в 1920-х годах он отказывался ездить в автобусах Атланты, где действовала сегрегация.

В своей первой речи в Ассоциации за улучшение положения в Монтгомери младший Кинг заявил этой группе:

У нас нет альтернативы протесту. Много лет мы проявляли поразительное терпение. Порой мы создавали у наших белых братьев ощущение, что нам нравится, как с нами обращаются. Но сегодня мы пришли сюда для того, чтобы избавиться от этого терпения, и теперь мы не потерпим ничего меньшего, чем свобода и справедливость.

Под руководством Кинга участники бойкота договорились о том, как будут подвозить друг друга на автомобилях, а чернокожие водители такси стали брать с участников бойкота плату в размере 10 центов, которая была равна стоимости проезда в автобусе. Пользуясь частными автомобилями и повозками с лошадьми, а иногда просто отказываясь от использования транспорта, участники прямой ненасильственной акции неповиновения заставили город заплатить высокую экономическую цену за практику сегрегации.

Кроме того, в результате бойкота Кинг стал фигурой национального масштаба, чье убедительное присутствие и непревзойденное ораторское искусство привлекали всеобщее внимание к движению и вызвали поддержку среди сочувствующих белых, особенно на Севере. Кинг, как заключил позднее журнал «Тайм», «возник из ниоткуда и стал одним из выдающихся лидеров страны».

Даже после того, как его дом подвергся нападению, а сам Кинг и более ста участников бойкота были арестованы за «попытку помешать автобусу», его неизменная вежливость и приверженность ненасильственной тактике вызвали уважение к движению и дискредитировали сторонников сегрегации в Монтгомери. Когда в доме Кинга, где находились его жена и маленькая дочь, раздался взрыв, у некоторых возникло ощущение, что за этим последуют массовые беспорядки. Но Кинг успокоил толпу:

Мы должны возлюбить наших врагов – относиться к ним с добром. Вот как мы должны жить, мы должны отвечать на

ненависть любовью. Мы должны любить наших белых братьев, как бы они ни поступали с нами. Позднее белый полицейский из Монтгомери рассказал журналисту: «Скажу вам честно, я был в ужасе. Своей жизнью я обязан этому священнику, как и все другие белые люди, которые там были».

В итоге для отмены сегрегации в автобусной системе Монтгомери потребовались не только личная инициатива Розы Парк, храбрость и политическое лидерство Кинга, но и юридические действия в духе Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Пока участники бойкота мужественно отвечали на сопротивление сторонников сегрегации, адвокаты, которые добивались ее отмены, оспаривали положение об автобусной системе Монтгомери в судах, ссылаясь на прецедент, созданный делом «Браун против Комитета по образованию». В ноябре 1956 года Верховный суд США отклонил заключительную апелляцию города, и сегрегации в автобусах города Монтгомери был положен конец. Таким образом, движение за гражданские права укрепило и вышло на новые рубежи.

Сидячие забастовки

Вскоре после успешного завершения автобусного бойкота в Монтгомери Мартин Лютер Кинг и ряд других лидеров движения – преподобные Ральф Эбернати, Т. Дж. Джемисон, Джозеф Лоуэри, Фред Шаттлуорт и Ч. К. Стил, а также активисты Элла Бейкер и Баярд Растин – основали Конференцию южного христианского руководства. Эта новая организация, отстаивавшая гражданские права, избрала более жесткий подход, чем ориентировавшаяся на юридические механизмы Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения. Она начала «Крестовый поход за гражданство» – кампанию по регистрации избирателей.

Тем временем более молодые активисты почувствовали, что им кажется недостаточно динамичной тактика Кинга, ориентированная на постепенное достижение результатов. В 1960 году около 200 таких активистов, в том числе студент Хауардского университета Стокли Кармайк, сформировали Студенческий координационный комитет ненасильственных действий. А в Гринсборо, штат Северная Каролина, четверо

Сидячая забастовка в Монтгомери, штат Алабама, 1961 год. Даже просто сидя в закуских, где действовала сегрегация, активисты движения за гражданские права рисковали подвергнуться аресту или гораздо худшей участи.

Профсоюзный лидер Э. Филип Рэндолф (справа) основал и возглавил Братство служащих железнодорожного транспорта, которое помогло афроамериканцам устраиваться на работу на уровне среднего класса. Марш на Вашингтон, который Рэндолф угрожал провести в 1941 году, вынудил президента Франклина Рузвельта запретить расовую дискриминацию в организациях подрядчиков Министерства обороны и послужил образцом для знаменитого марша 1963 года.

первокурсников Сельскохозяйственного и технического колледжа Северной Каролины взяли дело в свои руки.

1 февраля 1960 года в 16 часов 30 минут студенты Эзелл Блэр (ныне Джibrил Хазан), Франклин Юджин Маккейн, Джозеф Альфред Макнил и Дэвид Линеил заняли предназначенные для белых места в закусочной местного универсама «Вулворт». Обслуживать их отказались, но они спокойно просидели до закрытия магазина часом позже. На следующее утро 20 чернокожих студентов заняли места в закусочной группами по три-четыре человека. «Никаких нарушений не было, – сообщала газета «Гринсборо рекорд», – и между группами, похоже, не велось никаких разговоров. Некоторые студенты достали книги и, по-видимому, занимались». Блэр заявил газете, что взрослые негры «робки и боязливы... Пора кому-нибудь проснуться и изменить ситуацию... и мы решили начать здесь».

Занятие места в общественном учреждении без применения силы, или сидячая забастовка, берет начало с кампаний Махатмы Ганди за независимость Индии. В Соединенных Штатах профсоюзные организации и работавший на севере Конгресс расового равенства тоже применяли сидячие забастовки. Когда события в Гринсборо начали привлекать общественное внимание, Студенческий координационный комитет ненасильственных действий быстро связал себя с

этой тактикой борьбы за гражданские права, и в следующие два месяца сидячие забастовки распространились на более 50 городов.

Особую значимость имели события в Нашвилле, штат Теннесси, где к этому моменту готовился связанный с Кингом Совет христианского руководства Нашвилла. Еще в 1955 году Кинг налаживал контакты с преподобным Джеймсом Лоусоном, борцом за гражданские права и миссионером, который служил в Индии и изучал тактику ненасильственного сопротивления Ганди – «сатьяграху». Кинг призвал Лоусона переехать на Юг. «Срочно приезжайте, – сказал Кинг. – У нас там нет ни одного человека, похожего на вас».

Работая с Конференцией христианского руководства Юга под руководством Кинга, Лоусон в 1958 году начал готовить новое поколение активных участников ненасильственных действий. Среди его учеников были Дайан Нэш, Джеймс Бевел и Джон Льюис, который в настоящее время является конгрессменом от штата Джорджия. Все они вскоре стали видными деятелями движения за гражданские права. На учебных занятиях было решено устроить серию сидячих забастовок в ресторанах при универсамах, где чернокожим разрешалось совершать покупки, но не разрешалось есть в кафе.

Активисты из Нашвилла тщательно готовились и действовали осмотрительно. Но когда сидячая забастовка в Гринсборо оказалась в центре внимания всей страны, они привели свои силы в состояние готовности.

В феврале 1960 года сотни активистов из Нашвилла приступили к сидячим забастовкам. В подготовленных студентами инструкциях особое внимание уделялось личной дисциплине и достойному отказу от насильственных методов, который они предлагали всему миру:

«Не наносите ответного удара, не отвечайте ругательствами на оскорбления. ... Не загромождайте входы в магазины и проходы между торговыми рядами.

Всегда проявляйте дружелюбие и вежливость.

Сидите прямо и всегда лицом к прилавку. ...

Не забывайте об учении Иисуса Христа, Мохандаса К. Ганди и Мартина Лютера Кинга.

Помните о любви и отказе от насилия, да благословит Бог каждого из вас».

После начала сидячей забастовки кафе обычно закрывали, однако со временем начались аресты участников акций протеста. Проходившие после арестов судебные разбирательства привлекали толпы людей. Когда активистам выносили приговоры за нарушение общественного порядка, они предпочитали отбывать срок в тюрьме, вместо того чтобы платить штраф.

Нашвилл стал одним из первых примеров того, как сегрегация не выдерживает разоблачений. Легендарный журналист Дэвид Халберстам только начинал свою карьеру, и его репортажи для «Нашвилл теннессеэн» привлекали внимание общенациональных СМИ. Сидячие забастовки получили распространение во многих районах США, и вскоре американцев по всей стране потрясли фотографии, подобные той, которая была опубликована 28 февраля 1960 года в газете «Нью-Йорк таймс». Под ней была такая подпись: «Белый мужчина

замахивается 18-дюймовой (46 сантиметров) битой на негритянку в Монтгомери. В результате удара она получила травму. Нападение произошло вчера после того, как женщина задела другого белого мужчину. Стоявшие рядом полицейские никого не арестовали». 19 апреля того же года прогремел взрыв в доме главного юриста, который оказывал помощь студентам в Нашвилле. Около 2000 афроамериканцев быстро собрались на демонстрацию, которая вышла к зданию городского совета для встречи с мэром. Поддержит ли он, спросила Дайан Нэш, отмену сегрегации в точках общественного питания? Последовал ответ: «Да, но я не могу указывать человеку, как ему вести свой бизнес. У него тоже есть права».

Это «право» на дискриминацию лежало в основе борьбы. Между тем, за бизнесменами из Нашвилла закрепилась дурная слава, налицо был и контраст между достойными, не прибегающими к насилию чернокожими студентами и их вооруженными и чересчур агрессивными оппонентами. Начались тайные переговоры, и 10 мая 1960 года тихо и без фанфар в некоторых кафе в центре города начали обслуживать чернокожих клиентов. Дальнейших инцидентов не было, и вскоре после этого Нашвилл стал первым южным городом, успешно приступившим к отмене сегрегации в общественных местах.

Рейсы свободы

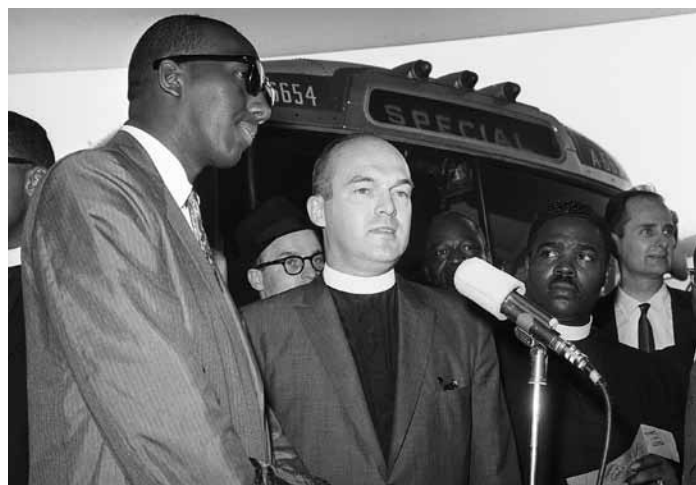
Некоторые молодые лидеры сидячих забастовок в Нашвилле объединили усилия со Студенческим комитетом ненасильственных действий, который в 1961 году помог организовать «рейсы свободы». Еще в 1946 году юристы Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения под руководством Тергуда Маршалла добились постановления Верховного суда, которое запрещало сегрегацию в системе автобусного сообщения между штатами (при федеральной системе власти в США правительству страны проще регулировать коммерческую деятельность, которая пересекает границы штатов). В решении по делу «Бойнтон против штата Вирджиния» в 1960 году Верховный суд расширил свое постановление,

распространив его действие на автобусные станции и другие объекты, связанные с поездками между штатами. Но обладание правом и его осуществление – две совершенно разные вещи.

Многие понимали, что афроамериканец, пользующийся своим конституционным правом сидеть в первых рядах автобуса, следующего из одного штата в другой, или использовать ранее предназначенные только для белых помещения на одной из южных автобусных станций, столкнется с агрессивной реакцией. Понимая это, группа из 13 человек, в составе которой были белые и афроамериканцы, в том числе национальный директор Конгресса за расовое равноправие Джеймс Фармер, выехала из Вашингтона на автобусе. Фармер и его спутники планировали сделать несколько остановок по пути в Новый Орлеан. «Если нас арестуют, мы смирились с этим арестом, – говорил Фармер. – А если против нас применят силу, мы готовы принять это, не отвечая тем же».

Фармер был прав, ожидая насилия. Пожалуй, самый тяжелый случай произошел неподалеку от Аннистона в штате Алабама. Выезжая из Атланты, участники «рейса свободы» разделились на две группы. Одна поехала на автобусе компании «Грейхаунд», другая – на автобусе «Трейлуэйз». Когда автобус «Грейхаунд» доехал до Аннистона, на тротуарах выстроились люди. Это было необычно, но причина вскоре стала понятна. Когда автобус заехал на стоянку, на него набросилась толпа, бросая камни и орудия кастетами. Два белых дорожных патрульных, которым было поручено следить за участниками «рейса свободы», блокировали дверь и не позволили толпе сторонников «Ку-клукс-клана» войти.

Прибывшие наконец местные полицейские завели шуточный разговор с толпой, никого не арестовали и препроводили автобус к городской черте. Толпа, численность которой, по оценкам, составляла около 200 человек, следовала на небольшом расстоянии сзади в легковых автомобилях и пикапах. Примерно в 10 километрах от Аннистона из-за спущенных шин автобус остановился. Толпа белых мужчин попыталась проникнуть в автобус, а один из них бросил через автобусное

В июне 1961 года в рейс свободы из Вашингтона во Флориду отправились преподобный Перри Смит III из Брентвуда, штат Мэриленд, и преподобный Роберт Стоун из Нью-Йорка. Слева: Автобус компании «Трейлуэйз» с участниками рейса свободы в салоне приближается к автовокзалу в Джеконе, штат Миссисипи.

Участников рейса свободы из Монтгомери, штат Алабама, в Джексон, штат Миссисипи, сопровождают солдаты Национальной гвардии штата.

окно зажигательную бомбу. Как пишет историк Раймонд Арсно: «Участники рейса свобода не чувствовали себя обреченными до тех пор, пока взрыв бензобака не убедил толпу, что весь автобус сейчас взлетит на воздух». Автобус охватило пламя, а выскочившие из него участники «рейса свободы», как сообщало агентство «Ассошиэйтед пресс», «подверглись короткому, но кровопролитному избиению».

Вторая группа участников рейса свободы ехала в одном автобусе компании «Трейлуэйз» с группой членов «Ку-клукс-клана», которые сели в Атланте. Когда чернокожие участники акции отказались сидеть в задней части автобуса, началось избиение. Белые, также принимавшие участие в рейсе свободы, в том числе 61-летний педагог Уолтер Бергман, подверглись особенно жестоким нападениям. Все участники рейса свободы придерживались уроков, которые они извлекли из учения Ганди, и никто не наносил ответных ударов. Когда автобус, наконец, прибыл в Бирмингем, положение лишь ухудшилось. Комментатор программы новостей Си-би-эс Хауард Смит передавал свидетельство очевидца: «Когда прибыл автобус, бандиты потащили пассажиров в подворотни и узкие проходы, избивая их трубами, кольцами для ключей и кулаками». Внутри разделенной по расовому признаку автобусной станции участники рейса свободы на мгновение замешкались, а затем вошли в зал ожидания, предназначенный только для белых. Там их тоже избили, некоторых до потери сознания, а начальник бирмингемской полиции Юджин Коннор по прозвищу «Бык» отказался принимать меры против членов «Ку-клукс-клана» и их сторонников.

И все же участники рейсов свободы были полны решимости продолжать свои действия. В Вашингтоне министр юстиции Роберт Кеннеди попросил губернатора Алабамы Джона Паттерсона гарантировать безопасный проезд через его штат. Паттерсон отказался: «Граждане штата в такой ярости, что я не могу гарантировать защиту этой компании подстрекателей». Член Палаты представителей от штата Алабама Джордж Хаддлстон-младший считал участников рейсов свободы

самозваными разносчиками расовой ненависти». Он говорил, что ехавшая в автобусе компании «Грейхаунд» группа, в которую бросили зажигательную бомбу, «получила именно то, на что они напрашивались».

В Нашвилле Дайан Нэш опасалась политических последствий. «Рейсы свободы могли прекратиться из-за насилия, – говорила она позднее, – я глубоко убеждена, что в таком случае движение могло сойти на нет, поскольку могло создаться впечатление, что всякий раз, когда возобновляется активность, достаточно ответить массовым насилием, и чернокожие останутся». При поддержке Студенческого координационного комитета ненасильственных действий и других чернокожих и белых активистов, пополнивших ряды первоначальных участ-

ников рейсов свободы, началась новая кампания.

20 мая группа участников рейсов свободы села в автобус компании «Грейхаунд», следовавший из Бирмингема в Монтгомери, штат Алабама. Их встретила толпа, численность которой составляла около 1000 человек. Все произошло «в одно мгновение» после прибытия на станцию, сообщало агентство «Ассошиэйтед пресс». Среди пострадавших был Джон Сайгенталер, помощник министра юстиции Кеннеди. Кеннеди направил в Монтгомери 400 федеральных маршалов для наведения порядка, а Конгресс расового равенства пообещал продолжить рейсы свободы, ориентируясь на Джексон, штат Миссисипи, а затем на Новый Орлеан. «Многие студенты в других городах готовы при необходимости стать добровольцами», – сообщил Джеймс Фармер газете «Нью-Йорк таймс». И примерно 450 американцев действительно пошли на этот шаг, садясь в автобусы, а затем заполняя тюрьмы, особенно в Джексоне, когда Фармер и другие отказались платить штрафы за «нарушение спокойствия».

29 мая министр юстиции Кеннеди поручил Комиссии по торговле между штатами ввести жесткое регулирование для обеспечения расовой интеграции в транспорте между штатами. Ведомство сделало это. Благодаря этой последовательной федеральной кампании пошатнулась сегрегация на автовокзалах, в автобусах и поездах – по крайней мере, тех, которые пересекали границы штатов.

Победа участников рейсов свободы задала тон последующим крупным кампаниям за гражданские права. Неоднократно в эти кульминационные годы свободная пресса убеждала американцев хладнокровно и жестко взглянуть на реальность расового гнета. В Бирмингеме толпа избивала фотокорреспондента местной газеты «Пост-Геральд» Томми Лэнгстона и разбила его фотокамеру. Но они забыли выгащить пленку, и впоследствии на первой полосе газеты был опубликован его снимок, на котором жестокому избиению подвергается стоящий рядом чернокожий. Каждый арест и каждое избиение получали все более широкое освещение в СМИ. И хотя во многих из этих сообщений все еще упоминались «негритянские боевики», контраст между разъяренными белыми толпами и спокойными, полными достоинства

участниками рейсов свободы, представлявшими обе расы, заставил американцев решать, или в тот момент, по крайней мере, начать задумываться о том, кто же из них представляет американские ценности.

Белые религиозные лидеры выделялись среди тех, кто приветствовал храбрость участников рейсов свободы и справедливость их дела. Преподобный Билли Грэм призвал к судебному преследованию лиц, совершавших нападения на участников рейсов свободы, и заявил, что «прискорбна ситуация, когда с некоторыми людьми в обществе обращаются как с гражданами второго сорта». Раввин Бернард Бамбергер отверг осуществляемое белыми сторонниками сегрегации насилие как «совершенно неоправданное с точки зрения морали и права» и подверг критике белых, которые призывали активистов движения за гражданские права «сбавить обороты». И всегда находились праведники: как пишет Раймонд Арсно, когда в окрестностях Аннистона горел автобус компании «Грейхаунд», «одна маленькая девочка, двенадцатилетняя Джейни Миллер, приносила задымившимся жертвам воду, снова и снова наполняя пятигаллонное (19 литров) ведро и не страшась оскорблений и насмешек членов «Ку-клукс-клана».

Движение Олбани

Две крупные кампании за гражданские права в 1962 и 1963 годах продемонстрировали пределы и возможности ненасильственного сопротивления. В городе Олбани, штат Джорджия, афроамериканцы в условиях сегрегации традиционно проявляли политическую активность в той мере, в какой это возможно на Юге. В 1961 году добровольцы из Студенческого координационного комитета ненасильственных действий приехали, чтобы поддержать проходившую здесь кампанию регистрации избирателей. Они учредили центр по регистрации избирателей, который служил опорной базой для кампании сидячих забастовок, бойкотов и других акций протеста. В ноябре 1961 года ряд местных афроамериканских организаций сформировали Движение Олбани под руководством молодого остеопата Уильяма Андерсона. Акции протеста усилились, и к середине декабря более 500 демонстрантов попали в тюрьму. Андерсон встречался и с Мартином Лютером Кингом, и с его коллегой преподобным Ралфом Эбернати, пастором Первой баптистской церкви Монтгомери и главным помощником Кинга в Конференции христианского руководства Юга. Он решил попросить Кинга о помощи, чтобы сохранить импульс, заданный Движению Олбани, и распространить информацию о его целях по всей стране.

Начальник полиции города Олбани Ларри Притчетт оказался грозным оппонентом Кинга и других активистов. Притчетт знал, что освещение в СМИ насилия, совершаемого сторонниками сегрегации против полных достоинства и не применяющих силы активистов движения за гражданские права уже настроило многих американцев против расовой

Монтгомери, штат Алабама: около 70 священнослужителей, представлявших различные религиозные конфессии, были арестованы после молитвенного стояния против сегрегации перед зданием городского совета в августе 1962 года.

дискриминации. Притчетт усердно добивался того, чтобы лишить Движение Олбани подобного «информационного импульса». Полицейских Олбани предупредили, чтобы они не применяли никакого насилия против участников акций протеста, особенно если поблизости будут находиться журналисты. Хотя поначалу демонстрантам удалось «заполнить тюрьмы», Притчетт рассредоточил их по разным тюрьмам в соседних округах. «В итоге, — сделала вывод «Энциклопедия новой Джорджии», — Кинг остался без людей, которые хотели участвовать в маршах, раньше, чем у Притчетта кончились свободные тюремные камеры».

Притчетт также понимал, что Кинг — звезда СМИ и что освещение в общенациональной прессе пойдет на спад, если не будет «темы» Кинга, которую можно развивать. Кинг несколько раз приезжал в Олбани, где его несколько раз арестовывали и признавали виновным в нарушении общественного порядка. Когда суд предложил Кингу и Эбернати сделать выбор между лишением свободы и штрафом, они выбрали тюрьму — вариант, который наверняка должен был привлечь внимание прессы. Однако они обнаружили, что «анонимный спонсор» — нанятый Притчеттом сторонник сегрегации — уже заплатил за них штраф.

Когда, наконец, настал подходящий момент для широкого освещения в СМИ, оказалось, что это было совсем не то, на что надеялся Кинг. К 24 июля 1962 года многие афроамериканцы в Олбани разочаровались в связи с отсутствием развития событий. В тот вечер толпа из 2000 чернокожих, вооружившихся кирпичами, бутылками и камнями, напала на группу полицейских города Олбани и сотрудников дорожного патруля штата Джорджия. Одному из стражей правопорядка выбили два зуба. Но вышколенные сотрудники Притчетта не перешли к ответным действиям, и начальник

полицейскому быстро взял инициативу в свои руки. «Вы видели их мирные камни?» – вопрошал он.

Кинг отреагировал быстро, стараясь ограничить нанесенный движению ущерб. Он отменил запланированную массовую демонстрацию и объявил день покаяния. Однако федеральный судебный запрет на дальнейшие демонстрации в Олбани еще больше усложнил ситуацию: до сих пор закон был на стороне борцов за гражданские права. Дальнейшие акции в Олбани позволили бы сторонникам сегрегации изображать Кинга и его последователей как нарушителей закона.

Кинг понимал, что его присутствие в Олбани теряет смысл для движения в целом. Студенческий координационный комитет ненасильственных действий, Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, Конгресс расового равенства и другие местные активисты продолжали борьбу в Олбани и, в конце концов, добились настоящих завоеваний для афроамериканских жителей города. Для Кинга и его команды из Конференции христианского руководства Юга события в Олбани стали своего рода уроком. В своей автобиографии Кинг пояснял:

Когда через несколько месяцев мы планировали нашу стратегию для Бирмингема, мы потратили много часов на оценку событий в Олбани и постарались учиться на ошибках. Наши оценки не только помогли сделать последующую тактику более эффективной, но и показали, что в Олбани мы отнюдь не потерпели полной неудачи.

Арест в Бирмингеме

Если начальник полиции Олбани Лори Притчетт обладал политической смекалкой и эмоциональной беспристрастностью в борьбе с ненасильственными действиями без применения насилия, то его коллега из Бирмингема, штат Алабама, Булл Коннор такими качествами не отличался. Кинг и другие лидеры движения совершенно правильно рассчитали, что поведение Коннора создаст разительный контраст. Биограф Кинга Маршалл Фрейди описывает Коннора как «напыщенного сторонника сегрегации старой школы, непримиримого и

Олбани, штат Джорджия: афроамериканские демонстранты молятся во время рассмотрения дела арестованных участников рейса свободы в декабре 1961 года.

твердолобого – приземистого, чванливого босса средних лет в соломенной шляпе с загнутыми полями, который славился своим вспыльчивым нравом». Коннор не был выразителем взглядов большинства белых жителей Бирмингема: недавние муниципальные выборы привели к укреплению позиций кандидатов-реформаторов. Но он руководил полицией, и «приветствие», которое участники рейсов свободы испытали на себе в Бирмингеме, наглядно показало, на какую реакцию могли рассчитывать активисты в этом городе.

События в Олбани научили Кинга и его команду из Конференции христианского руководства Юга ориентироваться на конкретные цели, а не на борьбу с сегрегацией вообще. Как написал позднее Кинг:

Мы пришли к выводу, что в наиболее консервативно настроенных населенных пунктах борьба будет более эффективной, если сосредоточить ее на одном конкретном аспекте злодейской и изоциренной системы сегрегации. Поэтому мы решили нацелить борьбу в Бирмингеме на деловые круги, так как мы знали, что негритянское население обладает достаточной покупательной способностью для того, чтобы его уход мог превратить прибыль многих предприятий в убытки.

3 апреля 1963 года активисты приступили к сидячим забастовкам в кафе. 6-го числа прошел марш к зданию мэрии Бирмингема. Местные афроамериканцы стали бойкотировать торговые точки в центре города. Эту тактику Кинг считал «поразительно эффективной». Во многих магазинах быстро исчезли объявления о том, что в них обслуживают только белых, но Булл Коннор в ответ пригрозил отобрать у них лицензии на предпринимательскую деятельность. По мере того как росло число добровольцев, бирмингемское движение расширяло свою кампанию: в церквях начались «забастовки на коленях», сидячие забастовки проходили в библиотеках. Число арестов росло, и тюрьмы заполнялись.

До этого момента реакция полиции оставалась сдержанной. Типичный инцидент описан в газете «Нью-Йорк таймс»: *Восемь негров вошли в библиотеку, где действовали правила сегрегации. Они прогулялись по трем из четырех этажей и сели за столы, читая журналы и книги. Присутствовавшие при этом полицейские не приказали им уйти. Они ушли добровольно примерно через полчаса.*

Когда зашли негры, в библиотеке находилось около 25 белых. От некоторых слышались оскорбительные высказывания вроде «Здесь воняет». Другие спрашивали негров: «Почему вы не идете домой?» Но инцидентов не было.

10 апреля Коннор последовал примеру Притчетта, добившись от окружного суда решения запретить Кингу, Фреду Шаттлсворту и 134 другим лидерам проводить бойкоты, сидячие забастовки, пикеты и другие акции протеста. Любое нарушение этого запрета означало неуважение к суду, караемое более длительным сроком лишения свободы, чем просто нарушение порядка.

Теперь Кинг оказался перед выбором. Они с Эбернати решили нарушить запрет. Кинг выступил с кратким заявлением: *По совести говоря, мы не можем подчиниться такому запрету, который представляет собой несправедливое, недемократичное и неконституционное злоупотребление юридическим процессом.*

Мы делаем это не из пренебрежения к закону, а исходя из высшего уважения к закону. Это не попытка уклониться от закона, или бросить ему вызов, или втянуться в хаотичную анархию. Просто мы не можем с чистой совестью подчиняться несправедливым законам, не можем мы и уважать несправедливое использование судов.

Мы верим в систему права, основанную на справедливости и нравственности. Исходя из нашей любви к Конституции Соединенных Штатов и нашего желания очистить судебную систему штата Алабама, мы рискуем сделать этот необходимый шаг, осознавая, какие последствия он может за собой повлечь.

В Великую пятницу, 12 апреля 1963 года, Мартин Лютер Кинг возглавил марш протеста к центру Бирмингема. Через пять кварталов Кинг, Эбернати и еще около 60 человек, в том числе белый священнослужитель, присоединившийся к акции протеста, были арестованы. Когда Кинга брали под стражу, Коннор заметил: «Он же за этим сюда пришел – чтобы его арестовали. Вот он это и получил».

Письмо из бирмингемской тюрьмы

Томаясь в своей тюремной камере, Кинг подготовил один из самых выдающихся документов в истории американской мысли. Ряд местных белых священников, которые сами сочувствовали долгосрочным целям Кинга, не соглашались с его краткосрочной тактикой. Они выступили с публичным заявлением, назвав демонстрации под руководством Кинга «неразумными и несвоевременными», и выступили против гражданского неповиновения Кинга, «какими бы мирными с технической точки зрения ни были эти акции».

Ответом Кинга стало «Письмо из бирмингемской тюрьмы». Он написал его на полях газетной страницы. Слова Кинга были написаны рядом с объявлениями о борьбе с вредными насекомыми и новостями для садоводов, вспоминал помощник Кинга, которому удалось вынести эту газету из тюрьмы. На газетных полях появилось убедительное осуждение бездействия перед лицом несправедливости, слова, отражающие необыкновенную веру в то, что в Америке дело свободы обязательно победит.

На упреки белых пасторов Кинг ответил словами о вечной и всеобщей истине. Кинг, которого обвиняли в том, что он чужак, разжигающий в Бирмингеме напряженность, заявил, что перед лицом гнета не бывает чужаков. «Несправедливость где-либо является угрозой справедливости повсюду. Мы пойманы в неизбежную сеть взаимности, вплетены в единую ткань судьбы. То, что прямо затрагивает одного, косвенно затрагивает всех». Что же касается напряженности: «Есть некая конструктивная, ненасильственная напряженность, которая необходима для роста». Тем, кто сам не страдает от болезни сегрегации, добавил Кинг, никакое прямое действие никогда не кажется своевременным: «Надо подождать» почти всегда означает «никогда». «Ни один человек, – продолжал он, – не может устанавливать сроки предоставления свободы другому человеку».

Признавая, что он и его последователи действительно нарушили запрет окружного суда, Кинг сослался на проводимое святым Августином различие между справедливыми и несправедливыми законами. Он утверждал, что тот, кто

нарушает несправедливый закон, чтобы разбудить совесть общества, «в действительности проявляет высшее уважение к закону» при условии, что действует «открыто, с любовью и готовностью принять наказание». Написав из своей камеры, Кинг повел за собой других своим примером.

Находясь в этой тюремной камере, Кинг верил, что в Соединенных Штатах свобода, в конечном счете, победит, действительно должна победить: «У меня нет страха относительно исхода нашей борьбы. ... Мы добьемся поставленной цели – свободы... потому что цель Америки – свобода. ... Наша судьба связана с судьбой Америки... священное наследие нашей страны и вечная Божья воля воплощаются в наших повторяющихся требованиях». «Когда-нибудь, – заключал Кинг, – Юг признает своих настоящих героев».

«У нас есть движение»

Поскольку кампания в Бирмингеме требовала их руководства, Мартин Лютер Кинг и Ралф Эбернати, проведя восемь дней в тюрьме, обратились с ходатайством об освобождении под залог. Они восприняли идею, приписываемую преподобному Джеймсу Бевелу, ветерану сидячих забастовок в Нашвилле и рейсов свободы, которого Кинг привлек к работе в Конференции христианского руководства Юга директором по прямым действиям и обучению ненасильственной тактике. Зная, что лишь немногие семьи чернокожих смогут свести концы с концами, когда главный добытчик отбывает срок в тюрьме, Бевел начал проводить организационную работу среди молодых афроамериканцев в городе. Студентов, старшеклассников и даже учеников начальной школы обучали принципам отказа от насилия. Они готовились проводить марши в центре города, заходить в кафе, предназначенные только для белых, заниматься в библиотеках, которыми могли пользоваться только белые, молиться в церквях для белых. По крайней мере, в некоторых религиозных общинах церкви для белых принимали и молодых чернокожих.

Решение использовать детей было спорным. Исполнительный директор Студенческого координационного комитета ненасильственных действий, преподобный Уайатт Ти Уокер, обосновывал его тем, что «негритянские дети большему научатся за пять дней в тюрьме, чем за пять месяцев в сегрегированной школе». В своей автобиографии Кинг рассказал о чернокожем подростке, который решил принять участие в марше, хотя его отец возражал:

«Папа, – сказал мальчик, – я не хочу быть непослушным, но я пообещал. Если ты попытаешься удержать меня дома, я удеру. Понимаешь, я делаю это не только потому, что хочу быть свободным. Я делаю это еще и потому, что желаю свободы тебе и маме и хочу, чтобы она наступила до вашей смерти».
Отец подумал еще и дал сыну свое благословение.

2 мая 1963 года сотни молодых афроамериканцев вышли на улицу, общаясь по переносным рациям и распевая песню «Мы преодолеем». Сотни были арестованы, и в бирмингемской тюрьме не хватало мест. Пожалуй, важнее всего было то, что нервы у Булла Коннора напряглись до предела.

3 мая Коннор решил остановить демонстрации силой. Брандспойты, включенные на полную мощность, достаточную для того, чтобы сорвать с дерева кору, сбивали манифестантов

с ног и катили людей по асфальтовым мостовым. По приказу начальника полиции для разгона толп использовались полицейские собаки, несколько демонстрантов были избиты.

Когда об этом стало известно, активист Студенческого координационного комитета ненасильственных действий Джеймс Форман находился в штаб-квартире организации. Он сообщил, что присутствовавшие лидеры «прыгали от радости... Они повторяли вновь и вновь: «Теперь у нас есть движение. Теперь у нас есть движение. Полиция проявила жестокость». Форман считал такой подход «очень холодным, жестоким и расчетливым», но, как заключил историк К. Ванн Вудворд, «более опытные организаторы кампаний знали цену и достоинство возможностей сделать фотографии».

На той неделе молодые демонстранты каждый день вновь выходили на улицы, шланги и собаки тоже появлялись ежедневно. Полученные в результате фотографии, видеоматериалы и письменные отчеты стали главной темой новостей в Соединенных Штатах и во многих странах мира. Столкнувшись с величайшей провокацией, большинство демонстрантов продолжали отказываться от насилия. Джеймс Бевел обходил улицы и кричал в мегафон: «Если вы не хотите продолжать демонстрацию мирным путем, без насилия, то уходите». К 6 мая Булл Коннор держал на ярмарочных площадках штата в качестве заключенных тысячи детей.

В редакционной статье газеты «Нью-Йорк таймс» выражалось настроение растущего числа американцев:

Ни один американец, приученный уважать человеческое достоинство, не может без чувства стыда читать о варварских действиях, совершенных полицейскими органами Алабамы против чернокожих и белых участников демонстраций за гражданские права. Использование полицейских собак и напорных брандспойтов для разгона школьников в Бирмингеме – национальный позор. Сгон сотен подростков и многих детей младшего возраста в тюрьмы и арестные дома за требование свободы, которая по праву принадлежит им от рождения, является нападением на правосудие.

Бирмингем, штат Алабама, май 1963 года: включенные на полную мощность брандспойты могли сорвать кору с дерева. Шериф Булл Коннор приказал применить их против мирных участников демонстрации за гражданские права, и вся страна с ужасом следила за происходящим.

В Вашингтоне эти настроения разделял один очень важный читатель. Биограф Кинга Маршалл Фрейди рассказывает: *В Овальном кабинете президенту попалась на глаза одна газетная фотография, на которой полицейский одной рукой ухватил чернокожего юношу за рубашку спереди, а другой держал на поводке собаку, готовую в него вцепиться. В тот день президент сказал группе посетителей: «Меня от этого тошнит».*

7 мая Фред Шаттлуорт был травмирован струей из брандспойта, отбросившей его с такой силой, что он ударился о стену своей церкви. Прибывший несколько минут спустя Булл Коннор заявил: «Жаль, что я это пропустил... Лучше бы его увезли в катафалке».

К 9 мая у ведущих предпринимателей Бирмингема лопнуло терпение. Они договорились с Кингом и Шаттлуортом. Бирмингемские заведения согласились отменить сегрегацию в своих кафе, туалетах и у фонтанчиков с питьевой водой. Они были готовы принимать на работу и повышать в должности чернокожих сотрудников. Демонстрантов, находящихся в тюрьме, освободят, а обвинения с них снимут. Булл Коннор назвал это «худшим днем в моей жизни».

Триумф бирмингемского движения стал результатом храбрости и дисциплины афроамериканских демонстрантов. Он подтвердил вдохновляющую роль и лидерство таких людей, как Мартин Лютер Кинг, Ралф Эбернати, Фред Шаттлуорт, Джеймс Бевел и другие. Он заставил американцев прямо взглянуть – в газетах и на телеэкранах – на жестокую реальность расовой дискриминации. Кроме того, он отражал веру в идеалы, которую не сломали ни рабство, ни сегрегация, и нетерпеливое стремление к выполнению обещаний, которые долгое время откладывались. 8 мая в Бирмингеме суд по делам несовершеннолетних провел слушание дела 15-летнего подростка, арестованного в ходе демонстраций 3 мая:

СУДЬЯ: Я часто задумываюсь о том, что говорили отцы-основатели: «Неограниченной свободы не бывает». Теперь я хочу, чтобы вы шли домой и вернулись в школу. Вы это сделаете?

МАЛЬЧИК: Я могу кое-что сказать?

СУДЬЯ: Все что угодно.

МАЛЬЧИК: Вы можете говорить это, потому что у вас есть свобода. В Конституции сказано, что все мы равны, но негры не равны.

СУДЬЯ: Но ваши люди многого добились и продолжают добиваться. На это нужно время.

МАЛЬЧИК: Мы ждем уже больше 100 лет.

Марш на Вашингтон

Бирмингем был настоящей победой, но она досталась дорогой ценой. Долгосрочного решения нельзя было добиться, если бы афроамериканцы лишь постепенно преодолевали сегрегацию в отдельно взятых городах, перенося избиения, укусы собак и брандспойты. Несмотря на то, что движение за гражданские права добилось реальных успехов, каждый успех приходил после ожесточенного сопротивления. Понадобились федеральные войска для того, чтобы обеспечить в 1962 году прием в Университет штата Миссисипи первого чернокожего студента – Джеймса Мередита. В следующем году губернатор

Алабамы Джордж Уоллес, который в своем инаугурационном обращении пообещал «сегрегацию сейчас, сегрегацию завтра, сегрегацию всегда», устроил «заслон в школьных дверях». Лишь вмешательство федеральных маршалов обеспечило прием афроамериканцев Вивьен Мэлоун и Джеймса Худа в Университет штата Алабама. Уже на следующий день возле своего дома в Джексоне был убит руководитель отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения в штате Миссисипи. А в самом Бирмингеме 15 сентября 1963 года три члена «Ку-клукс-клана» заложили 19 шашек динамита в подвал Баптистской церкви на 16-й улице – неофициальной штаб-квартиры бирмингемского движения. Четыре девочки – Адди Мэй Коллинз, Кэрол Робертсон, Синтия Уэсли и Дениз Макнэр – погибли, а 22 получили ранения.

11 июня 1963 года президент Джон Кеннеди заявил стране, что внесет в Конгресс законопроект о запрещении сегрегации во всех частных заведениях – гостиницах, ресторанах, театрах, магазинах и так далее. «Перед нами стоит, в первую очередь, нравственная проблема, – сказал президент. – Она стара, как священное писание, и ясна, как американская Конституция». Но на пути к принятию действенных законов о гражданских правах сохранялись огромные преграды.

Некоторые чернокожие лидеры были полны решимости изменить политическую реальность, при которой предстояло рассматривать законодательство о гражданских правах в Конгрессе. Одним из них был Э. Филип Рэндолф. Ему было уже за семьдесят. В прошлом он организовал и десятилетиями возглавлял профсоюз «Братство служащих железнодорожного транспорта». Издавна многие афроамериканцы работали проводниками на железной дороге. Это была одна из лучших работ, доступных чернокожим во многих районах страны, и Рэндолф, лидер этих проводников, стал важной фигурой в американском профсоюзном движении.

Еще в 1941 году президент Франклин Рузвельт стремился ускорить развитие оборонной промышленности в ожидании возможного вступления США во Вторую мировую войну. Рэндолф противостоял Рузвельту, требуя положить конец сегрегации в учреждениях федерального правительства и среди подрядчиков Министерства обороны. В противном случае, предупреждал Рэндолф, он организует массовый марш протеста на Вашингтон. Вскоре Рузвельт издал административный указ, запрещающий дискриминацию в оборонной промышленности и федеральных учреждениях и учреждающий Комиссию по найму на работу без дискриминации. После войны давление со стороны Рэндолфа способствовало тому, что в 1948 году президент Гарри Трумэн издал указ об отмене сегрегации в американских вооруженных силах.

Теперь Рэндолф и его талантливый помощник Байярд Растин задумали похожий марш, надеясь «воплотить в одном жесте гражданские права, в также национальные экономические требования». Для организации этого мероприятия была сформирована группа лидеров движения за гражданские права – «Большая шестерка». В нее вошли Рэндолф, Кинг, Рой Уилкинс (представлявший Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения), Джеймс Фармер (Конгресс расового равенства), Джон Льюис (Студенческий координационный комитет ненасильственных действий) и

Уитни Янг (Городская лига). Они назначили дату – 28 августа 1963 года – и место проведения главного митинга – мемориала Линкольна в Вашингтоне.

«Маршу на Вашингтон за рабочие места и свободу» предстояло стать крупнейшей политической демонстрацией, какую когда-либо видела страна. Специально заказанные автобусы и поезда свозили участников со всей страны. В тот день собралось четверть миллиона американцев, а, по некоторым оценкам, еще больше. Среди них было, по меньшей мере, 50 000 белых. На трибуне стоял звездный состав борцов за гражданские права, христианских и еврейских религиозных лидеров, профсоюзных руководителей и артистов. Чернокожая певица-контральто Мариан Андерсон, которая выступала у мемориала Линкольна в 1939 году после того, как ей было отказано в разрешении петь в вашингтонском концертном зале «Конститьюшн-холл», исполнила государственный гимн. В тот день перед собравшимися выступили все члены «Большой шестерки», за исключением Фармера, которого арестовали во время акции протеста в Луизиане.

Наиболее запомнившимся моментом стала речь Кинга. Многие считают ее лучшим публичным выступлением, с каким когда-либо выступил американец. В речи Кинга, получившей название «У меня есть мечта», использовались темы из Библии и таких канонических американских текстов, как Конституция, Декларация независимости и Геттисбергское обращение Авраама Линкольна. Кинг организовал свое выступление в стилистике и структуре проповеди, с какими он выступал на многих воскресных утренних богослужениях.

Речь началась с того, что дело борьбы за гражданские права было увязано с прежними обещаниями, которые остались невыполненными. По словам Кинга, изданная Линкольном Прокламация об освобождении казалась получившим свободу рабам «радостным рассветом, завершившим долгую ночь пленения». Но по прошествии ста лет, продолжал он, «негр... оказывается изгоем на своей собственной земле». Когда основатели страны писали Декларацию независимости и Конституцию, «они подписывали вексель, который предстояло унаследовать каждому американцу. Согласно этому

«Большая шестерка» заседает в Нью-Йорке, планируя марш на Вашингтон. Слева направо: Джон Льюис, Уитни Янг, Э. Филип Рэндолф, Мартин Лютер Кинг, Джеймс Фармер и Рой Уилкинс.

долговому обязательству всем людям, черным и белым в равной мере, гарантировались «неотъемлемые права» на «жизнь, свободу и стремление к счастью».

Америка, продолжал Кинг, оказалась не в состоянии выплатить по этому векселю, по крайней мере, то, что положено ее цветным гражданам.

Мы отказываемся верить, что банк справедливости обанкротился. Мы отказываемся верить, что в огромных хранилищах возможностей нашего государства недостает средств. И мы пришли, чтобы получить по этому чеку – чеку, по которому нам будут выданы сокровища свободы и гарантии справедливости.

«До тех пор пока негру не будут предоставлены его гражданские права, Америке не видать ни безмятежности, ни покоя», – предупредил Кинг. Вместе с тем, он отметил, что *в процессе завоевания принадлежащего нам по праву места мы не должны давать оснований для обвинений в неблагоприятных поступках. Давайте не будем стремиться утолить нашу жажду свободы, вкушая из чаши горечи и ненависти. Мы должны всегда вести нашу борьбу с благородных позиций достоинства и дисциплины. Мы не должны позволить, чтобы наш созидательный протест выродился в физическое насилие.*

Некоторые считают, что часть своего обращения, посвященную «мечте», Кинг произнес экспромтом. Во время выступления Кинга на сцене находилась прославленная певица

Махалия Джексон, исполнявшая музыку в стиле госпел, и во время речи она обратилась к нему со словами: «Расскажи им о мечте, Мартин». И он это сделал.

... и несмотря на трудности, с которыми мы сталкиваемся сегодня и столкнемся завтра, у меня есть мечта. Это мечта, глубоко укоренившаяся в Американской мечте.

У меня есть мечта, что настанет день, когда наша нация воспримет и доживет до истинного смысла своего девиза: «Мы считаем самоочевидной истину, что все люди созданы равными». У меня есть мечта, что на красных холмах Джорджи настанет день, когда сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут усесться вместе за столом братства.

У меня есть мечта, что настанет день, когда даже штат Миссисипи, пустынный штат, изнемогающий от накала несправедливости и угнетения, будет превращен в оазис свободы и справедливости.

У меня есть мечта, что настанет день, когда четверо моих детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету их кожи, а по их личным качествам.

У меня есть мечта сегодня!

Когда слова и изображения событий того дня разнеслись по стране и по всему миру, темпы реальных перемен ускорились. Но еще предстояли битвы, и до победы, хотя она постоянно приближалась, все равно оставалось далеко.

«У меня есть мечта сегодня!» – обратился Мартин Лютер Кинг к самой большой политической демонстрации, какую когда-либо видела страна. Для многих его выступление в 1963 году стало лучшей речью, когда-либо произнесенной американцем.

РОЗА ПАРКС

МАТЬ ДВИЖЕНИЯ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА

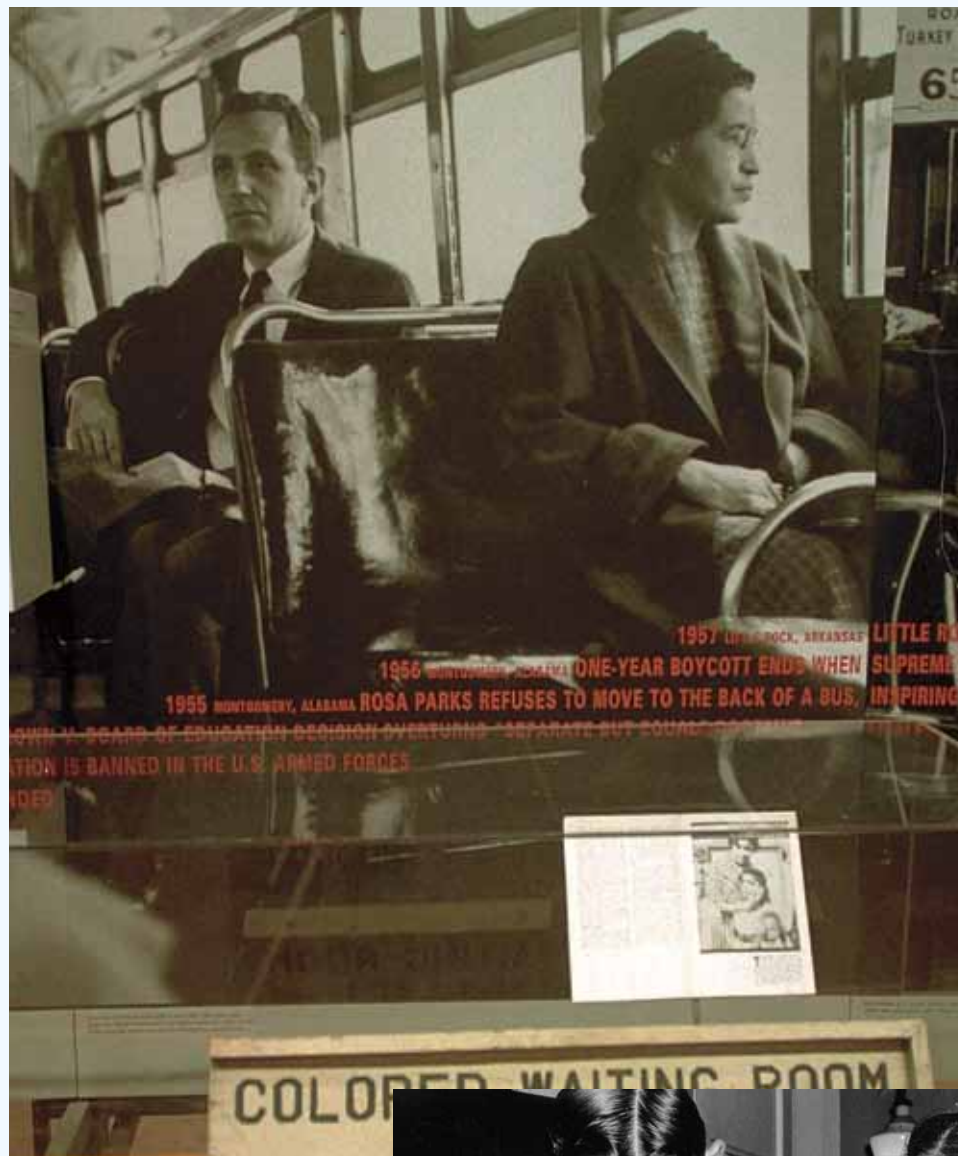
Роза Макколи Паркс известна сегодня как «мать движения за гражданские права», поскольку ее отказ уступить место в автобусе белому пассажиру привел к поворотному для этого движения автобусному бойкоту в Монтгомери, штат Алабама. Она не собиралась входить в историю, когда покидала вечером 1 декабря 1955 года свое рабочее место швеи и садилась в автобус. Она устала и просто хотела поехать домой. И все же, когда водитель автобуса попросил ее перейти в заднюю часть автобуса, чтобы белый мужчина мог сесть, она не смогла заставить себя это сделать.

«Я садилась в автобус не для того, чтобы меня арестовали, – рассказывала она позднее. – Я села в автобус, чтобы доехать домой».

Не зная, что ее поступок приведет в движение автобусный бойкот, который будет продолжаться 381 день, она знала точно одно: ее собственный личный автобусный бойкот начался в тот день.

«Я знала, что я больше никогда не поеду на сегрегированном автобусе».

Арест и краткое тюремное заключение Розы Паркс, женщины, которая пользовалась большим уважением среди чернокожих жителей, и последующий бойкот привели к решению Верховного суда, поставившему сегрегацию в городских автобусах вне закона. Благодаря бойкоту малоизвестный молодой священник по имени Мартин Лютер Кинг стал в видной фигурой в масштабах

Вверху: Роза Паркс сидит в передней части салона автобуса после того, как Верховный суд США признал неконституционной сегрегацию, которая преобладала в автобусной системе Монтгомери, штат Алабама. Отказ Паркс в декабре 1955 года уступить место белому мужчине вызвал в Монтгомери автобусный бойкот и положил начало делу борьбы Мартина Лютера Кинга за гражданские права. Справа: У Розы Паркс снимают отпечатки пальцев после ареста.

страны. Под его руководством бойкот стал образцом ненасильственного общественного протеста, который превратился в действенную стратегию движения за гражданские права.

На раннем этапе жизнь Розы Паркс оказалась под воздействием сил, подготовивших ее к спокойной общественной деятельности. Она родилась под именем Роза Луиз Макколи 4 февраля 1913 года в Таскиджи, штат Алабама. В детстве главным местом для нее стала маленькая церковь, где пастором был ее дядя. Там сформировались ее твердые религиозные убеждения и чувство расовой гордости. Позднее Паркс с гордостью рассказывала о том, что Африканская методистская епископальная церковь на протяжении поколений твердо отстаивала равноправие чернокожих.

Большое влияние на нее также оказали бабушка и особенно дедушка. В ответ на семейный страх перед агрессивным тайным расистским обществом, известным под названием «Ку-клукс-клан», он всегда держал поблизости заряженную двустволку. Хотя реальная возможность насилия со стороны «Ку-клукс-клана» среди ее ближайших родственников так и не осуществилась, дерзкая позиция дедушки помогла сформироваться личности девочки.

Когда Розе исполнилось 11 лет, ее отдали в школу для девочек в Монтгомери, где учились только чернокожие, а все учителя были белыми. В школе Паркс научилась «верить, что мы всего можем добиться в жизни». От учителей она также узнала, что не все белые расисты.

Именно там она познакомилась с Джонни Карр, и две девочки подружились на всю жизнь. Вот что рассказала Карр о детстве своей подруги: «Я была шумная и болтливая, а она была очень тихой и всегда держалась подалеже от неприятностей. Но чем бы Роза ни занималась, она все делала с полной отдачей». Но она была такой тихоней, что просто невозможно было поверить, что она дойдет до того, что ее арестуют».

Паркс хотела стать учительницей, но ей пришлось уйти из школы, чтобы ухаживать за больной матерью (позднее Роза все-таки получила диплом об окончании средней школы). Когда ей было 18, она влюбилась в парикмахера Раймонда Паркса, и позднее они поженились. В годы Второй мировой войны она работала на аэродроме Максвелл (ныне авиабаза Максвелл ВВС США) в Монтгомери, где не было расовой сегрегации. Позднее она объясняла свое негодование по поводу сегрегации в транспортной системе города Монтгомери контрастом с отсутствием дискриминации на транспорте военной базы, к которому она привыкла.

Роза Паркс в возрасте 84 лет показывает программу открытия Начальной школы имени Розы Паркс в Сан-Франциско, штат Калифорния.

После того как в 1956 году успешно завершился автобусный бойкот, Паркс продолжала борьбу за гражданские права. Несколько раз она присоединялась к Кингу, поддерживая его усилия. В следующем году Паркс переехала на север, в Детройт, штат Мичиган, где она работала в аппарате конгрессмена Джона Коньерса, который часто шутил, что к нему офис приходит больше людей, чтобы встретиться с его помощницей, нежели с ним самим.

В 1993 году Паркс была включена в Национальный женский зал славы. В 1996 году президент Клинтон вручил ей Медаль Свободы, а в 1999 году она была награждена Золотой медалью Конгресса. Совет христианского руководства Юга учредил ежегодную Премию свободы имени Розы Паркс.

После ее смерти 24 октября 2005 года Конгресс принял резолюцию о выставлении ее тела для прощания в ротонде Капитолия США. Она стала 31-м человеком, первой женщиной и всего вторым чернокожим человеком, которому была оказана такая честь с момента начала этой практики в 1852 году.

Роза Паркс всегда скромно оценивала свою роль в движении за гражданские права, приписывая высшим силам заслугу в ее решении не уступить места. «Мне повезло, что Бог придал мне силы, которые мне были нужны, именно в тот момент, когда созрели условия для перемен. Я ежедневно благодарю его за то, что он дал мне силы не сходить с места».

Кеннет Хейр

Ведущий редакционной страницы в газете «Монтгомери (Алабама) эдвертайзер» Хейр также является автором книги «Они шли к свободе в 1955–1956 годах: история автобусного бойкота в Монтгомери».

БОРЦЫ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА

СМЕРТЬ В МИССИСИПИ

Убийство борцов за гражданские права Джеймса Чейни, Эндрю Гудмана и Майкла Швернера в результате сговора полиции с «Ку-клукс-кланом» в штате Миссисипи 21 июня 1964 года стало одним из поворотных моментов движения за гражданские права. Поскольку двое из жертв были белыми – и следствие по расследованию их исчезновения находилось в тупике почти все лето 1964 года, – это дело прогремело на всю страну и привлекло внимание Федерального бюро расследований (ФБР) и мировой прессы к маленькому городку Филадельфия в штате Миссисипи, где исчезли эти молодые люди.

Штат Миссисипи исторически всегда был консервативным: белые в значительной степени контролировали чернокожее население, составлявшее большинство населения штата. С годами здесь сложилось прочное недоверие к чужакам и вообще к любому человеку, который угрожал «южному образу жизни», подразумевавшему сегрегацию и лишение чернокожих многих основных прав. Уже в 1961 году борцы за гражданские права целенаправленно проводили в Миссисипи мероприятия в поддержку расширения избирательных прав, поскольку в обстановке репрессий немногим чернокожим разрешалось голосовать. Однако работа по регистрации избирателей была трудной, добровольцы часто подвергались избиениям и арестам.

Опасаясь, что в остальных штатах США не вполне

понимают важность этих событий, движение за гражданские права задумало создать проект «Лето в Миссисипи», позднее известный под названием «Лето свободы». В рамках этого плана тысячи студентов северных колледжей, преимущественно белых, предстояло наводнить штат для участия в регистрации избирателей, своим присутствием привлекая внимание общественности к ситуации в штате. В связи с перспективой подобного «вторжения» сопротивление на местах усилилось, враждебно настроенные руководители штата поклялись противодействовать этому плану, возродился и «Ку-клукс-клан» – белый «комитет бдительности», исторически применявший такие методы как насилие и запугивание для сохранения региональных расовых обычаев.

В первый же день «Лета свободы», 21 июня, трое борцов за гражданские права – чернокожий местный житель Миссисипи Чейни, которому был 21 год, 20-летний студент нью-йоркского колледжа Гудман и социальный работник из Нижнего Ист-Сайда Нью-Йорка Швернер, который в 24 года уже был опытным активистом, – поехали в отдаленную негритянскую деревушку Лонгдейл, чтобы расследовать недавнюю вылазку «Ку-клукс-клана». Они уже бывали там ранее в надежде открыть курсы, чтобы научить чернокожих жителей регистрироваться для участия в голосовании.

Встретившись в Лонгдейле со своими знакомыми и

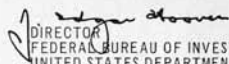
MISSING CALL FB

THE FBI IS SEEKING INFORMATION CONCERNING THE DISAPPEARANCE AT PHILADELPHIA, MISSISSIPPI, OF THESE THREE INDIVIDUALS ON JUNE 21, 1964. EXTENSIVE INVESTIGATION IS BEING CONDUCTED TO LOCATE GOODMAN, CHANEY, AND SCHWERNER, WHO ARE DESCRIBED AS FOLLOWS:

ANDREW GOODMAN	JAMES EARL CHANEY	MICHAEL HENRY SCHWERNER
		
RACE: White SEX: Male DOB: November 23, 1943 POB: New York City AGE: 20 years HEIGHT: 5'10" WEIGHT: 150 pounds HAIR: Dark brown; wavy EYES: Brown TEETH: Good SCARS AND MARKS: 1 inch cut scar 2 inches above left ear.	RACE: Negro SEX: Male DOB: May 30, 1943 POB: Meridian, Mississippi AGE: 21 years HEIGHT: 5'7" WEIGHT: 135 to 140 pounds HAIR: Black EYES: Brown TEETH: Good; none missing SCARS AND MARKS: 1 inch cut scar 2 inches above left ear.	RACE: White SEX: Male DOB: November 6, 1939 POB: New York City AGE: 24 years HEIGHT: 5'9" to 5'10" WEIGHT: 170 to 180 pounds HAIR: Brown EYES: Light blue SCARS AND MARKS: Pock mark center of forehead, slight scar on bridge of nose, appendectomy scar, broken leg scar.

SHOULD YOU HAVE OR IN THE FUTURE RECEIVE ANY INFORMATION CONCERNING THE WHEREABOUTS OF THESE INDIVIDUALS, YOU ARE REQUESTED TO NOTIFY ME OR THE NEAREST OFFICE OF THE FBI. TELEPHONE NUMBER IS LISTED BELOW.

↓

 DIRECTOR
 FEDERAL BUREAU OF INVESTIGATION
 UNITED STATES DEPARTMENT OF JUSTICE
 WASHINGTON, D. C. 20535
 TELEPHONE, NATIONAL 8-7117

June 29, 1964

В результате 44-дневных поисков в Миссисипи сотрудники ФБР обнаружили тела убитых борцов за гражданские права – Эндрю Гудмана, Джеймса Эрли Чейни и Майкла Генри Швернера.

осмотрев обугленные развалины церкви, которую подожгли «Ку-клукс-клан», молодые люди направились на запад в сторону окружного центра Филадельфии, и тут заместитель шерифа Сесил Рэй Прайс остановил их за превышение скорости. Он арестовал их и препроводил в тюрьму округа Нешоба. Хотя борцы за гражданские права

относились к местной полиции с естественным подозрением, они не сопротивлялись. Как и все активисты движения, они верили, что отказ от насилия и противостояния может привести к поставленной цели – расовому равенству. Они никак не могли знать, что Прайс участвовал в сговоре с «Ку-клукс-кланом», цель которого была

В 2005 году, через 41 год после смерти Гудмана, Чейни и Швернера, за их убийство был осужден Эдгар Рэй Киллен.

в том, чтобы продержать их в тюрьме до тех пор, пока не соберется толпа.

Позднее в тот вечер заместитель шерифа отпустил трех парней, которые немедленно вернулись в свою машину и отправились в путь к Меридиану, где они остановились. Это место находилось примерно в полчаса езды в южном направлении. На плохо освещенной сельской трассе их стала преследовать целая колонна машин «Ку-клукс-клана», в том числе автомобиль, который принадлежал заместителю шерифа Прайсу. Загнав их в глухое место поблизости, члены «Ку-клукс-клана» вытащили своих жертв из автомобиля, расстреляли их в упор и спрятали тела в земляной плотине, строившейся на соседней молочной ферме.

В течение 44 дней велись поиски, в ходе которых направленные президентом Линдоном Джонсоном агенты ФБР обыскали весь штат. Все лето во всем в мире читали репортажи об этой

тайне, а должностные лица штата Миссисипи отказывались даже расследовать дело, настаивая на том, что исчезновение этих людей, скорее всего, было инсценировкой. Когда 4 августа сотрудники ФБР, наконец, обнаружили тела борцов за гражданские права, по всей стране поднялась волна негодования с требованием поймать и наказать тех, кто совершил чудовищное преступление.

В американской системе правосудия уголовное преследование за убийства обычно осуществляется по законам штата, в судах штата, где было совершено преступление. Когда штат Миссисипи отказался предъявлять обвинения в убийстве, федеральное правительство стало искать другие возможности. Начиная с 1940-х годов, Вашингтон безуспешно пытался проводить судебные разбирательства в отношении линчующей толпы южан, пользуясь старым – эпохи Реконструкции – законодательством по правам человека. Эти по-

пытки ни разу не увенчались успехом, но Министерство юстиции США решило попробовать еще раз. В начале декабря 1964 года ФБР был арестован 21 подозреваемый по данному делу. Среди арестованных оказались местные члены «Ку-клукс-клана» и несколько полицейских, в том числе шериф округа Нешоба и его заместители. Им были предъявлены обвинения в преступном сговоре с целью нарушения гражданских прав трех активистов. Представителям прокуратуры пришлось регулярно обращаться в Верховный суд США за разъяснением законов и обоснованием их применения для данного дела. Но в 1967 году суд присяжных, состоявший из жителей Миссисипи, вынес знаменательный вердикт, признав семерых подсудимых виновными. Федеральный суд приговорил их к лишению свободы на срок до 10 лет.

Убийство Чейни, Гудмана и Швернера сыграло определяющую роль в преодолении упорного сопротивления «Крепости Миссисипи». Несмотря на жалобы некоторых активистов движения за гражданские права, которые говорят, что только гибель белых граждан заставила страну, наконец, обратить все внимание на Миссисипи, мощная реакция по всей стране способствовала искоренению порочных форм расовой дискриминации в этом штате раз и навсегда. Сегодня чернокожие жители Миссисипи активно голосуют, заседают в законодательном собрании штата и представляют свой штат в Конгрессе США.

В десятилетия, последовавшие после 1964 года, многие жители Миссисипи стали испытывать стыд за позицию своего штата в эпоху борьбы за гражданские права. Стали раздаваться призывы разобрататься с неправильным отношением штата к делу Гудмана, Чейни и Швернера. 21 июня 2005 года, ровно через 41 год после исчезновения трех молодых людей, суд штата Миссисипи вынес обвинительный приговор члену «Ку-клукс-клана» Эдгару Рэю Киллену, который организовал убийство и в течение длительного времени избегал ответственности за совершенное им преступление. Все американцы единодушно приветствовали это событие как символическое торжество справедливости и частичное решение по преступлению, которое много лет назад потрясло страну.

Филип Дрей

Автор книги «Люди с Капитолия: эпическая история Реконструкции в судьбах первых чернокожих конгрессменов». В соавторстве с Сетом Кейджином Дрей написал книгу «Мы не боимся: история Гудмана, Швернера и Чейни и кампания за гражданские права в штате Миссисипи».

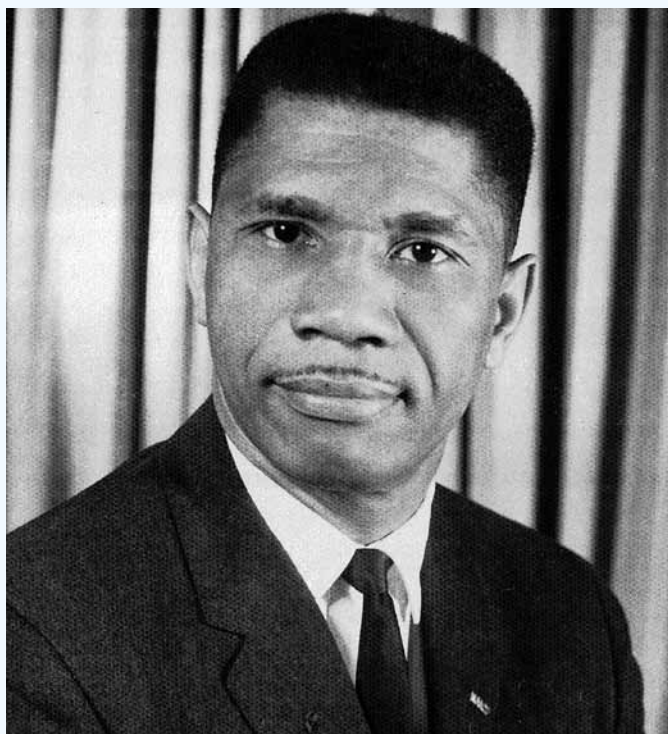
МЕДГАР ЭВЕРС

МУЧЕНИК ДВИЖЕНИЯ В ШТАТЕ МИССИСИПИ

Медгар Эверс, возглавлявший в штате Миссисипи отделение Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, был динамичным лидером, жизнь которого трагически оборвалась в 1963 году. Его гибель в возрасте 36 лет стала потерей для движения за гражданские права, но она стимулировала дальнейшие акции протеста и привлекла к его делу сочувственное внимание со стороны федерального правительства.

В годы Второй мировой войны Эверс, родившийся в сельской местности штата Миссисипи, служил в Вооруженных силах США в Европе. Вернувшись на родину, Эверс поступил в колледж Элкорна (историческое высшее учебное заведение для чернокожих студентов, которое находится неподалеку от Лормана, штат Миссисипи), где успешно учился и занимался спортом. Там он познакомился со своей будущей женой Мерли, и в 1951 году они поженились.

Эверс оказался под покровительством врача и бизнесмена Т. Р. М. Хауарда, который основал страховое агентство и медицинскую клинику в дельте Миссисипи. Хауард также учредил в штате Миссисипи Региональный совет негритянского лидерства – борющуюся за гражданские права организацию, которая применяла подход «сверху вниз», побуждая ведущих афроамериканских специалистов и священнослужителей пропагандировать концепции нравственного самоусовершенствования, частного предпринимательства и, в

Медгар Эверс в 1963 году. Позднее в этом же году он будет убит.

конечном счете, защиты гражданских прав чернокожего населения в целом.

Эверс твердо решил добиться того, чтобы свободы, за которые он сражался на другом континенте, окрепли и у него на родине. Вскоре он стал одним из самых влиятельных активистов в Региональном совете Миссисипи. Подобно своему наставнику, он сочетал предпринимательскую деятельность с кампанией за гражданские права, работая коммерческим представителем принадлежавшей Хауарду компании страхования жизни «Магнолия» и организуя местные отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Одновременно с этим он возглавлял бойкоты заправочных станций, где чернокожих не пускали в туалеты («Не покупай бензин там, где

не можешь воспользоваться туалетом», – гласила одна из наклеек на бамперах).

В 1954 году Эверс попытался оспорить систему сегрегации, подав заявление о зачислении на юридический факультет Университета штата Миссисипи, где учились только белые. Эверса не приняли, но его попытка произвела большое впечатление в Фонде правовой защиты при Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, и впоследствии его назначили первым секретарем отделения этой организации в штате Миссисипи. Это опасное поручение ему пришлось выполнять в одиночку.

«Как это смешно ни прозвучит, но я люблю Юг, – сказал однажды Эверс. – Я нигде больше не хотел бы жить. Здесь есть земля, на которой можно выращивать

скот, и когда-нибудь я собираюсь этим заняться. Есть озера, где можно забросить удочку и поймать окуня. Здесь есть место, где мои дети могут играть, расти и становиться добропорядочными гражданами – если белые люди им позволят».

Однако в то время сотрудничество с белыми казалось весьма маловероятным. Два самых позорных случая линчевания в Соединенных Штатах в те годы произошли именно в Миссисипи – убийство 14-летнего Эмметта Тилла в 1955 году и линчевание Мака Чарльза Паркера в Попларвилле в 1959 году. Эверс участвовал в расследовании убийства Тилла, которое имело огромный резонанс по всей стране. Несмотря на наличие убедительных доказательств вины подсудимых, суду присяжных в составе только белых мужчин понадобилось всего 67 минут на то, чтобы их оправдать. Один из присяжных позднее утверждал, что коллегия присяжных взяла «перерыв с прохладительными напитками», стремясь растянуть прения на более длительный срок, чтобы «соблюсти приличия». В мае 2004 года Министерство юстиции США назвало судебный процесс 1955 года «пародией на правосудие», возобновив расследование убийства. Но поскольку многие свидетели давно умерли, а доказательства плохо сохранились, большое жюри отказалось вынести обвинительный приговор последнему остававшемуся в живых подозреваемому.

В штате Миссисипи отрицательно отреагировали на вынесенное Верховным судом

Мерли Эверс выступает на митинге в университете Хауарда после убийства ее мужа Медгара Эверса. Мерли Эверс стала видным деятелем движения за гражданские права и впоследствии работала председателем Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения.

в 1954 году решение по делу «Браун против Комитета по образованию» и на его постановление об отмене сегрегации в муниципальных школах страны. Местные белые группы, известные под названием «Советы граждан», поклялись любой ценой сопротивляться интеграции. Эверс помогал некоторым афроамериканцам поступить в Университет штата Миссисипи, в который его когда-то отказались принимать из-за цвета кожи. В 1962 году ветеран ВВС Джеймс Мередит был принят в Университет штата Миссисипи по прямому распоряжению судьи Верховного суда США Хьюго Блэка. Администрация штата не хотела подчиняться этому распоряжению, и Мередит смог приступить к занятиям лишь после длившихся всю ночь беспорядков, в ходе которых погибли два человека, а сотни получили ранения.

В то время как действия в поддержку Мередита усилили ненависть к Эверсу со стороны приверженцев сегрегации, он продолжал организацию бойкотов, сидячих забастовок и акций протеста в Джексоне – крупнейшем городе штата Миссисипи. Масштабы усилий

Эверса порой вызвали беспокойство даже в Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Весной 1963 года, когда Мартин Лютер Кинг проводил шумевшую кампанию за гражданские права в Бирмингеме, штат Алабама, Эверс активизировал движение в Джексоне, штат Миссисипи. Он требовал, чтобы чернокожих принимали на работу в полицию, чтобы был создан комитет, в составе которого будут работать и белые, и афроамериканцы, он настаивал на отмене сегрегации в кафе и использовании вежливых форм обращения к чернокожим покупателям (мистер, миссис, мисс) в магазинах в центре города.

Реакция города была злой. На поле, где проводились сельскохозяйственные ярмарки штата Миссисипи, рабочие соорудили ограждение, способное вместить тысячи демонстрантов. Это был прямой намек для тех, кто планировал акции протеста. Но Эверс и его сторонники не дрогнули и продолжили борьбу. Местные чернокожие жители, в том числе дети, приняли участия в последующих митингах и бойкотах

магазинов, проводя марши и пополняя ряды пикетчиков. Эти демонстрации стали кульминацией многолетней работы Эверса в области гражданских прав. Напряженность достигла наивысшей точки, когда Эверс выступил по местному телевидению, объяснив цели своего движения. Белые не привыкли видеть афроамериканцев по телевизору, особенно, тех, которые приводили доводы в защиту собственного дела, многие зрители возмущались.

Вскоре на Эверса были совершены покушения: в его гараж бросили бомбу, а его самого чуть не переехала машина. Вечером 12 июня 1963 года, возвращаясь домой, он попал в засаду и был застрелен в момент выхода из автомобиля. Он умер у крыльца собственного дома.

Убийство столь популярного лидера разгневало чернокожих горожан. В течение нескольких дней в центре Джексона происходили многочисленные столкновения с полицией. Даже белое руководство города было потрясено смертью Эверса: хотя он и был агитатором, к нему, по крайней мере, привыкли. Отцы города сделали необычную уступку, разрешив безмолвный марш в его честь, поскольку со всей страны прибывали лидеры движения за гражданские права, чтобы отдать ему дань памяти. Он был похоронен на Арлингтонском национальном кладбище в Вашингтоне со всеми воинскими почестями. Брат Медгара Чарльз частично взял на себя его обязанности по организации кампании в Джексоне, а его вдова Мерли стала известной активисткой и впоследствии, с 1995 по 1998 год, работала председателем Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения.

Так уж сложилась судьба Эверса, что его имя оказалось связанным с одним из самых затянувшихся судебных разбирательств эпохи борьбы за гражданские права. Его убийца, белый расист по имени Байрон Де Ла Беквит, потомок старинного рода, живущего в Миссисипи, в 1960-е годы дважды предстал перед судом, но оба раза белые присяжные оправдали его. И лишь в 1994 году, ровно через три десятилетия после того, как Эверс повел жителей Миссисипи в крестовый поход против фанатизма и нетерпимости, Беквит был осужден и приговорен к пожизненному заключению. В 2001 году он умер в тюрьме.

В конечном счете, Эверс одержал победу, даже после своей смерти. В год его убийства всего 28 000 чернокожих жителей Миссисипи успешно зарегистрировались в качестве избирателей. К 1971 году эта цифра превысила четверть миллиона, а к 1982 году достигла полумиллиона. К 2006 году в штате Миссисипи было наибольшее число чернокожих среди выборных должностных лиц в стране, в том числе четверть его делегации штата в Палате представителей США и примерно 27 процентов состава законодательного собрания штата.

Филип Дрей

Автор книги «Люди с Капитолия: эпическая история Реконструкции в судьбах первых чернокожих конгрессменов». В соавторстве с Сетом Кейджином Дрей написал книгу «Мы не боимся: история Гудмана, Швернера и Чейни и кампания за гражданские права в штате Миссисипи».

«Так продолжаться не может»:

УСТАНОВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО РАВЕНСТВА

Движение за гражданские права под руководством Мартина Лютера Kinga и других стало незаменимым катализатором принятия двух беспрецедентно важных законов. Закон 1964 года о гражданских правах и Закон 1965 года об избирательных правах, наконец, твердо установили юридическое равенство афроамериканцев. Они были приняты отчасти благодаря структурным преобразованиям в американской политике, в том числе неожиданному возвышению сильного президента-южанина, выступающего за гражданские права, который помог преодолеть силы, блокировавшие прежние законы о гражданских правах. Прежде всего, поддержка этих новых законов исходила от крепнущей социальной базы перемен – миллионов американцев, которых приводили в ужас действия сторонников сегрегации на Юге.

Смена политики

С тех пор, как Реконструкция после Гражданской войны не смогла обеспечить гражданские права чернокожих на американском Юге, всякий раз предпринимавшиеся на уровне

Сверху вниз: преподобный Хозиа Уильямс выступает в 1965 году на митинге за регистрацию избирателей в Сельме, штат Алабама.

1966 год: после вступления в силу Закона об избирательных правах афроамериканские жители Алабамы выстраиваются в очередь на регистрацию в качестве избирателей.

страны попытки покончить с «Джимом Кроу» блокировались двумя существенными препятствиями – системой политических партий и нормами Конгресса США. Когда в результате Мексиканской войны 1846–1848 годов Соединенные Штаты приобрели огромные территории, которые могли стать рабочими владельческими (в том числе Калифорнию и значительную часть нынешнего американского Юго-запада), политические партии страны стали все чаще формулировать свои позиции в отношении отдельных частей страны. Демократы отдавали предпочтение Югу и расширению рабства, а виги и позднее республиканцы отдавали предпочтение Северу, выступая против распространения рабства на вновь приобретенных территориях и считая его отмену лишь вопросом времени. Виги и республиканцы в ту эпоху высказывались за жесткое применение федеральной власти для содействия экономическому развитию. Южане и демократы, опасаясь противодействия рабству на федеральном уровне, выступали за верховенство отдельных штатов при надлежащем ограничении федерального правительства лишь теми полномочиями, которыми его конкретно наделяет Конституция. Эта концепция «прав штатов» глубоко укоренилась в американской истории. Однако в начале 19-го века ее осложнили проблемы рабства, сегрегации и гражданских прав.

Подобная тенденция сохранилась и после Гражданской войны. Как уже было отмечено, после окончания войны радикальные республиканцы настояли на Реконструкции, которая должна была обеспечить права афроамериканцев. После Реконструкции «Партия Линкольна» – республиканцы – продолжала пользоваться поддержкой у большинства чернокожих. Демократическая партия тем временем превратилась в альянс южан, выступавших за сегрегацию, и жителей северных городов, зачастую иммигрантов и промышленных рабочих. С наступлением 20-го века северное крыло партии стало в политическом отношении более либеральным, а при экономической политике «Нового курса» президента Франклина Рузвельта стало выступать за более широкие полномочия федерального правительства. Либеральные северные демократы часто роптали против южного расизма, но их партия не могла соперничать в масштабах страны без поддержки со стороны «крепкого Юга».

Еще одной значительной преградой на пути к законодательству о гражданских правах были правила Сената США. Хотя для принятия законопроекта требовалось лишь простое большинство голосов, любой сенатор мог заблокировать голосование, отказываясь прекращать свое выступление в ходе сенатских дебатов и не соглашаясь покинуть трибуну. В этот момент большинство из двух третей сенаторов могло проголосовать за прекращение прений. Таким образом, на практике ни один важный закон не мог быть принят в Сенате, не опираясь на поддержку двух третей его членов. Это означало, что сенаторы с Юга, избранные в штатах, где чернокожие были лишены права голоса, могли блокировать законопроекты о гражданских правах.

Выступавшие против гражданских прав обструкционисты, как стали называть сенаторов, произносивших эти длинные речи, на протяжении многих лет задерживали принятие целого ряда законопроектов. В 1946 году длившиеся неделями прения

не позволили принять законопроект, который пользовался поддержкой большинства и предусматривал отмену дискриминации на рабочих местах. В 1957 году сенатор Стром Термонд (в то время сенатор-демократ от Южной Каролины) выступал в течение 24 часов 18 минут, безуспешно пытаясь заблокировать мягкий Закон 1957 года о гражданских правах.

Но постепенно созвездие политических сил перемещалось, и эти сдвиги в итоге оказались полезными для движения за гражданские права. Голоса чернокожих избирателей, по крайней мере, на Севере, обрели больший вес. На протяжении значительной части истории страны подавляющее большинство негритянского населения проживало на Юге. В первой половине 20-го века многие афроамериканцы начали перебираться с Юга в Чикаго и другие северные города. По имеющимся оценкам, в период «Великой миграции» на север устремились 6 миллионов чернокожих. Север не был свободен от расовых предрассудков, но там негритянские избиратели могли голосовать и становились все более привлекательным объектом для амбиций честолюбивых политиков.

В 1960 году кандидат в президенты от Демократической партии, сенатор Джон Кеннеди был твердо настроен увеличить свою долю голосов среди афроамериканских избирателей, которые исторически поддерживали республиканцев. Когда после сидячей забастовки в Атланте Мартин Лютер Кинг попал в тюрьму, Кеннеди позвонил жене Кинга Коретте Скотт Кинг, чтобы выразить сочувствие, а его брат, будущий министр юстиции Роберт Кеннеди, тем временем добивался освобождения Кинга. Выйдя на свободу под залог, Кинг признал, что он «в большом долгу перед сенатором Кеннеди и его семьей». Кеннеди набрал около 70 процентов голосов афроамериканцев в упорной борьбе на общих выборах и опередил вице-президента Ричарда Никсона, баллотировавшегося от Республиканской партии, менее чем на 1 процент голосов.

Хотя историки расходятся в оценке достижений администрации Кеннеди в области гражданских прав, следует отметить, что она добилась большего, чем ее предшественники в 20-м веке, несмотря на то, что это казалось недостаточным активистам движения за гражданские права. Джон и Роберт Кеннеди неоднократно призывали Кинга не оказывать слишком большого давления. Но если Кинг не останавливался на достигнутом, братья Кеннеди обычно следовали за ним.

Как описывалось ранее, президент Кеннеди после событий в Бирмингеме внес всеобъемлющие законопроекты о гражданских правах. После убийства Кеннеди в ноябре 1963 года ответственность за это законодательство легла на его вице-президента и преемника Линдона Джонсона.

Линдон Бейнс Джонсон

Новый президент обладал двумя огромными достоинствами – исключительно сильной личностью и знанием процедур и персоналий Конгресса США, которое было, пожалуй, беспрецедентным в американской истории. С 1954 по 1960 год Джонсон проработал, по словам его биографа Роберта Даллека, «самым эффективным лидером большинства в истории Сената». К владению зачастую негласными правилами и традициями Сената добавлялись особенности Джонсона,

которые можно назвать большой силой личного убеждения. «Он шел, буквально как приливная волна, – говорил вице-президент Джонсона Роберт Хэмфри. – Он проходил сквозь стены. ... Он брал на себя весь зал».

Историк Дорис Кернс Гудвин, работавшая в Белом доме при Джонсоне, вспоминала об умении Джонсона направлять всю свою энергию на то, чтобы добиться необходимого голосования от какого-нибудь упрямого сенатора. Она называла это «обработкой». Биограф Кинга Маршалл Фрейди характеризовал это как

... жесткую манеру убеждения, которое продолжалось в форме некоего постепенного физического поглощения: одна гигантская рука ложилась коллеге на плечо, а другая хватала его за лацкан, затем затягивала узел на галстуке сенатора, затем подталкивала и похлопывала его по груди и запускала указательный палец в его рубашку. Джонсон опускал лицо все ближе и ближе к лицу собеседника, усиливая увещевание до тех пор, пока человек не согнется скобкой.

Джонсон родился в бедной семье в Техасе и очень хорошо понимал, в каких условиях трудятся афроамериканцы и американцы мексиканского происхождения. Поскольку он был конгрессменом, а затем сенатором от южного штата, реалии избирательных кампаний обязывали его приглушать свои прогрессивные взгляды на гражданские права и расовое равенство. Но неожиданно став президентом, Джонсон в полной мере задействовал свои политические навыки для того, чтобы добиться принятия знаменательных законов о гражданских правах.

Новый президент сказал Ричарду Расселу, влиятельному сенатору из Джорджии, чье противодействие законодательству о гражданских правах создавало серьезную преграду: «Я не буду заниматься крючкотворством и идти на компромиссы. Я добьюсь принятия этого закона именно в таком виде, Дик, и если ты встанешь на моем пути, я тебя раздавлю. Просто хочу, чтобы ты это знал, потому что я к тебе хорошо отношусь».

Закон 1964 года о гражданских правах

На протяжении почти целого столетия многим штатам удавалось уклоняться от очевидного требования 14-й поправки к Конституции США:

Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; равно как ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона.

Судебные решения, в том числе по делу «Браун против Комитета по образованию» и многим другим делам, выигранным Тергудом Маршаллом и Национальной ассоциацией содействия прогрессу цветного населения, наконец, установили положение, при котором органы власти, даже в штатах на Глубоком Юге, не могли подвергать дискриминации ни афроамериканцев, ни кого-либо еще. Активисты движения за гражданские права, подобные участникам рейсов свободы, рисковали жизнью, но, по крайней мере, не было сомнений в том, что закон на их стороне и что те, кто совершает на них нападения, являются нарушителями закона.

Но владельцы кинотеатра или кафе при универмаге не были государственными организациями. В результате движение за гражданские права было обязано вести битвы в отдельно взятых городах и заведениях. Хотя смелый отказ Розы Паркс перейти в заднюю часть автобуса привел к отмене сегрегации в общественном транспорте в Монтгомери, штат Алабама, для того, чтобы полностью ликвидировать сегрегацию на Юге нужны были сотни или даже тысячи людей, подобных Розе Паркс и Мартину Лютеру Кингу.

Стало очевидным, что нужен закон, запрещающий акты частной дискриминации в общественных местах. Принятие подобного закона означало резкое расширение полномочий федеральной власти. Американская Конституция поясняет, на что распространяются полномочия федерального правительства, а поправки, принятые после Гражданской войны, определяют это и в отношении властей штатов. В Конституции ничего не говорится о кафе в универмаге «Вулворт».

В итоге сторонники будущего Закона 1964 года о гражданских правах стали утверждать (а суды впоследствии согласились), что Конгресс обладает правом запретить дискриминацию в сфере занятости, в общественных местах и в других областях повседневной жизни. Они указывали на конституционную норму (статья I, раздел 8), предписывающую Конгрессу «регулировать торговлю... между отдельными штатами». К середине 20-го века почти каждая экономическая сделка, если присмотреться к ней достаточно внимательно, предполагала в той или иной форме торговлю между штатами. В 1969 году, например, Верховный суд в своем решении по делу «Дэниел против Пола» отклонил дискриминационное утверждение «развлекательного клуба» о том, что отсутствие коммерческой деятельности между штатами освобождает его от действия Закона о гражданских правах. Как установил суд, закусочная отпускала гамбургеры и горячие сосиски на булочках, а «основные ингредиенты, входящие в хлеб, производились и перерабатывались в других штатах».

Внесение президентом Джонсоном Закона 1964 года о гражданских правах спровоцировало одно из самых острых политических противостояний в стране. Закон победил, потому что почти вся страна пристально глядела в глаза Булла Коннора, и ей не нравилось то, что она видела. Но для принятия закона потребовалось также все огромное мастерство Джонсона. Было понятно, что большинство республиканцев и северных демократов поддержит законопроект, но Джонсону нужно было организовать большинство из двух третей голосов в Сенате, чтобы преодолеть неизбежное затягивание дебатов южными демократами.

8 января 1964 года в своем первом обращении «О положении страны» Джонсон призвал Конгресс «позволить нынешней сессии... стать известной как сессия, которая сделала для гражданских прав больше, чем последние сто сессий вместе взятых». В последующие месяцы Конгресс интенсивно выяснял факты и вел дебаты по законопроекту. Палата представителей более 70 дней проводила публичные слушания, в ходе которых около 275 свидетелей дали показания на 6000 страниц. В конце этого процесса палата приняла законопроект 290 голосами против 130.

«Так продолжаться не может...» Президент Линдон Джонсон подписывает Закон 1964 года о гражданских правах в присутствии лидеров Конгресса и министра юстиции Роберта Кеннеди (на заднем плане, непосредственно за Джонсоном).

Прения в Сенате растянулись на 57 дней, и в это время Сенат практически не занимался никакими другими делами. Пока продолжались речи (один сенатор вышел на трибуну с речью, занимавшей 1500 страниц), президент Джонсон подверг своей «обработке» многих сенаторов, а разнообразные профсоюзные, религиозные и правозащитные группы лоббировали в поддержку прекращения прений и окончательного голосования. Наконец, 10 июня 1964 года Сенат 71 голосом против 29 постановил прекратить дебаты. Впервые процедура прекращения прений была успешно применена по вопросу, относящемуся к гражданским правам. Неделю спустя Сенат принял свою версию закона о гражданских правах. 2 июля 1964 года Палата представителей согласилась с редакцией Сената, направив законопроект в Белый дом.

В тот же вечер в ходе телевизионного обращения к стране президент Джонсон поставил свою подпись под этим документом. «Американцы всех рас и цветов кожи погибли в бою, чтобы защитить нашу свободу», – заявил он стране. Далее президент сказал:

- *Американцы всех рас и цветов кожи трудились, чтобы построить страну расширяющихся возможностей. Теперь наше поколение американцев призвано продолжить непрекращающийся поиск справедливости в наших пределах.*
- *Мы верим, что все люди созданы равными. И все же многим отказывают в равном обращении.*

- *Мы верим, что все люди наделены определенными неотъемлемыми правами. И все же многие американцы не обладают этими правами.*
- *Мы верим, что все люди вправе пользоваться дарами свободы. И все же миллионы лишены этих даров – не в силу их собственных неудач, а вследствие цвета их кожи.*
- *Причины глубоко укоренены в истории, традициях и человеческой природе. Мы можем понять – без злобы и ненависти, – как все это произошло.*
- *Но так продолжаться не может. Наша Конституция, основа нашей Республики, запрещает это. ... Цель закона проста. Он не ограничивает свободу какого-либо американца, коль скоро он соблюдает права других.*
- *Он не предусматривает особого обращения с каким-либо гражданином.*
- *Он гласит, что единственным ограничением надежды человека на счастье и на будущее его детей должны быть его собственные способности.*
- *Он гласит, что те, кто равны перед Богом, теперь будут равны и в кабинетах для голосования, в классах, на заводах... Мои сограждане, сейчас для нас настало время испытаний. Нам нельзя потерпеть неудачу.*

Сверху по часовой стрелке: «Мы преодолеем». Только что зарегистрированный избиратель в Сельме, штат Алабама, август 1965 года.

Участники марша за гражданские права приближаются к Монтгомери, штат Алабама, на четвертый день марша Сельма-Монтгомери. К этой акции подключились американцы со всей страны. Четыре демонстранта на переднем плане приехали (слева направо) из Нью-Йорка (первые двое), Мичигана и Сельмы, штат Алабама.

Март 1965 года: федеральный маршал зачитывает судебный приказ, запрещающий проведение запланированного марша протеста по поводу регистрации избирателей в Сельме, штат Алабама. Справа Мартин Лютер Кинг, слева, со скрещенными руками, Эндрю Янг, будущий посол в ООН и мэр Атланты, штат Джорджия.

– Давайте перекроем источники расового яда. Давайте молиться за мудрые и понимающие сердца. Давайте отложим в сторону не относящиеся к делу разногласия и сделаем нашу нацию единой. Давайте приблизим тот день, когда наша неизмеримая сила и наш безграничный дух будут свободны.

Положения закона

После двух столетий рабства, сегрегации, правового неравенства и нанесенного этим экономического ущерба Закон 1964 года о гражданских правах предоставил федеральному правительству и частным лицам юридические полномочия, необходимые для прямого противодействия расовой и гендерной (закон также запрещает дискриминацию по гендерному признаку) дискриминации.

Эти полномочия изложены в широких положениях, называемых «статьями». Вот основные пункты закона:

- Статья I, отменившая неравное применение требований к регистрации избирателей.
- Статья II, запретившая дискриминацию в общественных местах. Статья предоставила гражданам право предъявлять судебные иски для получения судебного постановления (приказа, предписывающего кому-либо делать или не делать что-либо), и разрешившая министру юстиции США вмешиваться в рассмотрение исков, которые, по его мнению, имеют «большое значение для широкой общественности».

Статья III, предоставившая министру юстиции США право подавать иски при условии, что данное дело будет «существенно способствовать организованному продвижению отмены сегрегации в общественных местах», в тех случаях, когда пострадавшее лицо не имеет возможности самостоятельно вести такой иск.

- Статья IV, предоставившая министру юстиции право подавать иски о принудительной десеграции муниципальных школ. Это положение было направлено на ускорение прогресса, который в десятилетие после дела «Браун против Комитета по образованию» был недостаточно быстрым.
- Статья VI, распространившая положения закона на «любые программы или мероприятия, получающие федеральную финансовую помощь». Она предоставила федеральному правительству право отказывать в финансировании любой такой программы, которая практиковала дискриминацию.
- Статья VII, запретившая дискриминацию в сфере занятости любому предприятию с численностью сотрудников более 25 человек. Она учредила Комиссию по равным возможностям при трудоустройстве для рассмотрения жалоб на дискриминацию при наборе, найме, оплате труда и повышении в должности.

Закон 1965 года об избирательных правах: история вопроса

Судебные решения и законодательные акты о гражданских правах сыграли решающую роль в установлении, защите и обеспечении гражданских прав афроамериканцев. Однако самой верной гарантией постоянства этих прав было наделение афроамериканцев политическими полномочиями, чтобы они могли стать полноправными участниками демократического процесса. Таким образом, право на участие в голосовании было, вероятно, самым фундаментальным из гражданских прав, но афроамериканцы на Юге практически не пользовались им с момента краха Реконструкции.

Если вспомнить историю, то после ухода северных армий с Юга в 1877 году представители белой южной элиты стали вновь навязывать свое политическое господство. В этих целях подавление избирательных прав афроамериканцев имело ключевое значение и достигалось различными способами. Поначалу излюбленным инструментом было грубое насилие. Постепенно сложились и другие формы отстранения негритянских избирателей от процесса голосования.

Одной из них был «избирательный налог». Этот специальный налог взимался в равном размере с каждого жителя. Считалось, что граждане, которые его не платят, не имеют права голосовать. В период с 1889 по 1910 год избирательный налог был введен во многих южных штатах. При тогдашних масштабах бедности среди афроамериканского населения этот налог лишал права голоса большое количество чернокожих избирателей, равно как и малоимущих белых. 24-я поправка к Конституции США (1964 года) запретила отказывать гражданам в праве голосовать на выборах федеральных должностных лиц за неуплату избирательного налога. Еще через два года Верховный суд своим решением распространил этот запрет на выборы в штатах и в местные органы власти.

При регистрации избирателей применялось также «требование грамотности». Весьма субъективные устные и письменные экзамены почти всегда с особой строгостью проводились среди афроамериканских заявителей. Некоторые штаты даже не разрешали заявителю сдавать экзамены, если за него не поручится другой уже зарегистрированный избиратель. Многие чернокожие вообще не имели возможности сдавать экзамены, поскольку в списках избирателей на Юге было очень мало афроамериканцев, а среди белых южан лишь немногие рисковали подвергнуться общественному ostrакизму или еще худшим последствиям поручительства за чернокожего избирателя. Условия приема экзаменов зачастую были вопиюще необъективными. Заявителя могли попросить написать отрывок из Конституции под диктовку окружного регистратора, который диктовал белым заявителям отчетливо, а черным – неразборчиво.

Организаторы выборов на Юге не гнушались никакой тактикой, чтобы не позволить чернокожим заявителям получить право голоса. В Алабаме, например, решение о том, сдал ли заявитель экзамен, держалось в тайне, а обжаловать его было невозможно. Не удивительно, что, по меньшей мере, одна регистрационная комиссия в Алабаме утверждала каждого белого заявителя и ни одного чернокожего.

Какая бы тактика ни применялась, на заднем плане всегда маячила угроза насилия. Организаторы выборов могли публиковать в местных газетах имена чернокожих, подавших заявки на регистрацию в качестве избирателей. Это привлекало внимание местных «Советов граждан» и отделений «Ку-клукс-клана» к чернокожим, которых надо было «убедить» забрать свои заявления.

На этом фоне силового запугивания активисты из Студенческого координационного комитета ненасильственных действий и Конгресса расового равенства, среди прочих, организовали в 1961 году кампании по регистрации избирателей в сельских и преимущественно афроамериканских районах Глубокого Юга. Эта работа требовала невероятного мужества. Незабываемое объяснение дала одна из первых добровольцев, работница плантации Фанни Лу Хеймер: «Наверное, если бы я действительно понимала, что мне грозит, я бы испугалась – но к чему было бояться? Единственное, что они (белые люди) могли сделать, это убить меня, а сколько я себя помню, мне всегда казалось, что они постепенно этого добиваются».

В 1964 году Конференция южного христианского руководства, Конгресс расового равенства, Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения и Студенческий координационный комитет ненасильственных действий организовали «Лето свободы». Более 1000 белых северян, главным образом студентов, вызвались отправиться в штат Миссисипи и помогать чернокожим избирателям регистрироваться. Предполагалось, что их присутствие также привлечет внимание страны к насильственному попранию прав чернокожих избирателей.

21 июня, в самый первый день «Лета свободы», добровольцы добились своей цели, но трагической ценой. Три борца за гражданские права, афроамериканец Джеймс Чейни и два белых американца еврейского происхождения, Майкл Швернер и Эндрю Гудман, были объявлены пропавшими без вести, а позднее найдены убитыми. Их убийство заставило американцев вплотную заняться смежными проблемами избирательных прав и насилия. Хотя смелые добровольцы убедили примерно 17 000 столь же храбрых афроамериканцев заполнить заявки на регистрацию в качестве избирателей, организаторы выборов в итоге приняли менее 10 процентов этих заявок. Все больше и больше американцев понимало, что чернокожие составляют почти половину населения штата Миссисипи, но на их долю приходится всего 5 процентов зарегистрированных избирателей.

Кровавое воскресенье в Сельме

В следующем году организации, боровшиеся за гражданские права, начали регистрационную кампанию в Сельме, штат Алабама, небольшом городке, расположенном примерно в 50 милях к западу от города Монтгомери. В Сельме проживало около 15 000 афроамериканцев, но лишь 350 из них смогли зарегистрироваться как избиратели. В феврале 1965 года на митинге за избирательные права в соседнем Марионе полиция застрелила чернокожего юношу по имени Джимми Ли Джексон.

В ответ на это 7 марта активисты организовали марш из Сельмы в административный центр штата Монтгомери. На

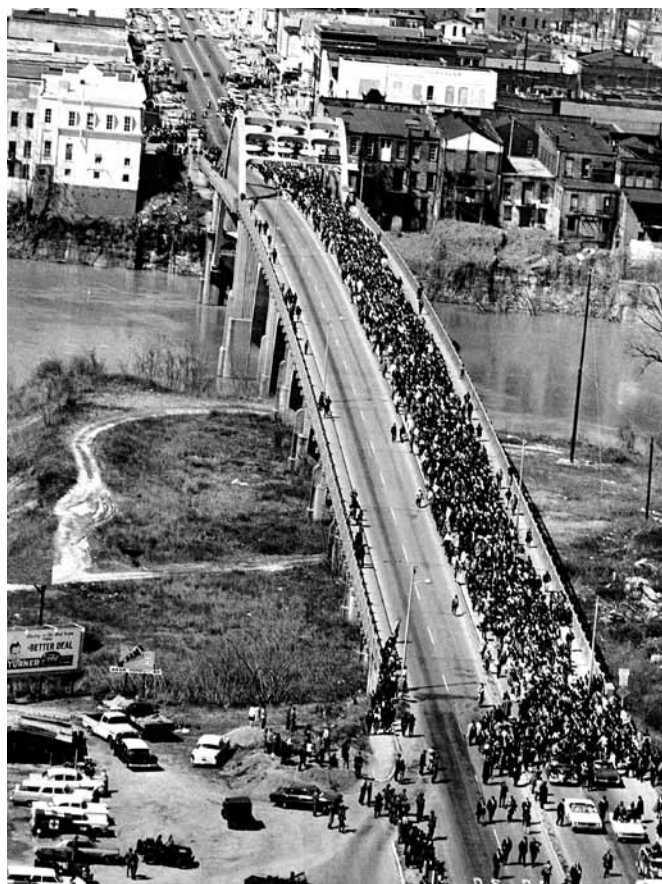

«Кровавое воскресенье» в Сельме, штат Алабама, 7 марта 1965 года. Первый марш Сельма-Монтгомери за гражданские права был подавлен быстро и основательно. «Мне показалось, что я умираю», – рассказывал будущий член Палаты представителей США Джон Льюис.

мосту им. Эдмунда Петтуса через реку Алабама 525 участников марша (во главе с Джоном Льюисом из Студенческого координационного комитета ненасильственных действий и помощником Мартина Лютера Kinga преподобным Хозиа Уильямсом) поджидали сотрудники правоохранительных органов и местные полицейские штата Алабама, которые своевременно запаслись противогАЗами и полицейскими дубинками. Майор полиции Джон Клауд приказал демонстрантам вернуться в свою церковь. Преподобный Уильямс спросил: «Мы можем поговорить с майором?» «Мне не о чем с вами говорить», – последовал ответ.

Как сообщала газета «Нью-Йорк таймс», марш был подавлен «быстро и основательно». В газете описывался живой клин патрульных и рассказывалось о том, как «10 или 20 негров повалили на землю, слышались выкрики, мелькали руки и ноги». В присутствии журналистов, которые фиксировали происходящее для потрясенной аудитории всей страны, патрульные применили слезоточивый газ. Сотрудники местных правоохранительных органов преследовали отступающих демонстрантов с кнутами и дубинками. «Патрульный ударил меня по голове дубинкой... Мне показалось, что я умираю», – рассказал Льюис, госпитализированный с контузией.

Для миллионов американцев день 7 марта 1965 года стал «Кровавым воскресеньем». Член Палаты представителей США Джеймс О'Хара из Мичигана назвал события этого дня «варварской акцией в стиле патрульных штата под

21 марта 1965 года демонстранты пересекли мост им. Эдмунда Петтуса через реку Алабаму, начав третий марш Сельма-Монтгомери.

руководством безрассудного демагога (намекая на губернатора Алабамы Джорджа Уоллеса)».

В Атланте Мартин Лютер Кинг объявил, что он и Ралф Эбернати во вторник возглавят второй марш Сельма-Монтгомери. Он призвал «религиозных лидеров со всей страны присоединиться к нашему мирному, ненасильственному маршу за свободу». Однако прежде чем это произошло, федеральный судья, который вовсе не был враждебно настроен по отношению к активистам, захотел провести слушания до принятия решения о марше и издал судебный приказ с временным запретом на его проведение.

Кинг подвергался сильному политическому давлению со всех сторон. Федеральные чиновники предлагали ему отложить марш. Поскольку судебный запрет оставался в силе, проведение марша должно было поставить Кинга и его последователей вне закона. Тем временем, молодые активисты, многие из которых были связаны со Студенческим координационным комитетом ненасильственных действий, настаивали на повышении активности. Кинг рисковал потерять свое место во главе движения, если бы он не смог отреагировать на их требования.

9 марта Кинг и Эбернати повели за собой около 3000 мирных демонстрантов – своих чернокожих последователей, к которым присоединились сотни белых религиозных лидеров, – во второй марш Сельма-Монтгомери. Патруль штата вновь встретил их на мосту им. Эдмунда Петтуса. Манифестанты остановились, запев гимн движения: «Мы преодолеем». Потом группа совершила молитву, а Эбернати возблагодарил Бога за демонстрантов, которые «пришли, чтобы принести свои тела в живую жертву». Затем Кинг велел своим последователям повернуть назад. «Будучи противником насилия, я не мог вовлечь людей в ситуацию, чреватую насилием», – заявил он газете «Вашингтон пост».

Решение Кинга разочаровало некоторых наиболее рьяных активистов. Но Кинг успел втайне посоветоваться с федеральными должностными лицами. События «Кровавого воскресенья» также оказали давление на президента Джонсона, который и без того сочувствовал движению. Слишком многим американцам, наконец, стало ясно, что дальше так продолжаться не может. Со стороны религиозных групп и законодательных собраний штатов, молодых демонстрантов и членов Конгресса раздавались требования о принятии решений на федеральном уровне. Два лидера, по-видимому, заключили негласную договоренность: Кинг не будет нарушать запрет, а администрация Джонсона без лишнего шума предложит в ближайшее время его отменить.

15 марта Джонсон внес законопроект, которому предстояло стать Законом об избирательных правах. Обращаясь в тот вечер к стране, президент Джонсон использовал самые ясные формулировки в поддержку главной американской ценности – избирательного права:

- Нет негритянской проблемы. Нет проблемы Юга. Нет проблемы Севера. Есть только американская проблема.
- И мы, американцы, призваны сегодня... решить эту проблему.
- Конституция гласит, что ни одному человеку не должны препятствовать в голосовании из-за его расовой принадлежности или цвета кожи. Все мы дали клятву Богу, что будем поддерживать и защищать эту Конституцию.

«Мы пришли после трех столетий страданий и невзгод». Участники марша прибывают в Монтгомери.

- Теперь мы должны действовать в соответствии с этой клятвой. ...
- Здесь нет конституционной проблемы. Требования Конституции ясны. Нет моральной проблемы. Неправильно, совершенно неправильно лишать кого-либо из ваших соотечественников, американцев, права голосовать в этой стране. Не стоит вопрос о правах штатов или о правах страны. Есть только борьба за права человека...
- То, что произошло в Сельме, является частью гораздо более широкого движения, проникающего в каждый район и штат Америки. Это – стремление американских негров обеспечить себе все блага жизни в Америке.
- Их дело должно быть и нашим делом, потому что не только негры, но и все мы должны преодолеть уродливое наследие фанатизма и несправедливости. И мы преодолеем.

Два дня спустя федеральный суд отменил запрет на проведение марша. Далее окружной судья Фрэнк Джонсон распорядился, чтобы власти штата и округа не только не вмешивались, но и принимали особые меры по защите активистов. «Закон ясно гласит, – писал судья, – что право обращаться к своему правительству с ходатайством о возмещении ущерба может осуществляться большими группами, и эти права могут осуществляться с помощью маршей, даже по государственным трассам».

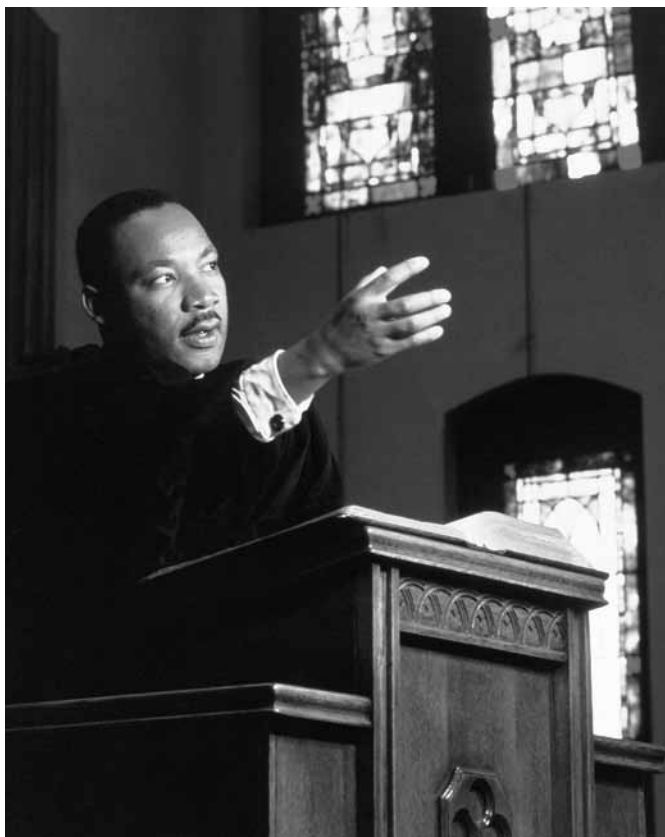
Марш Сельма-Монтгомери

К 21 марта тысячи американцев с самым разным общественным положением начали собираться в Сельме для участия в третьем марше Сельма-Монтгомери. Манифестанты собирались пройти весь 87-километровый путь в течение пяти дней, останавливаясь на ночлег под открытым небом. Путь, который они прошли, сегодня стал Национальным историческим маршрутом.

При поддержке администрации Джонсона и пробудившего американского народа поражало отличие этого марша от предыдущих попыток. Всего за две недели до этого майор патруля штата Алабама Джон Клауд отдал приказ избивать участников марша и травить их газом. Теперь он был обязан занять головную машину, сопровождавшую демонстрантов через мост им. Эдмунда Петтуса. Поблизости находилась федеральная военная полиция, готовая обеспечить охрану, а подразделения Национальной гвардии Алабамы были временно отданы в распоряжение федеральных сил. Когда более 3000 участников марша вышли на первый отрезок своего пути, Эбернати сказал им: «Добравшись до Монтгомери, мы подойдем к двери губернатора Уоллеса и скажем: «Джордж, все кончено. Теперь мы можем голосовать».

«Идите вместе, дети, – учил Кинг, – идите неустанно, и этот путь приведет нас к земле обетованной».

Газета «Нью-Йорк таймс» так описывала толпу, вышедшую на 80-ю автомагистраль США:

«Долго ли еще? Недолго. Потому что никакая ложь не может жить вечно», – заявил Мартин Лютер Кинг в конце марша Сельма-Монтгомери. На снимке: Кинг читает проповедь в Баптистской церкви Эбенезера в Атланте, штат Джорджия.

Среди участников марша были лидеры движения за гражданские права и равнины, симпатичные студентки и бородатые представители левого крыла студенчества, кинозвезды и младенцы в колясках. Было двое слепых и человек без ноги. Но больше всего было негров, которые считали, что им слишком долго отказывали в избирательных правах.

В первый день участники марша проделали чуть больше 11 километров, затем разбили два больших шатра и ночевали в спальнях мешках и одеялах. На следующее утро Кинг объявил: «С удовольствием сообщаю, что я впервые в жизни спал в спальном мешке. Чувствую себя прекрасно». Однако на второй день у многих появились волдыри и солнечные ожоги.

Поскольку в сельской местности трасса сужалась, федеральный суд постановил, что до тех пор, пока в окрестностях Монтгомери дорога вновь не расширится, в марше могут участвовать только 300 человек. Но с ними решило идти немало «запасных», даже на третий день, в который шел проливной дождь. Манифестанты ответили погоде песнями, выбрав такие, как «Никому не позволю сбить меня с пути» и «Мы преодолеем».

Кинг ненадолго покинул марш, чтобы выступить с давно запланированным обращением в Кливленде, штат Огайо. Там Кинг заявил, что он в долгу перед Махатмой Ганди, чей знаменитый марш к морю предвосхитил путь из Сельмы в Монтгомери. «Перед нами стоит задача объединить мир узами братства, – заявил Кинг. – Мы должны научиться жить вместе как братья, иначе мы исчезнем, как глупцы».

Когда участники марша приблизились к Монтгомери, толпа разрослась до более 25 000 человек. Люди прибывали на чартерных самолетах, автобусах и по железной дороге. Для участия в заключительном отрезке марша приехала делегация ведущих американских историков. Они выступили с заявлением: «Мы считаем, что давно пора заняться вопросами, ради окончательного решения которых велась Гражданская война». Певец и активист движения за гражданские права Гарри Белфонте привлек звездный состав голливудских артистов.

25 марта во главе с Мартином Лютером Кингом активисты вошли в Монтгомери. Они прошли маршем по Декстер-авеню, выбрав путь, который сто лет назад проделали участники инаугурационного парада Джефферсона Дэвиса, первого и единственного президента Конфедеративных Штатов Америки, предполагаемого государства, отстаивавшего рабство, из-за чего и вспыхнула Гражданская война. Теперь, сто лет спустя, потомки чернокожих рабов пришли к законодательному собранию штата, чтобы добиться прав, которые давно должны были им принадлежать и в которых им долгое время отказывали. Их петиция гласила:

Мы прошли не только пять дней и 50 миль (80 километров) – мы пришли сюда после пяти столетий страданий и невзгод. Мы пришли к вам, губернатор Алабамы, чтобы объявить, что мы должны получить нашу свободу СЕЙЧАС. Мы должны иметь право голосовать, мы должны пользоваться равной защитой закона и покончить с жестокостью полиции.

Губернатор Уоллес скрылся. Но это уже не имело значения. Кинг произнес в тот день одну из своих самых знаменитых речей, в которой процитировал слова 70-летней участницы автобусного бойкота в Монтгомери. Когда ее спросили

однажды, не предпочла ли бы она ездить, а не ходить пешком, матушка Поллард ответила: «Мои ноги устали, но моя душа спокойна».

По словам Кинга, только что закончившийся марш стал «блестящим моментом в человеческой совести». Кинг отметил почетное и вдохновляющее «паломничество священнослужителей и мирян любой расовой принадлежности и веры, которые хлынули в Сельму, чтобы противостоять опасности на стороне негров, готовых к борьбе». «Настало время для этой идеи, – продолжал Кинг, – и даже выдвижение мощных армий не сможет нас остановить. Мы движемся к свободной стране».

- Мы должны осознать, что целью, к которой мы стремимся, является общество, способное примириться с собой и жить по совести. Этот день не будет днем белого человека или чернокожего человека. Он станет днем человека как такового.
- Знаю, сегодня вы спрашиваете: «Сколько же на это потребуется времени?» Сегодня я говорю вам: каким бы трудным ни был момент, каким бы разочаровывающим ни был час, ждать осталось недолго, потому что правда, прибитая к земле, поднимется вновь.
- Долго ли еще? Недолго, потому что никакая ложь не может жить вечно.
- Долго ли еще? Недолго, ибо что посеешь, то и пожнешь.
- Долго ли еще? Недолго. Потому что рука нравственной вселенной длинная, но она склоняется к справедливости.

Принятие Закона об избирательных правах

Через пять месяцев Конгресс принял, а президент Джонсон подписал Закон 1965 года об избирательных правах. Незадолго до полудня 6 августа 1965 года Джонсон выехал в здание Капитолия США. Его ждали лидеры Конгресса и движения за гражданские права, в том числе Мартин Лютер Кинг и Джон Льюис. Подписывая закон, Джонсон обратился к стране:

Главная особенность американской цивилизации... в том, что свобода, справедливость и человеческое достоинство для нас не просто слова. Мы в них верим. Несмотря на бурное развитие событий, нынешнюю сумятицу, шум и блеск, мы не теряем нашу веру в свободу и справедливость. Но пока среди нас есть угнетенные, и мы причастны к этому гнету, наша вера притупляется, ослабевает импульс нашего стремления к достижению высокой цели.

Таким образом, мы добились победы не только во имя свободы американских негров, но и во имя свободы всей страны. И каждая семья в этой великой стране, которая все еще продолжает свой поиск, будет жить свободнее, с верой в светлое будущее, гордясь тем, что они живут в Америке, благодаря закону, который вы приняли и который я сегодня подпишу.

Сфера действия закона

15-я поправка уже запрещала расовую дискриминацию в области избирательных прав, поэтому проблема была не в том, что афроамериканцы не имели юридического права на участие в голосовании. Она заключалась в том, что ряд должностных лиц в штатах и на местах систематически лишали чернокожих этих прав. Соответственно, Закон об избирательных правах предписывал федеральному правительству взять под контроль процесс регистрации избирателей в любом штате или избирательном округе, в котором в 1964 году применялся тест на грамотность или другой отборочный тест. Кроме того, федеральное правительство должно было контролировать штаты и округа, в которых регистрировалось или голосовало менее половины жителей в возрасте, дающем право на участие в голосовании. Таким образом, действие закона распространялось на шесть южных штатов, а также на ряд округов в других штатах. Этим административным единицам запрещалось вносить изменения в правила и нормы голосования без предварительного утверждения федеральными должностными лицами, которые должны были подтвердить отсутствие попыток дискриминации. Другие положения запрещали использовать тесты на грамотности в будущем и предписывали министру юстиции США возбуждать судебные иски для отмены избирательных налогов при проведении выборов в штатах. (24-я поправка к Конституции США, утвержденная в январе 1964 года, уже запрещала избирательный налог на выборах федеральных должностных лиц.)

Появление федеральных «инспекторов» положило конец массовому запугиванию потенциальных избирателей из числа представителей меньшинств. Результаты были поразительными. К концу 1965 года только в пяти штатах Глубокого Юга было зарегистрировано 160 000 новых афроамериканских избирателей. К 2000 году по показателям регистрации избирателей афроамериканцы отставали от белых всего на 2 процента. На Юге, где в 1965 году лишь два афроамериканца работали в Конгрессе США или в законодательном собрании штата, сегодня их число составляет 160.

Первоначально Закон об избирательных правах был введен в действие сроком на пять лет, но затем этот срок продлевался, а в закон вносились новые требования – такие, как предоставление предвыборных материалов на двух языках.

В 1982 году президент Рональд Рейган подписал документ о продлении срока действия закона на 25 лет. «Право на участие в голосовании является жемчужиной в короне американских свобод, – заявил он, – и мы не дадим его блеску померкнуть». В 2006 году президент Джордж Буш подписал закон о еще одном продлении на 25 лет.

РЕАКЦИЯ БЕЛЫХ ЮЖАН НА ДВИЖЕНИЕ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА

Афроамериканцы, которые вели грандиозную битву за гражданские права, также изменили мировоззрение белых южан. Некоторые белые положительно восприняли перспективу новых межрасовых отношений в стране. Однако многие реагировали враждебно. Их пугали общественно-политические перемены, становилось неуютно от того, что привычный образ жизни, похоже, уходит навсегда.

«Южный образ жизни» охватывал особое сочетание экономических, социальных и культурных проявлений, символами которого были ароматные магнолии, неторопливый жизненный темп и сладкий мятный джулеп – популярный алкогольный напиток. Он также подразумевал определенный расовый строй, при котором белым принадлежала власть, а чернокожие приспособлялись. Века рабства и десятилетия сегрегации закрепили правовую и политическую систему, которая характеризовалась господством белых. К 20-му веку термин «Джим Кроу» стал широко использоваться для обозначения узаконенной сегрегации. (Под этим именем в 19-м веке был известен персонаж шоу, в котором белые гримировались под чернокожих и в карикатурном виде изображали культуру рабства.) Массовое неравенство внедрилось во все аспекты повседневной жизни. Чернокожие всегда называли белых «мистер» или «миссис», хотя белые редко удостоивали афроамериканцев столь вежливого обра-

щения. Чернокожие работали в домах белых южан нянями, поварами, прислужой и садовниками. Белые рассчитывали на их покорность, сопротивление чернокожих казалось невыносимым.

За долгие годы рабства и сегрегации белые южане создали и усвоили в отношении афроамериканцев жестокие стереотипы: что они грязны и ленивы, неразумны и сексуально озабочены. Чернокожие становились либо клоунами, либо дикарями, середины не было. Белые часто определяли себя – свой статус, личность, повседневную жизнь и чувство собственного достоинства – относительно этих надуманных представлений об афроамериканцах. Если чернокожие были покорными и инфантильными, то белые – сильными и преисполненными достоинства. Черный цвет кожи подразумевал вырождение, быть свободным означало быть белым. Борьба за гражданские права грозила возвышением афроамериканцев и их уходом с того «места» в обществе, которое создали им белые. Белым южанам предстояло видеть чернокожих в своих школах и соседних домах, своих ресторанах и на избирательных участках. Многие белые опасались такой перспективы для Юга.

Многие белые южане пришли к убежденности в том, что афроамериканцы смирились с ролью граждан второго сорта, и она им даже нравится. Когда в 1950-е и 1960-е годы движение за гражданские права охватило весь Юг, оно вскрыло

Демонстранты протестуют против интеграции муниципальной начальной школы в Новом Орлеане, штат Луизиана, в 1960 году.

несостоятельность подобных убеждений. Наконец-то афроамериканцы выразили недовольство и потребовали достойного обращения. Черный мятеж столь остро противоречил представлениям белых, что многие не верили собственным глазам. И когда местные организаторы возглавили массовое движение за равенство чернокожих, белые начали оказывать сопротивление.

В 1954 году решение Верховного суда США по делу «Браун против Комитета по образованию» привело к ситуации, когда первыми полями сражений стали южные школы. Суд постановил, что в условиях сегрегации школы обрекают чернокожих детей на «клеймо неполноценности» и что южные штаты должны как можно скорее

провести интеграцию в своих школах.

Южные политики выступили против постановления суда. Играя на скрытой расовой боязни белых жителей и проявляя явное неуважение к федеральному правительству, такие сенаторы, как Гарри Берд из Вирджинии, утверждали, что суд превысил свои полномочия. Белые южане пытались обойти судебное решение и при любой возможности спланировали протесты против отмены сегрегации. Местные руководители и бизнесмены объединялись в «Советы граждан» – группы, которые подвергали экономическим санкциям любых чернокожих или белых, осмеливавшихся выступать за интеграцию.

В 1957 году федеральный суд распорядился провести интеграцию в муниципальных школах Литл-Рока, штат Арканзас. Девять чернокожих были отобраны для зачисления в Центральную среднюю школу Литл-Рока, но губернатор Орвал Фобус задержал школьников у входа. После некоторых колебаний президент Дуайт Эйзенхауэр задействовал боевую группу 101-й воздушно-десантной дивизии Сухопутных войск США, которая обеспечила исполнение судебного приказа, сопровождая «девятку из Литл-Рока» на занятия в школу. Когда несколько афроамериканских подростков, наконец, вошли в Центральную школу, их встретила разъяренная толпа. Родители белых школьников выкрикивали насмешки над новыми учениками и охранявшими их

федеральными маршалами. Разгневанные белые южане были недовольны сценой, которая, по их мнению, должна была исчезнуть вместе с Реконструкцией: федеральные силы защищают гражданские права чернокожих на Юге.

Похожее столкновение произошло и в Новом Орлеане, когда в этом городе впервые на Глубоком Юге отменили сегрегацию. В ноябре 1960 года четыре афроамериканских девочки поступили в начальную школу Франца в Девятом районе. Этот район был одним из самых бедных в городе. Белые южане не только были недовольны организованными действиями чернокожего населения и активностью федерального правительства, но и ощущали глубокий классовый раскол. Белые жители Девятого рай-

она считали, что богатые и влиятельные горожане навязывали интеграцию им, и только им. По всему региону малоимущие белые жители взваливали «бремя» интеграции на свои плечи. Если высшие классы сохраняли за собой островки социального спокойствия – например, загородные клубы, частные школы и эксклюзивные пригороды, то белые из менее обеспеченных семей столкнулись с тем, что их муниципальные школы, плавательные бассейны и микрорайоны первыми ощущали последствия отмены сегрегации.

Миллионы белых южан обрели себе защитников в лице таких политиков, как губернатор Алабамы Джордж Уоллес, который искусно манипулировал глубоко укоренившимися настроениями против гражданских прав. В 1963 году Уоллес в своем инаугурационном обращении заявил: «Сегрегация сегодня, сегрегация завтра, сегрегация навсегда». Он стал олицетворением белого сопротивления. Члены «Ку-клукс-клана» – агрессивной организации, которая была движима расизмом, антисемитизмом и нейтивизмом, упорствовали в подобном заблуждении, считая, что кровопролитие отсрочит день расового равенства. В 1963 году в Бирмингеме, штат Алабама, члены «Ку-клукс-клана» взорвали баптистскую церковь для чернокожих и убили четырех девочек. В следующем году их единомышленники в Филадельфии, штат Миссисипи, убили трех борцов за гражданские права и зарыли их останки в земляной дамбе.

Вопиющее насилие шокировало многих белых южан, и на белом Юге начался раскол. Однако большинство граждан по-прежнему стремились к одному – возврату к ностальгическим дням, когда чернокожие снимали шапки перед белыми и покорно мирились с той ролью, которая отводилась им в условиях расовой сегрегации.

Экстремизм на одной стороне часто приводил к победе на другой. Зверства «Ку-клукс-клана» пробудили совесть белой Америки и, в конечном счете, приблизили страну к принятию исторического законодательства о гражданских правах – Закона 1964 года о гражданских правах и Закона 1965 года об избирательных правах. Когда президент Линдон Джонсон, сам коренной техасец и южанин, добился принятия этих законов в Конгрессе, многие из белых южан сочли это предательством.

Закон о гражданских правах обеспечил интеграцию на предприятиях и в общественных местах. Внезапно белым пришлось обслуживать чернокожих в своих магазинах и ужинать рядом с ними в ресторанах. Подобные перемены сбили ритм повседневной жизни белых южан. Многие белые отвергали «Билль о нарушениях гражданских прав», утверждая, что такие федеральные законы являются посягательством на их собственные права. Они цеплялись за тезис о том, что гражданские права носят ограниченный характер и что предоставление прав чернокожим приведет к ущемлению прав

Члены «Ку-клукс-клана», часто одетые в капюшоны, выступали за превосходство белой расы и применяли такие средства как террор, насилие и линчевание против афроамериканцев, евреев, католиков и других меньшинств.

белого населения. Белые считали, что на шатких качелях расовых отношений на Юге они взлетают вверх, когда афроамериканцы опускаются вниз.

Во всех районах с негритянским большинством Закон об избирательных правах наделял американцев потрясающими новыми возможностями. В этих оплотах старого рабовладельческого Юга, где доля белых в населении не превышала и четверти, чернокожие голосовали за своих кандидатов на политические должности. В нескольких сельских районах, таких как округи Мейкон и Грин в штате Алабама, афроамериканцы внезапно обрели политическую власть. До принятия законов о гражданских правах лишь немногие белые могли себе

представить подобные преобразования. К 1970-м годам немыслимая прежде ситуация стала политической реальностью.

Движение за гражданские права навсегда изменило повседневную жизнь белых южан, перевернуло их традиционное отношение к чернокожим, а в некоторых городах сместило баланс политических сил. Оно избавило афроамериканцев от показной покорности и наделило их новым чувством собственного достоинства. Многим белым южанам жизнь казалась неузнаваемой. Столкнувшись с реальностью, какую они едва могли себе представить, некоторые белые мстили, применяя любое оружие, которое было в их распоряжении. Другие пытались избежать потрясе-

ний; они старались сохранить тот образ жизни, которым дорожили, хотя у них земля горела под ногами. В итоге уклониться оказалось невозможно. Хотя белые противодействовали движению за гражданские права, применяя разнообразные стратегии сопротивления, мало кто избежал его воздействия.

В итоге движение за гражданские права преобразило Юг и всю страну. Поскольку оно изменило жизнь и умы южан, некоторые белые ощутили, что их освободили – от обязанности унижать и подавлять, от той роли, которую они брали на себя в ограничительной расовой иерархии. Однако и в 21-м веке расовое неравенство продолжает осложнять жизнь в Америке. Чернокожие американцы по-прежнему непропорци-

онально обездолжены, чаще подвергаются тюремному заключению и не получают достаточного образования. И все же многие призраки Джима Кроу на Юге исчезли. После движения за гражданские права афроамериканцы смогли ходить в единые для всех школы, баллотироваться и избираться на политические должности, жить достойной жизнью, которая отвергала культуру расовой дискриминации. Эти перемены также проникли в жизнь белых южан и стали по-новому определять ее контуры. Движение за гражданские права подтолкнуло южан, в равной степени чернокожих и белых, дальше по пути к расовому равенству.

Джейсон Сокол

Сокол, работающий в университете штата Пенсильвания по стипендии Меллона для исследователей с докторской степенью, также является автором книги «Все мое уходит: белые южане в эпоху гражданских прав».

Завтрак в муниципальной школе, открытой для учеников любой расовой принадлежности.

21 марта 1965 году, когда поборники гражданских прав и их сторонники собрались в Сельме, местный лидер Конференции христианского руководства Юга предупредил журналистов, что «безответственность» более воинственно настроенных активистов может нанести движению огромный вред. Преподобный Джефферсон Роджерс имел в виду Студенческий координационный комитет ненасильственных действий, руководство которого проявляло все большее нетерпение в связи со стратегией постепенного прогресса, выдвигаемой Мартином Лютером Кингом и основным ядром движения за гражданские права. Почти каждое широкое общественное движение сталкивается с подобными конфликтами, но последующие годы и десятилетия подтвердили му-

дрость стратегии, которую проводили в жизнь Тергуд Маршалл, Кинг и другие. Великие триумфы движения за гражданские права доказали, что в правовом государстве ключевое значение для прогресса имеет установление реального юридического равенства афроамериканцев — в общественных местах, учебных заведениях и, прежде всего, на избирательных участках.

Однако эта истина еще не была очевидной. К маю 1966 году Стокли Кармайкл, ветеран многочисленных кампаний по регистрации избирателей, зарекомендовал себя как новый руководитель Студенческого координационного комитета ненасильственных действий. Выступая в Гринвуде, штат Миссисипи, Кармайкл выдвинул лозунг «Власть черным». В то время как Тергуд Маршалл и Мартин Лютер Кинг стремились

к интеграции, Кармайкл добивался разделения. Интеграцию он считал «хитроумной уловкой для сохранения превосходства белых». Между тем, партия «Черная пантера» (по некоторым сведениям, ее название произошло от наглядной эмблемы для неграмотных избирателей, которая использовалась в кампаниях регистрации избирателей Алабамы), основанная в Окленде, штат Калифорния, в октябре 1966 года активистами Хьюи Ньютоном и Бобби Силом, использовала своих вооруженных членов — «пантер» — для преследования полицейских, которые, по их мнению, несправедливо наказывали чернокожих. Хотя эта партия некоторое время пользовалась определенной популярностью, особенно благодаря своим программам социальных услуг, вооруженные столкновения с местной

Сейчас как никогда в истории нашей страны все мы — американцы.

полицией, которые привели к гибели или тюремному заключению видных «пантер», настроили многих американцев против их силовых методов и раскололи движение «Черная пантера». Она постепенно сошла со сцены в хитросплетениях фракционной борьбы и взаимных нападок.

1968 год во многих странах Запада стал годом политической смуты. В Соединенных Штатах в этом году был убит сенатор Роберт Кеннеди, который в свое время на посту министра юстиции оказывал своевременную помощь активистам движения за гражданские права. Закончилась и блестящая карьера Кинга.

Об успехах движения за гражданские права в обеспечении юридического равенства в какой-то мере свидетельствовал тот факт,

что последние годы своей жизни Кинг посвятил борьбе за экономическое равенство. 3 апреля 1968 года он выступил в Мемфисе, штат Теннесси, в поддержку бастующих работников системы водоснабжения и канализации, большинство из которых были чернокожими. В своем последнем обращении Кинг уделил большое внимание Библии, которую он изучал всю жизнь. Его слова оказались пророческими:

Не знаю, что грядет; впереди у нас трудные дни. Но дело сейчас вовсе не во мне, потому что я уже побывал на вершине горы. И я не роищу. Как любой, я хотел бы прожить долгую жизнь – у долговечности есть свое место. Но сейчас меня это не волнует. Я просто хочу исполнить волю Бога. Он позволил мне подняться на гору. И я посмотрел вдаль, и увидел Землю Обетованную. Может быть, я не попаду туда с вами. Но хочу, чтобы в этот вечер вы знали, что наш народ придет на Землю Обетованную. Поэтому сегодня я счастлив, не тревожусь ни о чем, никого не боюсь. Мои глаза узрели славу пришествия Господнего.

Уже на следующий день жизнь Кинга оборвала пуля убийцы. Правозащитнику было всего 39 лет. Медицинская экспертиза показала, что он умер с сердцем шестидесятилетнего человека, потому что Кинг так долго нес бремя такого количества людей. На его похороны пришло около 300 000 американцев.

Убийство Мартина Лютера Кинга привело к беспорядкам в Вашингтоне и в более чем в 100 других американских городах. В тот момент недальновидные или слабовольные люди могли поставить под сомнение дело всей жизни Кинга. Но земля обетованная, о которой говорил Кинг, во многих отношениях была гораздо ближе, чем казалось в те бурные апрельские ночи 1968 года.

Триумфы движения за гражданские права

Исторический опыт афроамериканцев всегда будет уникальным. Но конкретное обеспечение избирательных прав на федеральном уровне наделило чернокожих американцев инструментами, которые иммигранты и другие меньшинства давно применяют для осуществления и обретения Американской мечты. В Соединенных Штатах реальная политическая власть принадлежит изби-

Важное место в Американской мечте издавна занимает собственный дом. Слева: через 42 года после того, как ее подругу Денис Макнэр убили расисты, Кондолиза Райс вступила в должность государственного секретаря США.

рателям. Благодаря голосованию и с течением времени правовое и политическое равенство афроамериканцев принесли достижения почти во всех сферах жизни.

Джон Льюис, например, был одним из участников рейсов свободы, которого в 1961 году избил до крови разъяренная толпа в Монтгомери. Сегодня он представляет 5-й округ штата Джорджия в Палате представителей США. Почти 50 его коллег являются афроамериканцами, и некоторые из них обладают большой политической властью, будучи председателями влиятельных комитетов Конгресса.

В 1963 году Денис Макнэр оказалась одной из девочек, погибших, когда сторонники расистского «комитета бдительности» устроили взрыв в

Избранный президент Барак Обама выступает перед своими многочисленными сторонниками в Чикаго в ночь своей победы на президентских выборах.

В момент, когда эта книга поступает в печать, президентом Соединенных Штатов избран Барак Обама, сын чернокожего мужчины из Кении и белой женщины из Канзаса. В своей предвыборной речи, посвященной расовым отношениям в Америке, Обама заявил, что

ответ на вопрос о рабстве уже закреплен в нашей Конституции – Конституции, в основе которой лежит идеал равноправного гражданства по закону; Конституции, которая пообещала народу свободу, справедливость и союз, который может и должен совершенствоваться со временем.

А в ночь своей победы на выборах избранный президент заявил стране:

Если кто-то еще сомневается в том, что Америка является местом, где возможно все, кто еще задается вопросом, жива ли в наше время мечта наших основателей, кто еще подвергает сомнению силу нашей демократии, то сегодня вы получили ответ.

Победа Обамы – один из критериев прогресса, которого добилась страна. Другим критерием – конечно же, самым важным из всех – является становление, не в последнюю очередь среди молодых американцев, которым предстоит строить будущее страны, широкого и глубокого консенсуса по вопросу о том, что позорная история рабства, сегрегации и преград должна стать достоянием прошлого.

Баптистской церкви на 16-й улице Бирмингема. В 2005 году ее подруга Кондолиза Райс вступила в должность государственного секретаря США.

Количество чернокожих выпускников средних школ увеличилось с 1966 года почти втрое, а показатели бедности за это время уменьшились почти наполовину. Становление чернокожего среднего класса считается важным социальным достижением, как и появление многочисленных афроамериканских предпринимателей, ученых, мастеров литературы и искусства.

Хотя американцы продолжают сталкиваться с расовыми проблемами, теперь эти проблемы принципиально отличаются от тех, которыми занимались Тергуд Маршалл, Мартин Лютер Кинг и движение за гражданские права. Хотя современные вопросы не менее насущны, они также отражают подлинный прогресс, достигнутый за минувшие десятилетия.

Возьмем образование – предмет решения по делу «Браун против Комитета по образованию». В последнее время в решениях Верховного суда определяются допустимые пределы программы «позитивных действий», которая ставит целью исправление прошлой дискриминации и обязывает муниципальные учебные заведения добиваться того, чтобы состав учащихся отражал демографическую структуру обслуживаемых населенных пунктов.

Судьям теперь предлагается принимать решения, связанные с конкуренцией потребностей, например, в школьном округе, который позволяет всем родителям выбирать любую школу для своих детей. Если слишком много родителей пытается устроить своих детей в определенную школу, то попасть в нее смогут не все. Может ли округ в таком случае настаивать, даже в порядке разрешения противоречия, на своем стремлении поддерживать расовый баланс

в этой популярной школе, определяя, какие заявки следует удовлетворить?

Должны ли власти вмешиваться, когда в школах фактически действует сегрегация вследствие особенностей застройки жилых кварталов и их заселения, а не потому, что, как во времена Линды Браун, миллионы афроамериканских учащихся сознательно подвергались сегрегации и отправлялись в захудалые школы самого низкого качества?

Американцы любой расовой принадлежности могут оспаривать многие решения и действительно пользуются этим правом. И далеко не у всех американских лидеров есть ответы на эти дилеммы.

Исполнительный редактор: Джордж Клэк
Главный редактор: Милдред Сола Нили
Ответственный редактор: Майкл Джей Фридман
Художественное оформление: Минь-Чжи Яо
Подбор фотографий: Мэгги Джонсон Слайкер

Майкл Джей Фридман, автор основной части текста в этой книге, является руководителем Отдела печатных изданий Бюро международных информационных программ Государственного департамента. Имеет степень доктора философии в области политической и дипломатической истории США.

Фотографии:

Ссылки на источники снимков, использованных в качестве иллюстраций, идущих сверху вниз, разделены тире, а слева направо – точкой с запятой.

Обложка: AP Images (4). 2-я страница обложки: AP Images. Стр. 3: Schomburg Center/Art Resource, NY. 4: Британская библиотека/ Лондон/Великобритания/NIP/Art Resource, NY. 6: Hulton Archive/ Getty Images. 8: Художественная библиотека Бриджмена/ Getty Images. 9: Библиотека Конгресса США. 10: Hulton Archive/ Getty Images. 11: Картина Джерри Пинкни, Национальное географическое общество. 12: MPI/Getty Images. 13: Hulton Archive/Getty Images – Библиотека Конгресса США, Отдел оттисков и фотографий. 14: Библиотека Конгресса США, Отдел оттисков и фотографий. 16: Библиотека Конгресса США, Отдел оттисков и фотографий. 17: Луи Психойос /Science Faction. 18: Библиотека Конгресса США, Отдел оттисков и фотографий. 19: © CORBIS. 20: Библиотека Конгресса США, Отдел оттисков и фотографий. 21: AP Images. 22: Мари Хансен/Time Life Pictures/ Getty Images. 24: Библиотека Конгресса США, Отдел оттисков и фотографий. 25: © David J. & Janice L. Frent Collection/CORBIS. 26: Scurlock Studio Records, Центр архивов, Национальный музей американской истории, Центр Беринга, Смитсоновский

институт. 27: Библиотека Конгресса США, Отдел оттисков и фотографий; AP Images. 28: Историческое общество Вирджинии, с разрешения Афроамериканского центра газетных архивов и исследований. 29: © Bettmann/CORBIS – © Джек Мебес/CORBIS; AP Images. 31: AP Images. 33: © Bettmann/CORBIS – AP Images. 35: Дон Крейвенс/ Time Life Pictures/Getty Images – Отдел шерифа округа Монтгомери /AP Images. 36: © Bettmann/CORBIS. 37: Сай Каттелсон, желатиновый серебряный оттиск, 1948, Национальная портретная галерея, Смитсоновский институт. 38: © Bettmann/CORBIS (2). 39: Пол Шутцер /Time Life Pictures/ Getty Images. 40: Хорас У. Корт /AP Images; © Bettmann/CORBIS. 43: Билл Хадсон/AP Images. 44: Гарри Гарри/AP Images. Hulton Archives/CNP/Getty Images. 46: Карлос Осорио/AP Images – Джин Херрик/AP Images. 47: Лейси Адкинс/AP Images. 48: © Bettmann/CORBIS. 49: Лэндалл Кайл Картер /CORBIS. 50: AP Images. 51: © Bettmann/CORBIS. 52: © Флип Шульке/ CORBIS (2). 55: AP Images. 56: AP Images; Дозьер Мобли/AP Images – AP Images. 58,59: AP Images (3). 60: © Флип Шульке/CORBIS. 62–63: © Bettmann/CORBIS; Хорас У. Корт /AP Images. 64: Билл Эппридж/ Time Life Pictures/Getty Images. 65: Digital Vision/Getty Images. 66: Ариэль Скелли/Getty Images – Бебето Мэтьюз/ AP images.

СВОБОДНЫ НАКОНЕЦ

ДВИЖЕНИЕ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В США

Bureau of International Information Programs
U.S. DEPARTMENT OF STATE
<http://www.america.gov>